ПИОНЕР

МАРТ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1955 год 3

С добрым утром!

Зинаида Александрова. Рисунок Ф. Лемкуля.

Ночь идёт степями Казахстана,
Ходики стучат.
— Ты слышишь, Анна?
Ведь пора тебе в ночную смену.
Свет зажгли. Давно вставать пора!
Трактористы барабанят в стену,
В кухне кашу варят повара...

...А перед рассветом сладко спится.
Снится первомайская столица,
Снятся мама, младшая сестра,
Бал кремлёвский, танцы в белом зале,
Новые подруги на вокзале...

На рассвете ветрено и зябко,
Не дождаться, видно, здесь весны.
Пригодилась дедушкина шапка,
Ватные солдатские штаны...

Включены, проверены моторы,
И над степью нарастает гром,
Словно эскадрилью на просторы
Выслал фронтовой аэродром.

Словно, громыхая, мчатся танки
В наступленье, а не на парад.
Щёки разгораются у Анки,
Даже руки нынче не болят.

Выбрала себе ты, Анка, долю,
Не беда, что трудная она!
Впереди, как в сказке, чисто поле,
Без конца, без края целина.

Целина! Понятней станет это,
Если едешь той же бороздой, —
Трактористкой начатой с рассвета,
Конченною с первою звездой.

Сколько в ней гектаров? Миллионы.
Здесь не праздник, а почётный труд.
И грохочут снова эшелоны,
Молодёжь задорную везут.

Но пахать не сразу всем придётся,—
Дела много: надо рыть колодцы,
Печи класть и собирать дома...
Анна штукатурила сама,
Стены в общежитии белила,
Ножиком с полов сдирала грязь...
И откуда вдруг такая сила
У недавней школьницы нашлась?!

Анка знала: Чайке или Зое
Было на войне труднее втрое,
Было тяжелее в десять раз!
Надо честно, хорошо трудиться,
Все богатства взять у целины,
Чтобы горы солнечной пшеницы
Отовсюду были бы видны.

И, увидев каравай румяный
В новеньком киоске на окне,
Мама скажет: «Хлеб из Казахстана,
Дочка у меня на целине».

И промолвит женщина другая,
Доедая бережно кусок:
«Корочка такая золотая,
Этот хлеб, наверное, с Алтая.
На Алтае у меня сынок...»

Рассвело. Орёл над степью кружит,
Тушит звёзды, прогоняет ночь...
Грузовик застрял в глубокой луже,
Надо как-нибудь ему помочь.

— Здравствуй, Анка!
С добрым утром, Анна! —
Девушки кричат с грузовика.
И встаёт над степью Казахстана
Солнышко, скуластое слегка.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№3 МАРТ 1955 г.

В этом номере

На обложке:
рисунок К. Арцеулова
«Учебный прыжок».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Шпага д'Артаньяна

ПОВЕСТЬ

А. Перфильева

Рисунки Б. Винокурова.

...Есть отвага в груди —
Ко врагу подойди,
И не будет короток булат...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Десять дней! Целых десять дней! В каждом дне — двадцать четыре часа, в каждом часе — шестьдесят минут. Итого...

Витя ещё раз перечитал расписание. Его продиктовала вчера в классе вожатая Тамара, или Тома, как называли её все в отряде.

На белом листке были начерчены десять клеток, в верхней написано:

«24 марта, первый день каникул.— Кол. пос. муз.».

Это значило: коллективное посещение краеведческого музея.

Витя подумал и приписал: «Для старух. Не интересуюсь».

А за окном вдруг повалил снег, мокрый, весёлый. Падал на подоконник, блестел на солнце, как будто это был не снег, а грибной дождь.

Во второй клетке значилось: «Вылазка на каток».

Витя поставил птичку и приделал знак вопроса. «Лёд, факт, растает. Не растает,— пойду».

В следующих клетках было:

«Встр. с писат.». «Встреча с писателем, а каким, неизвестно; если приедет тот, кто написал «Ракету 83», можно пойти».

«Обсуждение книги «Раз — два, в ногу!». «Скука».

«Беседа на тему «Как организовать свой досуг».

Витя поморщился, перечеркнул клетку и написал неразборчиво: «Сам знаю! Взять у Гавр. С. «Трёх мушкетёров».

Дальше в расписании шло:

«Детский утренник». «Это для малышей». «Кол. пос. кино». «Смотря что за картина, а то лучше с Шуркой Кривошипом на «Подвиг разведчика».

Витя засунул расписание под учебники, чтобы Танюшка не совала носа, нахлобучил кепку, сдёрнул с вешалки пальто...

— Ты куда это идёшь? — строго спросила Танюшка.

— А тебе что? — Витя даже не смотрел на сестрёнку.

— Мама велела: без калош нельзя!

Но Витя был уже в передней и с грохотом захлопнул за собой дверь.

По всей улице дружно шаркали скребки. Дворничихи счищали с тротуаров снег, он брызгами летел на мостовую.

Витя подхватил горсть, слепил снежок и запустил в соседний двор. Оттуда тотчас вылетел ответный снежок и шлёпнулся под ноги прохожему. Тот проворчал: «Безобразие!..»,— а Витя быстро свернул в переулок, в ворота крайнего дома.

Он постучал в окно.

За окном темнела штора. Она приподнялась, чья-то рука с карандашом стукнула в стекло.

В сенях у двери висела табличка: «Поповым звонить один раз, Смирновым — два, Тихомировым — три...» Дальше Витя никогда не успевал прочитать: жильцов было очень много, целых шесть звонков.

Дверь открыла соседка Поповых, старая пенсионерка Калерия Геннадиевна. Она смерила Витю взглядом с головы до ног и сказала:

— Мальчик, вытирай тщательно ноги и не шуми, проходя по коридору. Ты, слава богу, кажется, один?

Витя голосом потоньше ответил:

— Спасибо, один, здравствуйте. Гаврила Семёнович дома? — и затоптался на половике: в этом доме он был всегда очень вежлив.

Витя постучал в дверь.

— Да, да, заходи! — крикнули оттуда, и раздался звонкий, как колокольчик, лай.

Маленькая рыжая собачка с длинными, чуть не до полу, ушами радостно кинулась к Вите.

Вся комната была завешана картинами в рамах и без рам, белыми безглазыми масками и так тесно заставлена книжными полками и шкафами, что идти по ней приходилось зигзагами.

— Здравствуйте, Гаврила Семёнович! — громко сказал Витя.

Гаврила Семёнович в перемазанной красками куртке стоял над раскрытым длинным ящиком.

— Здравствуй, Витя, проходи. Ты что-то давненько не был! — сказал он и пошевелил мохнатыми, точно гусеницы, бровями.

— А у нас контрольные были! Теперь каникулы начались!

— О-о, это хорошо. Чем же думаешь заняться?

— Ох, прямо каждый день по плану расписан! Беседы, разные посещения... Прошлый год даже замучились!

— Ну, а как с английским? Опять двойка?

Витя потупился:

— Тройка. Зубрил, зубрил... Да разве на нашего Ивана Ивановича угодишь! Всех режет, такой «Пинкертон»... Гаврила Семёнович, а что это вы делаете?

— Да вот старьё разбираю. Рисунки, этюды...

Витя с интересом заглянул в ящик.

— Гаврила Семёнович, а почему здесь целая куча, и всё про одно и то же?

— Всё пробовал, как лучше будет. Узнаёшь?

— Конечно! Вон на стене висит, с рекой! — И Витя показал на большую картину в тяжёлой, бронзовой раме.

— Ну, а какая, по-твоему, лучше?

— Ясно, та! — Витя ткнул пальцем на стену.

— Потому и лучше, что вот этих целая куча, как ты выразился.

Витя присел и погладил ластившуюся у его ног собачонку.

— Гаврила Семёнович, а что это за мощный старик? — тут же спросил он, показывая на лежащую в ящике гипсовую голову.

— Этого старика Зевсом звали, — улыбнулся Гаврила Семёнович. — Древнегреческий бог. Хочешь, подарю?

— Спасибо, что вы! Зачем он мне, бог-то?..

Гаврила Семёнович нагнулся над ящиком, вынимая из него какие-то растрёпанные папки.

— Значит, режет вас всех «Пинкертон»? — повторил он.

— Ага! — Витя глубоко вздохнул. — Он, говорят, в войну разведчиком был... Мы у него на уроках как мёртвые сидим. Чуть пошевельнёшься — вон из класса!

— Значит, не любите его?

— Что вы, Гаврила Семёнович, наоборот! Мы арифметичку не любим: она, у кого отец директор или генерал, ласковая. А Иван Иванович справедливый, всех подряд гробит. Гаврила Семёнович, а вы мне обещали «Трёх мушкетёров», когда каникулы начнутся.

— Да ведь ты говорил, что уже два раза читал!

— Я ещё десять могу! — Витя притопнул ногой.

— Неужели не надоест? Вот лучше помоги мне в этом старье разобраться, пока Марья Ивановна с работы не пришла. Ого, что нашёл!

И Гаврила Семёнович вдруг вытащил из ящика покрытую пылью, с потускневшей рукояткой шпагу в кожаных тиснёных ножнах.

Витя схватил шпагу, и глаза его загорелись.

Пока Гаврила Семёнович рылся в ящике, он вертел шпагу, вынимал из ножен, пробовал на зуб сталь, нюхал, вставал перед зеркалом в позы, чистил рукоятку о штанину...

— Гаврила Семёнович, и что это за чудная такая шпага? — спросил он.

— Это, друг, старинная шпага.

— Лет сто ей?

— Да, пожалуй, и больше, кто знает! — отвечал Гаврила Семёнович, разбирая пожелтевшие листы в папках.

— А что это здесь написано? — приставал Витя.

— Покажи-ка... Дай лупу со стола. Так, так... — Гаврила Семёнович прищурился. — Написано: «Толедо». Это такой город в Испании, там её, наверно, делали. А ещё по-французски: «Береги честь».

— Гаврила Семёнович, а как она к вам попала?

— Вот уж не знаю. Должно быть, от дедушки: он всякую старину собирал.

Теперь Витя в лупу разглядывал шпагу. Нашёл пробу: рукоятка была из чистого серебра, художественной работы. Обнаружил на лезвии запекшуюся кровь и не согласился, когда Гаврила Семёнович сказал, что это ржавчина.

— Гаврила Семёнович, что это здесь за зарубки? — не унимался Витя.

— Зарубки? Может быть, число дуэлей или убитых на дуэли этой шпагой, — пошутил Гаврила Семёнович.

— Вот это здорово! — Витя начал считать: — Раз, два, три... Двенадцать штук, вот это да! А кто ею дрался? А почему она короткая? Зачем конец обломанный? — сыпал он вопросами.

— Фу ты, какой любопытный! Кто дрался, — не знаю. Конец обломан, — наверное, последний удар пришёлся по панцирю. А короткая она... Так ведь для храброго человека длинная шпага и не обязательна. «Есть отвага в груди — ко врагу подойди, и не будет корòток булат...» — вдруг продекламировал Гаврила Семёнович.

— Как? Как? Вот это мне нравится, повторите, пожалуйста! — воскликнул восхищённый Витя. — Повторите, я запишу! — Он вытащил из кармана клочок бумаги и карандаш: — «Есть отвага в груди — ко врагу подойди...» Гаврила Семёнович, а что, если... — Витя задохнулся от возбуждения. — А вдруг... А что, если это самого д'Артаньяна шпага? Как вы думаете, а?

— Сильно сомневаюсь. Впрочем, всё может случиться, — отмахнулся от него Гаврила Семёнович, продолжая разбирать ящик.

Витя снова отошёл к зеркалу и долго молчал, рассматривая шпагу.

— Гаврила Семёнович, знаете что? — наконец робко сказал он. — Продайте мне эту шпагу!

— Что-о? Да зачем она тебе понадобилась?

— Я заплачу. В рассрочку. В кино не буду ходить, накоплю. Продайте!

В голосе у Вити послышалась такая мольба, что Гаврила Семёнович засмеялся.

— Нельзя, Витя,— он покачал головой.— Шпага называется «холодное оружие», и носить её не разрешается.

— Да она же сломанная, тупая! Перочинный ножик — и то опасней...— горячо убеждал Витя.

— Нет, дружок. Знаю я вас, сорванцов. Начнёте баловаться, а мне отвечать придётся. Ещё под суд попадёшь.

Витя сложил на груди руки:

— Гаврила Семёнович, честное слово, из дома не вынесу, вот честное пионерское! Не верите? Я вас никогда не обманывал!

Гаврила Семёнович серьёзно посмотрел на него.

— Верю тебе, Витя. Но не могу. Что твои родители скажут?

— Родители согласятся, я знаю! — обрадовался Витя, загораясь надеждой.— Вот увидите, что согласятся. Вот увидите!

Гаврила Семёнович несколько минут подумал. Потом сказал:

— Ну хорошо. Давай с тобой договоримся так: если ты обещаешь мне шпагу из дома не выносить, не баловаться и, самое главное, сегодня же принести от родителей расписку, что они разрешают, тогда я дарю её тебе.

— Ура! — завопил Витя, размахивая ножнами, но тут же спохватился: — Что вы, Гаврила Семёнович, такую драгоценную вещь... Нет, я заплачу, я накоплю...

— Дарю тебе, Витя, в знак нашей дружбы,— повторил Гаврила Семёнович.— Только, смотри, никогда не забывай надпись: «Береги честь»,— и он похлопал Витю по плечу.

— Спасибо! Спасибо! Вот это подарочек! — бормотал Витя.

Он засунул шпагу в штанину и, придерживая её, забыв про всё на свете, даже не попрощавшись с Гаврилой Семёновичем и не взглянув на обиженную таким невниманием собачонку, выбежал из комнаты.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С художником Гаврилой Семёновичем Поповым и его женой Марьей Ивановной Витя познакомился так.

Однажды после школы — дело было ещё зимой — Витя с Шуркой Кривошиповым катались на лыжах. У реки собралось много мальчишек; сбили из снега трамплин и съезжали с горы вниз.

Витя только приготовился показать высший класс, воткнул палки в снег и вдруг услышал отчаянный крик.

По заснеженной реке бежала девочка, махала руками и звала:

— Пуделька, назад! Назад, Пуделька!

Перед ней скакала, волоча поводок, рыжая мохнатая собачонка. Она мчалась к полынье у моста, где ребятам было строго-настрого запрещено кататься. Над полыньёй кружились вороны и курился пар: в этом месте завод спускал в реку горячую воду с отработанным мазутом. Собачонка домчалась до ворон и, не удержавшись, с размаху полетела в полынью. Девочка завизжала что было сил.

Тогда Витя, не раздумывая, скатился с берега, развернулся и понёсся к мосту.

Собачонка хотела вылезти из полыньи, но подтаявший лёд обламывался под её лапами.

Гаврила Семёнович вытащил из ящика покрытую пылью, с потускневшей рукояткой шпагу.

Витя крикнул:

— Кривошип, на помощь!

Шурка прыгал на одной ноге, надевая лыжу, мальчишки посыпались с берега.

Но Витя опередил всех. Сбросил лыжи, лёг на них животом и пополз к полынье.

Собачонка, увидев его, взвизгнула. На глазах у неё появились слёзы. Девочка замерла в ужасе.

Витя дополз на лыжах до края полыньи, протянул руки и через минуту вытащил дрожащую, чёрную от мазута Пудельку. От неё валил пар.

Что же было дальше?

Девочка так растерялась, так жалобно всхлипывала, повторяя: «Ой, что ж теперь делать! Пуделька замёрзнет...», — что Вите волей-неволей пришлось нести за ней мокрую собачонку.

Шурка Кривошип кричал:

— Да пустите её, ногами скорей добежит! Витька, а лыжи?

Но Витя, забыв про лыжи, молча тащил свою ношу к дому, на который показывала девочка.

Она всю дорогу твердила:

— Ой, что ж теперь делать! Что теперь будет...

— Ничего не будет, — отрезал Витя. — Надо только её отмыть.

Что он сам был весь в мазуте, Витя сгоряча и не заметил.

Однако, когда им открыла дверь сердитая старуха и с торжеством закричала: «Так я и знала! Марья Ивановна, полюбуйтесь, что ваши дети с несчастной собакой сделали!» — Витя оробел тоже.

В переднюю выбежала нарядная темноволосая женщина и всплеснула руками.

— Что случилось, Милочка? Что случилось? — ахнула она.

— Ой... вот он... вытащил! — всхлипнула Милочка. — За воронами погналась...

— Кто погнался? Мальчик, расскажи всё по порядку! Пуделька, бедная, вся в грязи!..

— Это мазут, — Витя опустил на пол чумазую Пудельку. — Надо керосином, а то не отойдёт.

— Керосином? — испуганно переспросила Марья Ивановна. — Батюшки мои, да где же это вы её искупали? А если содой? Мальчик, помоги, пожалуйста, принести корыто...

И все засуетились вокруг Пудельки.

Она тихонько скулила и смотрела на Витю благодарными глазами. Милочка — тоже.

Витя, скинув куртку, скрёб и мыл Пудельку, наплескал целую лужу воды... А Милочка подтирала пол и всё спрашивала:

— Она не простудится? Она не умрёт?

Наконец собаку завернули в чистую, сухую тряпку, и Витя решил, что ему пора уходить.

Но в это время в переднюю вышел мужчина с мохнатыми бровями. Это и был Гаврила Семёнович. Он сказал:

— Что за шум, а драки нету? Ну, герои, выкладывайте по порядку, как всё произошло!

Милочка, волнуясь, показывая на Витю, стала объяснять, но Витя перебил её:

— Она у вас, наверно, охотничья? Я знаю, у которых уши длинные, те охотничьи... Увидела ворон и как побежит!

— Ты прав, но не совсем, — ответил Гаврила Семёнович. — Длинные уши бывают и у собак других пород. Эта порода, верно, охотничья, по уткам, называется спаниэль.

— А почему её зовут Пуделька?

— Гм, да так уж прозвали...

А Пуделька лежала на подстилке, закутанная, поблескивала глазом и изредка в знак признательности стучала по полу хвостом.

— Милочка, теперь умойтесь оба, — сказала Марья Ивановна, — и зови мальчика пить чай. Пойдёмте к нам в комнату!

Витя посмотрел на девочку, покраснел и быстро сказал:

— Спасибо, что вы, я уже давно напился! Мне домой надо...

— Тогда пойдём, выбери себе, какую хочешь, почитать книжку. Прочитаешь и принесёшь обратно! — предложил Гаврила Семёнович.

На это Витя, конечно, согласился.

Его повели в тесно уставленную мебелью большую комнату с высокими окнами. Глаза у Вити разбежались: в шкафах, на полках стояло и лежало столько книг, что комната была похожа на библиотеку.

Гаврила Семёнович открыл шкаф и коротко сказал:

— Выбирай!

...В тот вечер Вите здорово попало от матери за перепачканную мазутом куртку. Но он ничуть не обиделся. Знакомство с Гаврилой Семёновичем, Марьей Ивановной и Милочкой стоило этого.

К тому же принесённая книга оказалась такой интересной, что Витя просидел над ней весь вечер и даже не успел приготовить уроки на завтра.

* * *

У Гаврилы Семёновича и Марьи Ивановны своих детей не было.

Наверно, поэтому они очень любили всех чужих детей — и больших и маленьких, — и к ним постоянно ходило столько ребят, что соседи ворчали и были недовольны.

Больше всех всегда ворчала старая пенсионерка Калерия Геннадиевна.

— Ходят и ходят... — говорила она. — Будто на постоялый двор. Только грязь носят.

Тогда Марья Ивановна собирала во дворе ребят и внушала им: ходить не больше чем по два человека, звонить один раз, а еще лучше стучать в окно, ноги вытирать и в коридоре не топать. Ребята, конечно, обещали, но тут же забывали — такой уж это народ!

Девочка Милочка жила в том же доме, что и Поповы.

Она была у Марьи Ивановны вроде секретаря и очень гордилась этим. Вела запись, кто какую взял книжку, следила, чтобы не трепали и возвращали во-время, и еще устанавливала очередь на желающих гулять с Пуделькой. А таких было очень много, потому что Пуделька отличалась весёлым и ласковым характером и позволяла делать с собой что угодно: тискать, тянуть за уши и даже садиться верхом.

После случая на реке Витя очень скоро стал одним из частых посетителей в доме Поповых.

Почему ему сразу так понравилось у Гаврилы Сёменовича и Марьи Ивановны, Витя и сам как следует не понимал.

Нельзя сказать, чтобы Витя отличался дома или в школе особенной вежливостью или дисциплиной. У Поповых же он говорил «спасибо» и «извините» так часто, что даже Калерия Геннадиевна удивлялась.

Девочка замерла в ужасе.

С книжками Витя был аккуратен и точен, как часы, и Гаврила Семёнович вскоре стал давать ему самые интересные и любимые свои книги и журналы, а Марья Ивановна отпускала его гулять с Пуделькой хоть на целый вечер. Милочка тоже не могла нарадоваться: после первого же замечания Витя стал возвращать книги обёрнутыми в газету и даже с подписанными, правда, ужасными каракулями, названиями.

И странное дело! Стоило только Вите придти к Гавриле Семёновичу сменить новую книжку, как у Милочки сразу же находилось какое-нибудь важное дело к Марье Ивановне, и она тоже поскорее спускалась со второго этажа в квартиру Поповых. Как она узнавала, что Витя пришёл, оставалось тайной.

Глупые мальчишки во дворе, конечно, заметили всё и прозвали Милочку «невестой». Милочка обижалась и плакала, а Витя делал вид, что не обращает на это никакого внимания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Витя выбежал от Гаврилы Семёновича в превосходном настроении.

«Вот это подарочек! Вот это да! — про себя твердил он.— А родители согласятся. Ещё бы не согласиться!..»

Шпага в штанине мешала ему быстро идти, и он пошёл тише, не сгибая ногу, прихрамывая, но стараясь держаться как можно прямее.

Свернул в кривой, кончавшийся тупиком переулок. Этим переулком Витя обычно избегал ходить, потому что там жил и властвовал Валька Пузырь из шестого «Б» их школы, известный задира и силач, не пропускавший ни одного чужого мальчишки через свой проходной двор. А чтобы скорее попасть домой, Витя решил идти именно проходным двором. Сейчас, чувствуя за поясом шпагу, он был готов на всё!

Так и есть!

Пузырь стоял в воротах, окружённый, как всегда, своими ребятами. Издали он щурился на подходившего Витю.

Засунув руку под куртку и положив её на эфес шпаги, с забившимся сердцем Витя шёл навстречу опасности.

— Эге! — зловеще процедил сквозь зубы Пузырь.

Витя, не дрогнув, продолжал идти.

Завернул в ворота и особенно медленно стал подниматься в гору. Он готов был поклясться, что Пузырь сам уступил ему дорогу.

«Прошёл, как торпеда,— подумал Витя, замирая от восторга и гордости.— Как д'Артаньян между гвардейцами кардинала Ришелье!»

И хотя ему страшно хотелось обернуться, всё-таки не обернулся.

А Пузырь в это самое время говорил своим ребятам:

— Да что с ним связываться! За живот держится и хромает. Инвалидов не трогаем...

Благополучно миновав проходной двор, Витя вышел на свою улицу и чуть не запрыгал от радости. Но шпага больно ткнула его в бок, и он опомнился.

Всё же у себя в подъезде он дал себе волю: прихватил рукоятку обеими руками и, как на крыльях, взлетел на третий этаж.

Родители были дома.

Витя уже наметил себе план действий. Он ворвётся в комнату, выложит перед восхищёнными родителями шпагу и, пока они будут любоваться ею, потребует расписку.

Но всё получилось не так.

Ещё из кухни Витя услышал сердитый голос матери, говорившей отцу:

— Ты бы поменьше с приятелями в пивной сидел да побольше детьми занимался. Мальчишка вон совсем от рук отбился. И деньги целее будут...

На это отец громко крякнул.

«Поссорились! — подумал Витя, не заходя в комнату.— Если из-за меня, расписки не видать. А может, денег до получки не хватило?»

И он решил, что пока родители не в духе, разговор про шпагу лучше отложить.

Витя потосковал в коридоре, сбросил на сундук куртку. Шпага не давала ему покоя: надо было немедленно показать её кому-нибудь.

— Ты где это был? — строго спросила игравшая в коридоре с соседской девочкой Танюшка.— За тобой Шурик Кривошипов заходил, заходил...

— Кривошипов? Когда? — обрадовался Витя. Это был выход.

— Полчетвёртого. В музей идти. А мама велела, как придёшь, чтобы дома сидел! — прибавила она, увидев, что Витя снова надевает куртку.

Но Витя только грозно посмотрел на Танюшку и скрылся за дверью.

Кривошип! Как это он сразу не сообразил? Конечно, надо было сейчас же показать шпагу Кривошипу.

Однако Витя тут же вспомнил слова Гаврилы Семёновича: «Шпагу из дома не выносить...»

Да, но ведь можно с чистой совестью считать, что он и не заходил домой! А расписку? Расписку-то до вечера ещё успеет получить!

И Витя снова очутился на улице.

Уже смеркалось. Кое-где в окнах зажглись огни. В полумраке дома стали выше, от них на мостовую падали чёрные тени. Казалось, что в каждой подворотне человека поджидает опасность.

Витя решительно шагал по тротуару.

И воображение быстро стало рисовать и подсказывать ему самые необыкновенные картины. Одну заманчивее другой.

Неплохо было бы, например, встретиться сейчас же один на один в тёмном переулке с тем же Пузырём и, вытащив из-за пояса шпагу, обратить его в позорное бегство.

Или вот ещё лучше.

Витя лёг на лыжи и пополз к полынье.

Витя видит, как будто по улице идёт девочка. А за ней неслышно крадутся три, нет, лучше два — с тремя ещё не справишься! — бандита. Девочка не замечает их. Витя прячется в тени забора, и рука его сжимает рукоять шпаги. Разбойники хватают девочку. «Снимай шубу!» — шипят они, озираясь по сторонам. «Помогите!» — слышится жалобный приглушённый крик. Один из бандитов зажимает девочке рот, другой стаскивает шубу. Как барс, обнажив шпагу, Витя бросается вперёд. Удар! Ещё удар! И разбойники, бросив шубу, удирают во все лопатки. «Ты мой спаситель, — говорит девочка (это, конечно, Милочка). — Скажи мне скорее, как тебя зовут?». Витя срывает маску — ах, да откуда же у него маска? Придётся срочно сделать! — безмолвно поднимает шубу, подаёт её девочке и исчезает в переулке...

У Вити даже защипало в носу. Проглотив слюну, он думал дальше.

Вот сейчас из-за угла выходит его враг, учитель английского языка Иван Иванович, «Пинкертон». А следом в надвинутой на глаза шляпе — какой-нибудь шпион, пробравшийся в нашу страну, чтобы отомстить ему. Рука с кинжалом, поднятая, чтобы поразить учителя в спину, безжизненно падает. Это Витя в последнюю минуту разрубает её шпагой. «Пинкертон» благодарит Витю и говорит:

«Я был к тебе несправедлив. Прости меня...» — и исправляет тройку в четверти на пятёрку.

Но тут Витя снова вспомнил, что обещал Гавриле Семёновичу не только не выносить шпагу из дома, но и не обнажать её. Это сразу отрезвило его, и ему стало не по себе.

Однако он быстро придумал выход.

Он сам придёт к Гавриле Семёновичу и скажет: «Я обманул вас. Я обнажил на улице шпагу!»

Гаврила Семёнович станет серьёзный и грустный. «Я верил в тебя, Витя, — скажет он. — Но ты не оправдал моего доверия. Теперь наша дружба врозь. Прощай!»

Тогда Витя скромно, не выпячивая себя, расскажет ему всё. И Гаврила Семёнович всё поймёт, похвалит его и подарит ему самую лучшую свою картину, где охотник стреляет в лося...

Так мечтал Витя. Но кругом было тихо и спокойно. Бежал по улице освещённый трамвай, лоточница продавала папиросы, и только милиционер на перекрёстке подозрительно, как показалось Вите, оглядел его.

Витя замедлил шаг. А вдруг милиционер увидел, что у него из-под штанины высовывается шпага?

«Свернуть с дороги? — подумал Витя. — Усилишь подозрение. Бежать? Ещё хуже».

Он остановился в нерешительности, ища выхода. А милиционер вдруг поманил его к себе пальцем.

Опустив голову, чувствуя, что спотыкается, как приговорённый к казни, Витя заковылял к нему. В душе он твёрдо решил, что Гаврилу Семёновича не выдаст, лучше тюрьма!

Милиционер смотрел на него внимательно и ласково.

— Что ты ищешь, мальчик? — спросил он. — Что с тобой? На тебе лица нет.

— Ничего, спасибо, нога болит, а дорогу я знаю, — прохрипел Витя и, боясь оглянуться, хромая больше, чем надо, пошёл по мостовой.

«Пронесло! — думал он. — Теперь надо быть осторожней...»

И ему сразу расхотелось мечтать и искать приключений. К тому же дом Шурки Кривошипа был уже рядом.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шурка Кривошипов, или Кривошип, как его прозвали в школе за немного кривые ноги, был лучшим другом Вити, хотя ни внешне, ни характером они вовсе не были похожи.

Кривошип был маленький, коренастый, с почти чёрными волосами, раздвоенным подбородком и длинным прямым носом. (Учительница рисования говорила, что у Шурика римский профиль.)

У Вити же волосы были совсем светлые и щёки очень румяные.

Шурка уже два года назад вообразил себя взрослым и решил никогда ничему не удивляться. А Витя вечно чем-нибудь увлекался, и никак нельзя было ожидать, что он придумает завтра.

Шурка много занимался гимнастикой и даже, как он выражался, «работал с гантелями». Однажды он подсчитал, что если каждый день прыгать вверх по десять — двадцать раз, прибавляя ежедневно по сантиметру, что вовсе нетрудно, то примерно через полгода можно допрыгаться до потолка. И втайне от товарищей усердно тренировался.

Витя же был совершенно равнодушен к спортивным достижениям и больше всего любил книги с приключениями.

Про Гаврилу Семёновича Витя, конечно, рассказал Кривошипу, но почему-то до сих пор ни разу не приводил его с собой в гости к Поповым.

Были они оба — и Витя и Шурик — в одном звене, учились на четвёрки и пятёрки, кроме английского языка, который давался Вите с трудом, а Шурка считал его не имеющим применения в практической жизни.

Шурка был уже дома и сидел один, когда к нему пришёл Витя.

— Клянись, Кривошип, что не выдашь моей тайны! — с порога, как только Шурка закрыл за ним дверь, начал Витя. — Твоих никого нет?

— Клянусь. Никого. Какой тайны? — быстро сказал Кривошип и поднял руку.

— Гляди.

И Витя вытащил из штанины шпагу.

Кривошип взял её и начал внимательно изучать. Витя горделиво смотрел товарищу в лицо. Но лицо Кривошипа не выражало ничего, кроме полного спокойствия. Ни изумления, ни восторга, точно ему каждый день приходилось иметь дело с такими редкостями!

— Ну? Видал-миндал? — не выдержал наконец Витя.

Кривошип презрительно опустил углы губ.

Витя, не дрогнув, продолжал идти.

— Устаревшая, — произнёс он свой приговор.

— Что? Устаревшая? Сам ты устаревший! — возмущённо воскликнул Витя. — Эх, ты! Да разве в том дело, что устаревшая? Да эта шпага, если ты хочешь знать... самого д'Артаньяна!

— Кого, кого? — Шурка наморщил лоб. — Какого такого д'Артаньяна?

— Эх, не знаешь... — Витя захлебнулся от негодования. — Мушкетёр знаменитый, храбрец!

— Погоди! Погоди! — остановил его Кривошип. — Я всех знаменитых знаю: Александр Невский, Суворов, Багратион, Чапай... — начал он перечислять, загибая пальцы.

— Чудак! Д'Артаньян, конечно, француз был, но тоже свой. Благородный и никого на свете не боялся. А ты...

— Ещё, может быть, придумаешь, что это царя Додона шпага? — расхохотался Кривошип и покровительственно похлопал Витю по плечу. — Литературная романтика! Лучше скажи, почему в музее не был?

— Никакая не романтика! — огрызнулся вконец расстроенный Витя и потянулся к брошенной на диван кепке.

— Постой, постой! — Кривошип схватил его за рукав. — Надулся, как индюк. Давай лучше я тебе новый приёмчик покажу. Называется «тур де бра»!

Он вырвал у Вити ножны со шпагой, швырнул на диван, и не успел Витя опомниться, как очутился на полу.

— Ах, ты вот как! — закричал он.

И ребята начали возиться и тузить друг друга так, что пыль столбом поднялась с пола.

Потом, угомонившись, они уселись оба на подоконник и, не зажигая света, стали беседовать на всевозможные темы. Тайн у них между собой не было никаких.

— А где ты её взял, эту саблю? — всё-таки, между прочим, спросил Кривошип.

— Вовсе она не сабля, — поправил Витя. — Эту шпагу мне подарил Гаврила Семёнович. — Он вдруг смутился. — Ну, не подарил, а просто так дал... Пока! — с деланной небрежностью сказал Витя.

— Это тот, у которого ты книжки берёшь?

— Ага. Знаешь, он какой, Гаврила Семёнович? — уже с искренним воодушевлением продолжал Витя. — Как начнёт про что-нибудь рассказывать, заслушаешься! Зверски образованный!

— А когда он тебе её подарил?

— Да тут... недавно. А ещё знаешь что, Шурка? — и Витя, правда, покраснев до корней волос, но совершенно равнодушным тоном прибавил: — А ещё, знаешь, мне у них в доме одна девочка здорово нравится. Милочкой зовут. Понимаешь, она совсем не похожа на всех других! — Витя помолчал. — Я, конечно, решил никогда в жизни не жениться, потому что путешествовать и

— Да что с ним связываться! За живот держится и хромает. Инвалидов не трогаем... — сказал Пузырь.

рисковать жизнью каждую минуту нельзя, если жена и дети, но... хочешь, познакомлю?

В ответ на это предложение Кривошип только громко и презрительно засвистел: он терпеть не мог девчонок.

— Нет, ты не думай, она совсем, совсем не как другие! Милочка...

— Знаем мы этих Милочек! — оборвал витины излияния Кривошип.— У бабушки в колхозе каждый день видели...

— Ты что? — опешил Витя.

— А ничего. Половину телушек в стаде Милками зовут! — и Кривошип захохотал, довольный своей остротой.

— Дурак ты, и больше ничего! — возмутился Витя.— Настоящий осёл!

— Кто, я осёл? — в свою очередь взорвался Кривошип.— А ты уж очень учёный стал, как завёл себе нового дружка! «Зверски образованный»! Ха-ха-ха!..

— Ну, знаешь ли...

Витя вспыхнул, и глаза его засверкали.

— Ты... ты... не смеешь так про Гаврилу Семёновича!

— Подумаешь, не смею! Какие нежности!

— Да, не смеешь! Ничего не понимаешь, даже не видал...

— Сам не очень-то показываешь! Втихомолку за книжками бегаешь! И смотреть, наверное, нечего!

— Нечего? По-твоему, нечего? Эх, ты!..

Ребята стали наскакивать друг на друга, как петухи.

— Подумаешь, шпагу старую подарил!

— А вот и подарил!

— Ещё вопрос, где ты её взял?

— Может, скажешь: украл? Да, украл? Ноги моей больше у тебя не будет!

— Ой, как страшно! Нужны мне твои ноги...

— Ах, так?

И Витя вдруг точно тем же приёмом, как недавно показывал Кривошип, повалил его на пол.

Не помня себя от гнева, с побагровевшим носом, Кривошип вскочил и готов был уже броситься на обидчика. Но Витя молниеносным движением схватил с дивана шпагу и, забыв о том, что она в ножнах, встал перед Кривошипом в позицию, точь-в-точь как д'Артаньян перед очередной дуэлью.

Ошеломлённый Кривошип замер. Но Витя круто повернулся, поднял с пола кепку и выбежал из комнаты, так хлопнув дверью, что в буфете зазвенела посуда.

Сбегая с лестницы, он слышал, как Шурка кричал из передней:

— Подумаешь! Размахался своим обломком! Француз! Тёлкин жених!

Это было уже слишком.

Витя пошёл большими шагами, дыша громко, как паровоз. Они и раньше ссорились с Кривошипом. Но теперь — он хорошо понимал — это было навсегда.

В шуркином дворе стояло высохшее старое дерево. Сколько раз, заигравшись, Витя с опаской пробирался мимо него, потому что дерево в темноте становилось похоже на какое-то сказочное чудовище. Но сейчас он даже обрадовался встрече.

С яростью выхватив из ножен шпагу, стал рубить и колоть ни в чём не повинную древеси-

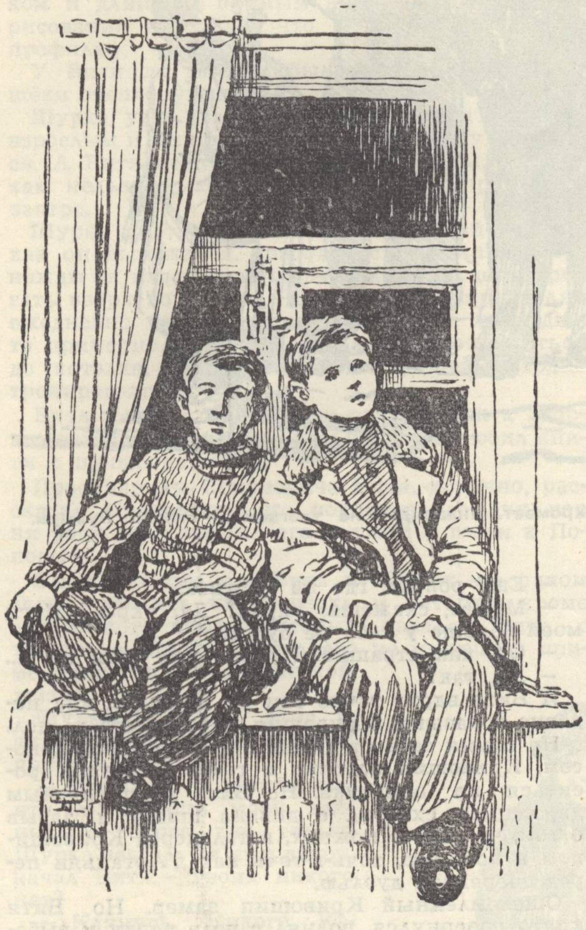
ну, то отступая, то наступая и делая выпады. Так он дал выход накопившемуся желанию сражаться и сразу утихомирился.

Оглянулся вокруг.

Звёзды сияли над домами. Громыхал по улице грузовик. Был уже настоящий вечер.

Витя похолодел. А расписка Гавриле Семёновичу?

Да, он должен немедленно получить её и сделать всё, как обещал. Иначе совесть его не будет спокойна.



Витя и Кривошип уселись на подоконник и стали беседовать.

Витя решительно вышел со двора. С Кривошипом было покончено навсегда. Что же, он сам пожалеет об этом...

Однако дома Витю ждало разочарование.

Ехидная Танюшка доложила, что родители сильно ругали Витю за то, что пропадает неизвестно где, велели ложиться спать, а сами ушли в гости и вернутся поздно.

Что было делать?

Витя сначала растерялся, потом успокоился. Собственно, ничего страшного не произошло. Придётся перенести разговор с родителями на завтра — только и всего. Да, но как же Гаврила Семёнович?

Витя вышел на лестничную площадку и вызвал из соседней квартиры восьмилетнего Мишку. Мишка считался во дворе витиным адъютантом и выполнял все его поручения.

— Беги сейчас в дом, в том переулке, где Пуделька живёт, знаешь? — безапелляционно приказал Витя.— Постучи в окошко к Поповым, тебе откроют, и ты скажи...— он подумал.— Скажи так: «Родители согласятся, расписка будет». Повтори!

Мишка повторил.

— Правильно. Ну, сыпь!

И Витя, окончательно успокоившись, вернулся домой.

Старательно запрятав от любопытной Танюшки шпагу под матрац на своей кровати, Витя быстро поужинал и лёг спать. Заснул он тотчас же.

Трудным оказался для него первый день каникул!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мишка добросовестно выполнил витино поручение.

В девять часов вечера Гаврила Семёнович услышал стук в окно и вышел отворить дверь.

Перед ним стоял маленький мальчик в большой ушанке.

— Родители согласны, расписка будет! — пискнул он и исчез, как сквозь землю провалился.

— Ну вот, а ты беспокоилась! — сказал Гаврила Семёнович Марье Ивановне, возвращаясь в комнату.— От нашего Вити гонец приходил. Передал, что родители согласны...

Дело в том, что в тот день Марья Ивановна, узнав, что Гаврила Семёнович подарил Вите старую шпагу, долго журила мужа.

— Легкомысленно ты поступил,— говорила она.— Тебе всё шутки, а как бы неприятности не вышло.

— Ну, какие там неприятности! Сломанная, тупая шпага совершенно безопасна. Уж очень Витя ко мне с ней пристал... Ты бы видела, какие у него были глаза! Он же помешался сейчас на мушкетёрах...

— Тем хуже! — возразила Марья Ивановна.

— А это мы ещё посмотрим. Есть у меня тут одно соображение...

— Слишком мудрено что-то у тебя получается! Знаешь, какие мальчишки неосторожные...— ответила Марья Ивановна.

— Да что ты, в самом деле, панику развела? Витя никогда нас не обманет. А он обещал мне шпагу из дома не выносить, и родители его знают и разрешили. Что же тебе ещё нужно?

— Так-то так, но всё же... Легкомысленно ты поступил!

А у Вити тем временем дела обстояли так.

На следующее утро, проснувшись, он первым делом сунул руку под матрац — шпага лежала на месте.

Танюшка спала рядом в кроватке, отец уже ушёл. Витя и не слышал, как он встал; мать не гремела на кухне посудой, верно, была на рынке.

Вите сразу расхотелось спать.

На цыпочках, босой, он подошёл к зеркалу со шпагой в руке. Вид оказался совсем не подходящий: взъерошенный мальчишка в трусах с красными, как помидоры, щеками.

Недолго думая, Витя содрал чёрную клеёнчатую обложку с общей тетради, вырезал маску с дырками для глаз, прихватил на затылке тесёмкой... Ого! Получилось здорово...

Смущали только голые ноги и грудь.

Витя сдёрнул с вешалки материну шаль, завернулся в неё, как в плащ. Так было уже почти похоже! Затем он вытащил из шкафа новые отцовские сапоги, натянул их, отворотив голенища, как у настоящих ботфортов. Теперь уже Витя остался доволен собой!

Бормоча что-то себе под нос, он то прикладывал шпагу к бедру, то перебрасывал шаль с плеча на плечо и притопывал сапогом...

Наконец, сделав выпад, вступил в бой с воображаемым противником. Колол, рубил, наступал и поразил уже целых восемь врагов из числа зарубок...

— А зачем это ты мамину шаль надел? — услышал он вдруг в разгаре боя негодующий тонкий голосок.— И сапоги папины новые!.. Ой, какая у тебя страшная морда!

Витя грозно повернулся.

Маленькая Танюшка сидела на кровати и смотрела на него, вытаращив глаза.

— А тебе какое дело? — грубо ответил Витя, скрывая смущение.

— А вот я маме скажу... И что ножиком длинным в диван тыкаешь! Ты что, в «Кота в сапогах» играешь, да?

— «Играешь»! «В кота»! — криво усмехнулся он, срывая маску.— Ничего ты не понимаешь! Если отцу с матерью хоть слово скажешь, вот, видала?

Сделав выпад, Витя вступил в бой с воображаемым противником.

Он показал Танюшке кулак. Вид у него был такой свирепый, что девочка съёжилась.

В это время в передней зазвенел звонок.

Витя быстро скинул шаль, сапоги, засунул всё в шкаф, шпагу пихнул под матрац, вторично погрозив сестрёнке кулаком, и побежал в переднюю.

— Ты уже пришла, мамочка! — сладким голосом пропел он входившей матери и схватился за кошёлку с продуктами.

— Успеешь, не трогай без времени! — остановила его мать.— Не умывался, небось, ещё? Вот напеку оладьев, сядешь за стол и поешь.

— Да я же, мамочка, не для того! Я помочь!

— Помочь? Что это с тобой? Ну, неси, коли так, помощник.

— Я, мам, и чайник сейчас поставлю! — суетился Витя.— И картошки тебе почищу!

— С чего бы это? Уж не натворил ли чего?— Татьяна Петровна с удивлением посмотрела на сына, проходя на кухню.

— Да что ты, мама, ведь это, когда занятия, я тебе не всё делаю!

— Не всё? Лучше скажи — ничего. Ну, помогай, помогай, сынок! Со школой-то нынче куда пойдёте?

— Может быть, на каток, только лёд, наверное, растает. Мам, а папа когда придёт?

— Не знаю, Витик, обещался к вечеру... Буди Танюшку-то чай пить; у меня пироги стынут...

Весь день Витя старался угодить матери изо всех сил. Не дразнил Танюшку, убрал всё в комнате и даже сам вынес ведро с мусором.

Отец пришёл поздно.

После ужина Витя приступил к делу.

— Папа,— сказал он ласково и обнял отца за шею.

— Что тебе, Витик?

— Папа, ты просьбу одну мою выполнишь?

— Конечно. Если просьба того стоит.

— Папа, дай расписку, что мне можно держать шпагу!

— Что-о? Какую ещё шпагу? — отец высоко поднял брови.

Витя достал из-под матраца шпагу.

— Вот эту. Мне её подарил Гаврила Семёнович! Ну, знаешь, куда я за книжками хожу. И велел, чтобы я от тебя расписку принёс. Гляди, какая!..

Витя вынул шпагу из ножен:

— Немножечко обломанная, но это ничего! А рукоятка из чистого серебра... Ей, папа, может, лет пятьсот. Она, папа, наверное, рублей тысячу стоит, да?

— И ты говоришь, что её тебе подарили? — подозрительно спросил отец.— Так зачем же тебе расписка?

Витя растерялся.

— Ну, тогда мне её насовсем подарят!

— Насовсем... А пока, значит, не насовсем? Ты что-то, братец, плетёшь,— и отец повернулся на стуле и пристально посмотрел на Витю.— Говори сейчас, где ты взял эту шпагу?

— Да, папа же, честное слово!..— взмолился Витя.

— Ты ещё скоро револьвер домой принесёшь и скажешь, что тебе милиционер за хорошие отметки подарил! Сейчас же отнеси шпагу, откуда взял. Мать! Иди, полюбуйся, какие твой фантазёр фокусы показывает!

Витина мама, как огня, боялась всякого оружия. Не отличала пороха от дроби и считала, что всё может взорваться. Увидев в руках сына шпагу, она побледнела, затрясла головой и воскликнула:

— Чтобы духу её здесь не было! Кто же такую страсть мальчишке дарить будет! Небось, сам без спроса взял!..

Витя был потрясён. Губы его дрожали, он готов был разрыдаться.

— Не верите? Не верите? — только и мог твердить он.— Ладно! Унесу, ладно!.. А ещё родители называются! Родному сыну не верят!..

— Чтобы духу её здесь не было! — крикнула опять Татьяна Петровна.— То-то он сегодня лебезил: помогу, картошки начищу! Отец, тащи сейчас эту железину в котельную да закинь подальше!

— Это не железина! Это драгоценная шпага! — возопил несчастный Витя.— И вы не смеете закидывать её в котельную. Мне её сам Гаврила Семёнович подарил! А вы... А ты... Ничего ты не понимаешь! Потому что книжек никаких не читаешь! Необразованная ты, вот что! Да, да!..

— Ах, вот он как с матерью заговорил! — рассердилась окончательно Татьяна Петровна.— Дождались! Отец, чего же смотришь? За такие-то слова... Ремень по нём давно плачет!

— Пускай где взял, туда и снесёт сию же минуту, и вся недолга,— сурово и решительно произнёс молчавший до сих пор отец.— Слыхал, Виктор?

Витя схватил шпагу и, на ходу натягивая куртку, выбежал из комнаты.

Испуганная Танюша посмотрела на мать, на отца и вдруг заревела.

От расстройства и обиды Витя не помнил, как очутился во дворе. Всё вокруг него рушилось.

Он обманул Гаврилу Семёновича... Велел Мишке передать, что расписка будет, а родители отказались дать её! Они даже не поверили, что Гаврила Семёнович сам подарил ему шпагу!..

Почему же такая несправедливость? Почему посторонние люди — Гаврила Семёнович и даже Марья Ивановна — лучше понимают и верят ему, чем родители? Конечно, он сам у Поповых ведёт себя лучше, никогда не грубит, не врёт... Да разве в этом дело? «Нет! Нет! Просто они у меня необразованные!..» — с горечью думал Витя.

А теперь ещё отец требует, чтобы он сию же минуту отнёс назад шпагу! Что же делать? Расстаться с ней? Сознаться Гавриле Семёновичу в обмане? Бежать за советом к Кривошипу? Но они же поссорились вчера навсегда... И на каток он сегодня не пошёл! И вчера с ребятами в музей!..

— Пропал! Пропал! — шептал вне себя Витя.

А может быть, всё-таки родители одумаются? Может быть, он просто плохо им всё объяснил? Надо поговорить ещё раз. Должны же они понять и помочь своему сыну — на то они и родители!..

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Витя не отнёс Поповым шпагу.

Он засунул её в щель под крыльцо, где хранил многие выброшенные матерью из комнаты драгоценности: старый противогаз, коробку с пустыми патронами, сломанный велосипедный насос и прочее.

Вернувшись домой, он ничего не сказал ни отцу, ни матери о том, что не исполнил их требования. А они, не видя больше в руках у сына шпаги, успокоились.

На следующий день с утра — было воскресенье — Витя сделал вторую попытку уговорить отца. Но и эта попытка окончилась полным крахом.

— Как? Опять снова-здорово? Разве ты вчера не отнёс назад шпагу? — возмутился отец, когда Витя робко заговорил о ней.

— Нет ещё...

— Ты что же, обманывать нас взялся? Ну, знаешь ли... Говори сейчас, где шпага?

Витя испугался, что отец ещё разыщет её, выкинет, а то и сломает, и невнятно пробормотал:

— Она... она у товарища...

— Врёшь! По глазам вижу, что опять врёшь, негодный мальчишка! Не отнесёшь сегодня — плохо тебе будет, так и знай! Сам пойду проверю...

Витя умоляюще взглянул на мать, но она отвела глаза. И он понял, что с её стороны и на этот раз поддержки ждать нечего...

Что же происходило в это самое утро в квартире у Гаврилы Семёновича и Марьи Ивановны?

Гаврила Семёнович встал довольно рано.

Напившись с Марьей Ивановной кофе, он принёс из коридора свои широкие охотничьи лыжи.

Пуделька сидела на полу и следила за хозяином насторожёнными глазами.

Умная собачонка ещё с вечера углядела, что Марья Ивановна собирает мужу в рюкзак разные знакомые вещи: этюдник, краски, раскладной стульчик, термос с блестящей крышкой, электрический фонарик...

Всё это означало, что Гаврила Семёнович, как обычно по воскресеньям, отправляется на лыжах за город рисовать. И уж, конечно, заберёт с собой Пудельку.

О том же, что Гаврила Семёнович собирается сегодня не на одно воскресенье, а на целых три дня к знакомому леснику в сторожку, Пуделька, конечно, и не подозревала...

Марья Ивановна приготовила Гавриле Семёновичу груду бутербродов. Пуделька только облизнулась, когда их принесли в комнату.

В эту минуту в дверь постучали, и на пороге появилась Милочка.

— Здравствуйте, Гаврила Семёнович и Марья Ивановна! — приветливо сказала она. — Я пришла погулять с Пуделькой!

— Здравствуй, Милочка! — ответил Гаврила Семёнович. — Только вряд ли вам удастся это сделать. Сегодня воскресенье, и мы уезжаем в одиннадцать часов в Сосновку.

— Ах, я и забыла! — Милочка потупила глаза. — Тогда давайте я вам помогу что-нибудь собирать...

— Будем тебе очень благодарны!

Дело в том, что Милочка была сильно обеспокоена.

Два дня назад она случайно увидела, как из квартиры Поповых выбежал страшно счастливый с виду Витя и, пряча что-то под полой пальто, быстро прошёл по двору.

Впрочем, это произошло не совсем случайно. У Милочки в квартире на кухне был настоящий наблюдательный пост, откуда она часто следила, кто из ребят приходит к Поповым. Восторженный витин вид очень заинтересовал девочку!

Витя не появлялся на другой день ни у Поповых, ни на катке, куда Милочка ходила и где видела многих ребят из его класса. И теперь она сгорала от любопытства, где он пропадает.

— Марья Ивановна! — сказала Милочка. — А что, Витя... — она покраснела, — что, Витя не приносил вам последнюю книжку? А то я её ещё не отметила...

— Как будто не приносил, — сказала Марья Ивановна. — Ганя, он взял у тебя позавчера «Трёх мушкетёров»?

— Нет. Так увлёкся этой злополучной шпагой, что даже забыл про книгу... — ответил Гаврила Семёнович. — Кстати, Маша, я тебя очень прошу. Ты бы всё-таки зашла к нему домой и разузнала, почему он до сих пор не принёс обещанного. Это на него совсем не похоже!

Милочка навострила уши.

— Он вам какую-нибудь книжку обещал принести, да? И не принёс? — невинным голоском спросила она.

— Не книжку, а что-то поважнее. Прошло уже два дня, и мне это начинает не нравиться, — недовольно сказала Марья Ивановна. — Милочка, подай мне, пожалуйста, фонарик! Ты случайно не знаешь номер витиного дома?

Наконец Гаврилу Семёновича собрали в поход.

— Улица Первого Мая, дом номер восемнадцать, квартира номер девять! — быстро сказала Милочка и опять покраснела. — Может, хотите, я за ним сбегаю?

— Ну, в этом деле ты, пожалуй, Вите не сумеешь помочь... — загадочно ответил Гаврила Семёнович.

Эти слова только усилили милочкино беспокойство.

Наконец Гаврилу Семёновича собрали в поход. В короткой меховой куртке и тупоносых ботинках, с рюкзаком за плечами и лыжами в руках, держа на поводке пляшущую от нетерпения Пудельку, Гаврила Семёнович прошёл по коридору, сопровождаемый Марьей Ивановной и Милочкой.

С крыльца они обе махали ему на прощание рукой, и Милочка быстро ретировалась к себе, на второй этаж.

Любопытство мучило её всё сильней. Очень скоро к нему начала примешиваться и тревога.

Что же такое случилось с Витей? На что намекали Гаврила Семёнович и Марья Ивановна? Какого он не выполнил обещания?

И Милочка решила разузнать обо всём как можно скорее.

Мрачный, как ненастный день, Витя сидел за столом. Всё валилось у него из рук.

Проходит третий день каникул, а у него одни только неприятности!.. Вспомнился, конечно, и Шурка Кривошип. Где-то он сейчас? Эх, если бы хоть «Мушкетёры» были под рукой! Что же, что же ему делать со шпагой? Снести назад Гавриле Семёновичу? Отнёс бы, да стыдно: обманул его!..

Витя подпёр голову ладонью и задумался.

Вывела его из оцепенения Танюшка. Она подошла к брату на цыпочках и шёпотом, хотя в комнате никого не было, сказала:

— Вить, там тебя на кухне одна такая девочка спрашивает!

— Какая девочка? Не приставай ты, пожалуйста, когда человек занят.

— А она говорит: пускай он на минуточку выйдет!

— Кто говорит?

— Да девочка же! Такая беленькая, в шубке, и зовут Милочка!

Витя вздрогнул. Этого ещё недоставало! Что, если рассерженный его обманом Гаврила Семёнович рассказал обо всём Милочке и теперь... теперь она тоже считает его бесчестным? Да, но зачем же тогда ей разыскивать его? Или вдруг...

Витя, сам того не замечая, стал судорожно одёргивать на себе курточку, придумывая, как поступить.

Но в это время в комнату вошла мать, а сзади, оглядывая всех испуганными синими глазами,— сама Милочка.

— Заходи, заходи, не бойся! Может, хоть ты развеселишь его, а то весь день туча тучей смотрит. Садись сюда, к столу,— ласково говорила мать, придвигая табуретку. Мальчишки частенько заходили к Вите, но девочки ещё никогда.

Мать ушла на кухню, и Витя остался лицом к лицу с Милочкой.

— З-здравствуй! — выдавил он из себя.

— Здравствуй, Витя, я знаешь, зачем пришла? — Милочка смутилась.— Ты сегодня вечером к Поповым гулять с Пуделькой не приходи. Совсем, понимаешь?

— По...че...му? — упавшим голосом спросил Витя.

— Потому что... Ну, понимаешь, её нет дома! То есть она уехала...— Милочка ещё больше растерялась и вдруг сказала напрямик:— Витя, Гаврила Семёнович с Марьей Ивановной о тебе чего-то сегодня утром говорили! Витя, Гаврила Семёнович велел Марье Ивановне к тебе зачем-то сходить! Она твой адрес спрашивала!

— Марья Ивановна? Адрес? — Витя мрачнел с каждым словом Милочки и говорил с трудом: язык прилипал к его гортани.

— Да, Витя, а ещё Гаврила Семёнович сказал...— Милочка запнулась,— что ты какой-то там шпагой увлекаешься! И будто чего-то принести обещался, да не принёс! А я подумала: может, ты какую-нибудь их книжку потерял? Ты не бойся, скажи! Гаврила Семёнович добрый, он не заругает...

— Книжку...— Витя невесело улыбнулся.— Какая там книжка!

Слёзы вдруг подступили к его горлу, но он сдержал их.

Горько ему стало! Девочка, слабая девочка, уговаривает его пойти и повиниться во всём Гавриле Семёновичу, потому что он добрый!

И вдруг, почувствовав в себе прилив решимости и смелости, Витя горячо проговорил:

— Хорошо! Спасибо... тебе... что... пришла. Потому что я Гав... Гав... Гаврилу Семёновича никогда... И на шпаге тоже написано: «Береги честь»! Хорошо! Я сейчас к ним пойду! Я отдам!..

— Хочешь, вместе пойдём?

Милочка смотрела на Витю такими сияющими глазами — он показался ей в это мгновение сильным и мужественным, как никогда, хотя она ничего не поняла из его слов,— что Витя, не медля, стал одеваться.

Через несколько минут, когда за обоими захлопнулась парадная дверь, Танюшка, приплясывая, вбежала к матери на кухню и пропела:

— Наш Витя больше не тучка! Наш Витя больше не тучка! Мам, а ты мне сошьёшь такую шубку, как на этой девочке? Знаешь, как её зовут? Милочка!..

* * *

Витя попросил Милочку подождать его за углом.

Милочка сама не знала, как это получилось, но стала ждать не за углом, а на углу. И увидела: Витя оглянулся по сторонам — около их дома никого не было — и вытащил из щели под крыльцом какой-то узкий, длинный предмет. На конце предмета что-то блестело.

Потом Витя повернулся спиной и запихнул предмет под куртку. И каким-то скованным шагом пошёл к ней, Милочке.

Он молчал почти всю дорогу. Милочка сбоку видела, как у него то бледнеет, то краснеет лицо. Ей стало так жалко Витю, что она даже забыла о предмете и только щипала себя за ладошку, чтобы не зареветь.

Когда они подошли к дому Поповых, Милочка сказала:

— Это ничего, что Гаврила Семёнович уехал. Если тебе нужно что-то им отдать, можно Марье Ивановне. Витя, а почему ты вчера не приходил на каток?

— Гаврила Семёнович? Уехал? — странным голосом переспросил Витя.

— Да.— Милочка кивнула.— С Пуделькой, я же тебе говорила! Они уехали за город на три дня. Что с тобой, Витя?

— Со мной ничего,— громко ответил Витя.— Почему же ты мне сразу про Гаврилу Семёновича не сказала? Тогда... тогда, знаешь, я не пойду к Поповым!

— Что ты, Витя! — Милочка всплеснула руками, и с одной у неё слетела варежка.— Я уже ничего не понимаю!

— Я тоже,— угрюмо сказал Витя.— Видишь ли, Мила, мне самого Гаврилу Семёновича надо. Обязательно. А так я не могу.

Он остановился у ворот и заковырял пальцем отколовшуюся щепку.

Милочка тоже остановилась. То, что Витя назвал её не Милочкой, а Милой, ещё больше встревожило девочку.

— Но, Витя! — умоляюще сказала она.— Ты же хотел отнести что-то Поповым?

— Да. Хотел. Только передумал.

— А как же?.. Что же ты теперь будешь делать?

Витя оторвал щепку, она осталась у него в руке.

— Знаешь что? — доламывая её, наконец выговорил он.— Если хочешь... Хочешь, пойдём с тобой в клуб железнодорожников? Там для нашей школы сегодня писатель выступает. Который «Ракету 83» писал.

— Ракету? — Глаза у Милочки становились всё печальнее и удивлённее.— А как же Марья

Ивановна? Ведь она же... к тебе же... собиралась пойти?

— Ну и пускай! — мрачно ответил Витя. — Мне теперь всё равно! Ну и пускай!..

* * *

Здесь надо сделать небольшое отступление.

Витя был сражён неожиданным известием об отъезде Гаврилы Семёновича. Ещё один удар свалился на него...

Почему же, решив вернуть Поповым шпагу, Витя не захотел отдать её той же Марье Ивановне? Почему вообще события, связанные со шпагой, так взволновали его?

Дело было, конечно, не только в шпаге (хотя Вите казалось прямо невозможным расстаться с ней!).

Дело было и в том, что Витя ужасно дорожил отношением к себе Поповых. И Гаврила Семёнович и Марья Ивановна значили для него очень, очень много.

Гаврила Семёнович всегда держался с Витей, как с равным, расспрашивал про школу; рассказывал обо всём на свете; обещал взять весной на охоту; показывал все свои картины и этюды к ним; объяснял про разных художников и уже два раза водил на выставку...

А Марья Ивановна? С какой готовностью Витя исполнил бы любое её поручение!

Марья Ивановна всегда выбирала для него самые интересные книжки; когда он схватил по английскому двойку, целый вечер готовила его к контрольной; сколько раз в изложениях поправляла ошибки!.. Доверяла Пудельку, поручала всякие интересные вещи, например, отнести на почту пакет с рисунками Гаврилы Семёновича или послать телеграмму...

А один раз, когда Марья Ивановна заболела, она попросила Витю сходить к ней на работу с запиской. Витя отдал записку для какого-то главного инженера и проторчал у проходной завода целый час: за проволочным забором то и дело пыхали, как молнии, огни электрической сварки, что-то шипело и гудело, и огромный кран то поднимался, то наклонялся над забором, а на стреле у него горела красная звёздочка...

Витя всегда рассказывал Гавриле Семёновичу с Марьей Ивановной гораздо больше, чем у себя дома. Дома усталый отец часто отмахивался от него, мать всё убирала или шила Танюшке какие-то фартучки.. А Гаврила Семёнович с Марьей Ивановной всегда находили время послушать его и уже знали, какие у них в классе учителя и что Витя после школы собирается стать разведчиком... И никогда не сердились, если Витя и другие ребята отрывают их от дела. А совсем недавно, узнав про витин день рождения, подарили ему «Спартака» в цветной обложке и оба — Гаврила Семёнович и Марья Ивановна — написали на первой странице: «Нашему другу Вите на добрую память»... Нашему другу!

В школе учителя были учителя, вожатая Тома — вожатая. Но никто из взрослых ещё никогда не называл Витю другом!

Кривошип, конечно, считался когда-то другом. Но это был всё-таки просто мальчишка. А Гаврила Семёнович и Марья Ивановна — первые настоящие, взрослые друзья.

Витя страшно гордился этим.

И что же... что же получилось теперь?

Он не оправдал доверия Гаврилы Семёновича. Гаврила Семёнович уехал, считая его обманщиком.

Марья Ивановна собирается придти к нему домой, разыскивает его, как какого-нибудь жулика, похитившего ценную вещь. Это было ужасно.

Да, но ведь Гаврила Семёнович подарил ему шпагу! Нет, он ещё не подарил. «Если сегодня же вечером принесёшь от родителей расписку, то дарю её тебе...» — сказал Гаврила Семёнович.

У Вити просто не хватало духу самому пойти к Марье Ивановне, отдать шпагу и рассказать ей про всё...

Ему было очень, очень тяжело!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Клуб железнодорожников, где всегда на школьные каникулы устраивались детские утренники и вечера для старшеклассников, был уже ярко освещён.

На тротуаре и мостовой толклись ребятишки, прыгали через потемневшие сугробы. Малышей по вечерам в клуб не пускали, но они упорно старались туда прорваться.

Витю и Милочку несколько раз окликали, и Витя постепенно успокоился.

Раз уж всё так нехорошо у него получилось, он внутренне махнул рукой. Сегодня ещё понаслаждается шпагой, а там будь что будет! Семь бед, один ответ!..

Шпага всё время напоминала ему о себе: колола рукояткой в бок, стукнула по коленке.

— Эй, Витяй, чего опаздываешь? — крикнул Сеня Юрченко из их класса, верзила-второгодник, который покровительствовал Вите.

— А сам? — Витя сделал вид, что идёт отдельно от Милочки. — Наших не видал?

— Наши все прошли! А я лучше кино дождусь... — Юрченко не очень-то интересовался книгами и писателями.

— Какое будет?

— «Корабли штурмуют»... Вторая серия.

— Мировая! Я видал!

Витя раздвинул плечом толкавшихся у двери мальчишек — мелюзгу, второклашек, — пропустил Милочку и вошёл сам.

— Ребята, вы куда? — строго спросила стоявшая в тамбуре билетёрша.

— На встречу с писателем. «Ракета восемьдесят три»!

— Больше не пропущу.

— Так это же для нас! Я из пятого класса, она из четвёртого... — заторопился Витя. Чего доброго, билетёрша принимает их за второклашек?

— Опоздали. Началось уже.

— Тётя, пропустите! Нам обязательно надо!

— Сказано, не пущу.

Витя вдруг увидел, что на широкой, покрытой красной дорожкой лестнице стоит и внимательно смотрит на них Пузырь.

Невольно Витя сунул руку под пальто, сжал рукоять шпаги. Повторил с отчаянной решимостью:

— Нам обязательно надо!

— Мальчик, будешь кричать, к администратору сведу!

У Милочки задрожали уголки губ, глаза стали ещё больше. Она тихонько потянула Витю за рукав.

Но в это время Пузырь, не спускаясь с лестницы, проговорил:

— Тётя Даша, будьте так любезны, пропустите этих товарищей. Я ручаюсь за них.

— Ну уж ладно, что с вами делать, раздевайтесь,— смилостивилась билетёрша.— Только чтобы тихо, не шуметь.

Совершенно уничтоженный вмешательством Пузыря и тем, что оно подействовало, Витя даже не заметил, как гардеробщица унесла на вешалку их с Милочкой пальто. Повернулся к стене поправить шпагу: может быть, Пузырь увидел, что она топорщится под курточкой, и испугался?

— Какой вежливый мальчик, правда? — шепнула Милочка, с восхищением глядя снизу вверх на Пузыря.

— Не в этом дело! — таинственно ответил Витя. И, стараясь не хромать, зашагал по лестнице. Милочка — рядом.

— Прямо через фойе, потом направо! — делая рукой, как милиционер на перекрёстке, скомандовал Пузырь и подмигнул Вите — на рукаве у него была приколота красная повязка с белыми буквами «Дежурный».

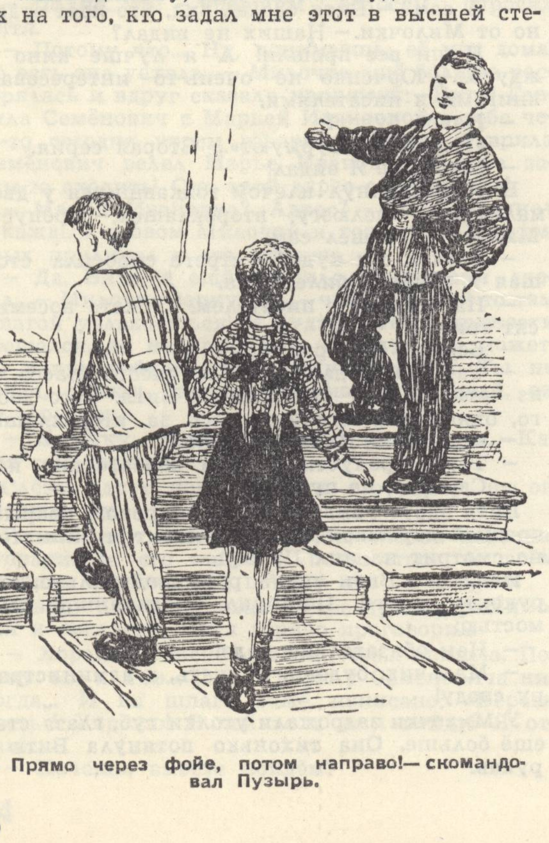
Но Витя не заметил и повязки.

«Ещё подмигивает!» — с негодованием подумал он, подозревая в непонятном поведении Пузыря какой-то подвох.

Они с Милочкой прошли через пустое со сверкающим полом фойе к завешенной бархатной портьерой двери.

В зале было темно. На освещённой пустой сцене стоял высокий мужчина в очках, с похожей на шапку копной седых волос. Раскинув большие, точно крылья, руки, он молча смотрел куда-то на люстру.

— ...Повидимому, этот человек будет очень похож на того, кто задал мне этот в высшей степени остроумный вопрос! — сказал вдруг мужчина на сцене и быстро махнул руками.



— Прямо через фойе, потом направо!— скомандовал Пузырь.

В зале дружно захохотали, кто-то радостно взвизгнул.

— Про что это он? — спросил Витя сидевшего с края мальчишку с оттопыренными ушами.

— Тише ты, не мешай! — буркнул тот, не оборачиваясь.

Милочка прошептала:

— Витя, вон два места свободные! — И они стали пробираться по проходу.

Кругом зашипели, кто-то ущипнул Витю, подставив ножку, но они всё-таки уселись.

— ...А между тем советские учёные уже близки к разрешению этой загадки,— сказал мужчина на сцене, и в зале снова стало тихо, как будто никого не было.— Межпланетное сообщение, которое ещё недавно казалось фантастикой, вымыслом, в недалёком будущем станет такой же реальностью, как... как, например, в наши дни воздушное сообщение между городами...

Витя оглянулся в одну сторону, в другую. Слева оказался незнакомый парнишка. А справа... Витя обомлел.

Справа, рядом с Милочкой, подавшись к сцене и ухватившись за спинку переднего стула, сидел... Шурка Кривошип! «Римский профиль» вытянулся вперёд, чёрный, как уголёк, шуркин глаз светился восторгом.

Витя сразу перестал слушать, что говорит мужчина на сцене, и беспокойно задвигался на стуле.

Милочка шёпотом спросила:

— Тебе не видно, да? Хочешь, поменяемся?

Вите показалось, что у него загорелась правая щека.

Что теперь делать? Как держать себя с Кривошипом? Он, конечно, сейчас повернётся и увидит их обоих — Милочку и Витю. Будь Витя один, он даже обрадовался бы встрече с Шуркой. Но Милочка!..

«Тёлкин жених»! — вдруг с ужасом вспомнил Витя.

Что, если Кривошип при ней, при Милочке, ляпнет такое?

И Кривошип повернулся.

Сначала лицо его просияло, но он быстро согнал улыбку и довольно равнодушно спросил:

— Ага, появился? О тебе уж и Тома спрашивала, домой хотела идти. Что же не заходишь?

— Да так... А ты что не заходишь? — с вызовом, громко ответил Витя.

Милочка прошептала сбоку:

— Что ты, Витя, пожалуйста, не шуми...

— И я тоже так. У тебя теперь, вижу, друзья новые.— Даже в темноте было видно, как Кривошип раздул ноздри и добавил, презрительно кривя губы: — На всех других непохожие!..

Этого Витя уже не мог стерпеть.

— Ну, ты, знаешь... потише! А если трепаться начнёшь, берегись! — и, забываясь, показал кулак.

Милочка смотрела на Витю круглыми, как плошки, глазами.

— Витя, Витя...— шептала она.

А ему на плечо уже опустилась чья-то рука, и сердитый голос тихо произнёс:

— Не хочешь слушать, сейчас же уходи! Опаздываешь и ещё другим мешаешь!..

За спиной в проходе стояла женщина в тёмном платье.

— Ну и уйду! Думаете, испугался? Скуку такую слушать...

Со всех сторон зашикали:

— Кто там разговаривает? Безобразие, вывести его из зала!.. Это Савельев из пятого «А»! Витька, чего расшумелся? Тише вы, слушать не даёте!..

Красный, как будто его обварили кипятком, чувствуя, что его прошибает пот, Витя встал и, неестественно согнувшись,— шпага ткнула его в живот — пошёл к выходу. Милочка рванулась за ним, но её силком усадили на место.

В передних рядах опять засмеялись чему-то сказанному со сцены. Но Витя больше ничего не слышал. Он очутился за дверью, в фойе.

Уши его горели. Голова тоже.

Пошатываясь, он пересёк фойе, спустился по лестнице,— к счастью, Пузыря там уже не было. Витя не помнил, как взял пальто, как оделся, как выбежал на улицу. Всё перед ним было, как в тумане.

Милочка потеряна теперь для него: она видела, как его выгоняли! Она осталась рядом с Кривошипом, об этом Витя боялся и думать.

А дома... Что ждало Витю дома?

Приход Марьи Ивановны, родители, рассерженные тем, что он не отдал шпагу. Мучительные воспоминания, угрызения совести!

Витя шёл по улице, не чувствуя под собой ног.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

То, чего он так боялся, произошло только на следующий день, вечером.

Накануне, придя всё-таки домой, на вопрос отца, отнёс ли он шпагу, Витя соврал, что отнёс. Отец как-то странно посмотрел на него, но ничего не сказал.

На самом же деле Витя спрятал опять шпагу в заветный тайник, решив, что сможет отдать её только в руки самому Гавриле Семёновичу.

Весь следующий день Витя провёл, как на иголках. Он не знал, как лучше поступить: спрятаться от Марьи Ивановны или же перехватить её по дороге и предотвратить опасность. От волнения он даже забыл, что Марья Ивановна днём на работе и может придти к ним только вечером. Теперь ко всему примешивался ещё страх перед родителями за обман: шпага ведь была не у Поповых!

Витя то убегал из дому и бродил по переулкам, боясь всего: столкнуться с Марьей Ивановной, пропустить её, увидеть Милочку, Кривошипа,— то возвращался домой, хватался за всевозможные дела и опять убегал...

Мать недоумевала: её Витя стал какой-то полоумный — и, нет-нет, приглядывалась к нему. Это ещё больше смущало Витю, и к вечеру он совершенно измучился.

Хорошо ещё, что отец в этот день где-то задержался, а Танюшку увела к себе соседка.

И вот, когда Витя только что совершил очередной рейс с улицы домой и по настоянию матери доедал яичницу, в передней раздался звонок.

Витя поперхнулся и бросился в ванную. Оттуда он услышал: мать открыла дверь, и голос Марьи Ивановны спросил:

— Скажите, пожалуйста, Витя Савельев в этой квартире живёт? Вы не его мама?

— Да,—настороженно ответила Татьяна Петровна.— А вы... не из школы случаем? Или набедокурил он чего?

— Нет, нет, что вы! Здравствуйте! Вити самого нет дóма?

— Добрый вечер. Только что тут вертелся, убежал куда-то.— И мать спохватилась:— Да что же мы в прихожей? Проходите в комнату...

— Спасибо, мне его, собственно, надо. Но я очень, очень рада познакомиться с вами.

Витя, похолодев, выскользнул из ванной, как только дверь в их комнату закрылась.

Остановился в коридоре. Подслушать, о чём Марья Ивановна будет говорить с матерью?

Он встал около двери и от первого до последнего слова запомнил всё, что говорилось в комнате:

Марья Ивановна: — О, как у вас хорошо, уютно! У Вити есть маленькая сестрёнка, правда?

Мать: — Да, пяти лет. Вы уж меня за прямоту извините, но я вижу, неспроста к Виктору пришли. Стряслось что-нибудь? И назвать-то вас как по имени-отчеству, я не знаю...

Марья Ивановна: — Моя фамилия — Попова, зовут Марья Ивановна. А вас Татьяна Петровна, я не ошиблась? Вы, наверно, слышали от Вити про Гаврилу Семёновича? Витя часто приходит к нам за книжками...

Мать: — Слыхала не раз и не раз добрым словом поминала. Балуете вы мальчишку. Стоит ли он того?..

Марья Ивановна: — Ну, что вы! Мы очень полюбили вашего сына. Он у вас такой любознательный, вежливый.

Мать (усмехнулась): — Вежливый? Конечно, матери приятно это слышать. Только... Да вы садитесь! Давайте я вам чайку горячего налью, а?

Марья Ивановна:—Спасибо. Знаете, выпью с удовольствием. Можно, я здесь пальто повешу?

(Витя, как ужаленный, отскочил от двери и тотчас опять припал к ней.)

Мать:—Садитесь. Садитесь. Очень я тоже рада вас увидеть!

Марья Ивановна: — Татьяна Петровна, а я ведь вас вот о чём хочу спросить... (Смущённо.) Скажите, пожалуйста, что, Витя... Он, видите ли, почему-то уже целых два дня не был у нас! Что, Витя не говорил вам ничего об одной... старинной шпаге?

(Витя прижался ухом к двери и затих. Вот оно, начинается!)

Мать (испуганно): — О шпаге? Это которая в чехле кожаном? Говорил. Да разве... Разве он обратно-то её к вам не отнёс?

Марья Ивановна:—Н-нет!

Мать: — Батюшки мои, да что ж это такое? Ему и отец строго-настрого наказывал... Вчера спросил, Виктор и отвечает: отнёс, мол, уже!..

Марья Ивановна (удивлённо):—Н-нет, он не приносил нам шпаги! Понимаете, я и так бранила мужа... В общем, вы, конечно, не беспокойтесь. Но Витя... Он передал нам, что вы разрешили ему оставить шпагу и даже пришлёте об этом записку. А он всегда был такой честный и аккуратный мальчик!..

(Витю за дверью бросило в жар.)

Мать:—Ах ты, грех какой! Да что же это в самом деле?—Значит, он и вас обманул и нам с отцом соврал? Да что же это такое?

Марья Ивановна: — Татьяна Петровна, пожалуйста, не волнуйтесь. Я всё-таки уверена, что Витя...

— Значит, он и вас обманул и нам с отцом соврал! — сказала мать.

Мать: — Нет, нет, вы меня и не утешайте! Что он с вами-то хорош, так это ещё ничего не значит. Вот вы сказали: вежливый он у вас. Конечно, в вашем доме он, может, и вежливый. А у себя? Отцу с матерью дерзит, с сестрёнкой и то одними кулаками разговаривает!

(Витя сжался за дверью в комок. Зачем, зачем она рассказывает про это!)

Марья Ивановна: — Вот как! Признаться, я не ожидала этого от Вити. Мы с мужем ни разу не слышали от него ни одного грубого слова!

Мать (с горечью): — Да вам-то он и не скажет! Вот и выходит: на людях он с малолетства одно показывает, а дома?.. Ох, Марья Ивановна, трудно мне с ним! Отец шофёром на такси работает, целый день дома нет, я по хозяйству верчусь... Да и не ставит он меня ни во что! Давеча — уж я вам и про это скажу, потому что вижу, вы Виктору добра желаете,— давеча знаете, меня чем попрекнул? Необразованная ты, говорит, у меня, отсталая!..

(Витя скорчился за дверью, как будто его ударили.)

Марья Ивановна: — Татьяна Петровна, неужели же Витя мог вас так обидеть?

Мать: — Полночи, верите ли, проплакала! Конечно, какое у меня образование... Только и утешаюсь, что сын вырастет, за мать настоящее образование получит! А он... Вот он какие фортели выкидывает! В глаза родителям врёт, хороших людей за нос водит... Батюшки мои, да куда же он теперь ещё эту шпагу подевал?

Марья Ивановна: — Всё это, правда, очень неприятно! Шпага-то, конечно, найдётся, но вот Витя...

Мать: — Нет, уж вы меня извините, а я Виктора сейчас разыщу и на чистую воду выведу. Хватит ему нас всех морочить! (Мать идёт быстро к двери.)

Марья Ивановна (ей вслед): — Татьяна Петровна, подождите, уверяю вас...

Дальше Витя уже ничего не слышал.

Едва успев сорвать с вешалки куртку, он вихрем пронёсся по коридору, через кухню, вырвался на площадку, кубарем скатился по лестнице и очутился на первом этаже.

Услышал, как мать открыла дверь из кухни, крикнула:

— Виктор! Это что же, ты, значит, здесь был? Ну, погоди, дай срок домой вернёшься...

Пустая лестница повторила басом: «...ой... ёшься!..»

Дверь захлопнулась. И всё стихло.

Витя выбежал во двор, обогнул сарай, прижался горячим лбом к холодному забору около помойки и беззвучно заплакал.

* * *

Маленькая тёплая рука тронула его за руку.

Витя поднял голову.

Во дворе уже темнело. У сарая стояла едва различимая фигурка в серой мохнатой шубке. Послышался робкий голос:

— Ой, Витя, Витенька, что это с тобой? Ты плачешь?

Витя вздрогнул, мотнул головой: перед ним была Милочка.

— Го... голова болит, спасу нет,— хрипло пробормотал он.— А ты... зачем ты сюда пришла?

— Ой, Витя! — Милочка подвинулась к нему.— Я к тебе весь день собиралась! С тобой что-нибудь случилось? Ты от кого-нибудь здесь прячешься?

— Я... нет... потому что...— Витя с ужасом почувствовал, что остановившиеся слёзы опять разом побежали по щекам.— Скажи... по... пожалуйста, ты не знаешь, куда он уехал? Га-врила Семёнович?

— Куда уехал? — переспросила Милочка.— В Сосновку, я знаю, он говорил! Витя, а почему Марья Ивановна с твоей мамой тебя ищут? Я видала, они и меня спрашивали. Может, тебе надо что-нибудь сделать? Витя, а? — Голос Милочки начинал дрожать, потому что он ничего ей не отвечал.

— Не надо... Ничего мне не надо! — наконец вырвалось у него.— И Марья Ивановна ничего не знает! Я сам... Нет, нет, ничего мне не надо! Пропал я!..

И вдруг, зацепившись боком за помойку, Витя рванулся в сторону, перескочил через валявшуюся у сарая трубу и что было сил побежал к воротам.

— Витя, постой, Витя, ты куда? — жалобно крикнула Милочка. Но его уже не было во дворе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Как же так получилось, что на другой день после печального происшествия в клубе железнодорожников Милочка всё-таки пришла к Вите и разыскала его за сараем на дворе?

Печальное происшествие в клубе — скандальный уход Вити — сильно подействовало на девочку. Её заставили остаться в зале, но она уже ничего не слышала из того, что говорил писатель на сцене.

Ну, а Шурка Кривошип? Ведь его стул был рядом с милочкиным? И хотя Шурка изо всех сил старался не обращать на свою соседку вни-

мания, всё равно он видел то её вздёрнутый маленький нос, то белый воротничок вокруг шеи, то ленту в косичке...

Кривошипу вовсе не было приятно, что Витю так позорно изгнали. Вообще их затянувшаяся ссора мучила его. Сегодня они, конечно, уже могли бы помириться, и вот...

«Дёрнуло же меня,— думал Кривошип, сердито косясь на Милочку.— Дёрнуло же меня сострить про эту... девчонку! Ясно, всё из-за неё. Витька взъелся, потому что строит из себя перед ней какого-то героя. Нашёл, на кого товарища сменять! Эх, сказать бы ей что-нибудь такое, чтобы заревела, или хоть на ногу наступить, что ли!..»

Он тоже давно уже перестал слушать говорившего со сцены. Нехорошие, мстительные мысли проносились у него в голове.

Витя замер около двери.

И вдруг он услышал: с левого бока приглушённо всхлипнули. Вот тебе на! Готово, сама ревёт!

И правда. Нагнув голову и прикрыв ладошкой рот и нос, Милочка тихо плакала и утиралась скомканным платочком. Кривошип видел теперь только её розовое ухо и вздрагивающий завиток волос.

Он беспокойно заёрзал на стуле и кашлянул. Вот что значит девчонка! Сама не знает, чего ревёт! Не её же из зала выводили...

Милочка всхлипнула громче и сунула в рот кончик платка.

«За Витьку ревёт!» — вдруг догадался Кривошип. И, сам не понимая, как это случилось, прошептал девочке в ухо:

— Слушай, ты... брось! Не плачь, ничего с ним не будет. Ну, вывели, и всё!

— Я... я не оттого! А оттого... С Витей, по-моему, что-то случилось... плохое! — чуть слышно ответила Милочка.— А вы... а ты ещё на него напал!

Кривошип побагровел и сказал шёпотом (он уже сам понимал, что поступил нехорошо):

— Подумаешь, напал! Ты чего-нибудь про него знаешь?

— Нет, я... не знаю.

Кругом стали поглядывать на них и зашикали.

К счастью, в этот критический момент объявили перерыв. Ребята повскакали с мест, дружно захлопали, зашумели и бросились в разные стороны: кто к сцене, поближе рассмотреть писателя, кто к выходу.

Зажгли свет, и Милочка скорее стала вытирать глаза и нос. Кривошип продолжал сидеть на месте.

Ему очень хотелось тоже посмотреть на писателя, но теперь он уже не мог бросить эту несчастную плаксу. Да и про Витьку надо было получше узнать: вдруг и в самом деле с ним какая-нибудь беда?

— Слушай, ты...— обратился он к Милочке (назвать её по имени Кривошип не мог: Милочка — слишком нежно, Мила — вроде «милая»).— Всё равно пропал теперь вечер. Что ты там про Витьку слышала?

— Я ничего не слышала,— тихо сказала Милочка.— Только он какой-то странный стал! Какую-то шпагу хотел отнести, а потом вдруг расхотел. И вот теперь...

Кривошип хлопнул себя по лбу.

«Так и есть! Конечно, в этом дело! Конечно же, Витька, начитавшись своей романтики, откопал где-то эту шпагу и влип с ней. Может, его уже милиционеры ищут? Надо его выручать...»

— Вот что, — сурово проговорил он.— Мы сейчас пойдём домой, и по дороге я скажу, как лучше сделать. Поняла?

Глаза у Милочки посветлели. Какой решительный мальчик! Он, конечно, поможет Вите!

— Вы витин друг? Вы, наверно, и есть Шурик Кривошипов? — с надеждой начала она (Милочка слышала от Вити не раз про Шурку).

Но он прервал её:

— Друг, не друг, не в этом дело. Пошли!

Они выбрались из зала и через несколько минут уже шагали по улице: Милочка впереди, Кривошип чуть поодаль, а когда свернули в безлюдный переулок,— рядом.

— Вот что! — так же сурово повторил он.— Что ты там ещё знаешь про эту шпагу?

— Я, правда, больше ничего не знаю!

— Ну, ладно. В общем, ты ступай домой и сиди там, а я всё разведаю, — приказал Шурка.

— Но я просто не могу сидеть дома! — тревожно воскликнула Милочка.— Вите, может быть, надо помочь!

— А я говорю, сиди. Ну, хорошо...— Шурка смягчился.— Когда что-нибудь узнаю, я сам приду к тебе. Ты где живёшь?

— Переулок Водников, двенадцать,— сказала Милочка.— Только ты... вы, правда, придёте?

— Приду. Нет, лучше так. Ты выйди завтра...— Шурка подумал,— в семь ноль-ноль вечера на угол под часы, знаешь?

— А если я днём? Пораньше? — робко сказала Милочка.

— Нет. Днём я буду занят. Завтра у меня одно ответственное обсуждение одной книги.— Шурка вовсе не собирался на это обсуждение, сказал просто так, для важности.— В общем, прощай. И сиди дома.

Кривошип только сию минуту сообразил, как он опростоволосился. Связался с девчонкой, да ещё сам назначил ей свидание под часами! Какой конфуз!..

Однако Шурику не удалось ничего узнать про Витю ни в тот вечер, ни на следующий день.

Вечером он заходил к Вите дважды, того всё не было. На следующее утро они с Витей точно в прятки играли: Шурик прибегал, а Витя, скрываясь от Марьи Ивановны, убегал из дому.

Шурка, конечно, немного успокоился: Витю никуда в милицию не забрали, иначе соседи сообщили бы. А потом Кривошип решил всё-таки пойти в школу на обсуждение, задержался и

опоздал к семи часам на угол. Впрочем, это не очень его беспокоило: во-первых, он ничего толком ещё не разведал, а потом, пусть Милочка не слишком воображает!..

Одним словом, прождавшая весь день в тревоге Мила так и не узнала, что же такое приключилось с бедным Витей.

Когда часы перевалили за половину восьмого, Милочка, честно дежурившая под ними, не выдержала и сама пошла к Вите. Чем закончилась их мимолётная встреча, мы с вами уже знаем: Витя совершенно вне себя выбежал из ворот в неизвестном направлении, а Милочка осталась в тёмном дворе одна.

* * *

Она тоже побежала к воротам.

По улице торопились прохожие, но Вити нигде не было видно.

Скрепя сердце, стараясь не думать, что всё это значит, Милочка пошла вперёд. Идти искать Витю? Но куда? Ждать опять Шурика Кривошипова под часами? Слишком поздно. Вернуться домой? Пойти к Марье Ивановне? Но вдруг выдашь чем-нибудь Витю? Он же сам почему-то отказался идти к ней вчера!..

Несмотря на нежную внешность, Милочка обладала деловым характером. Сейчас, в трудную минуту, она рассудила трезво: единственно кто может дать ей правильный совет,— это Кривошип. Он живёт где-то в их переулке, но где точно, Милочка не знала. Значит, надо было всё-таки подождать его под часами — рано или поздно он может придти туда!

Сжав кулачки, Милочка встала на углу.

Сжав кулачки, Милочка встала на углу. Пробегавшие мальчишки задевали её, кто-то запустил в спину снежком; у неё мёрзли ноги и руки, но она храбро ждала и смотрела на стрелку часов.

Стрелка то ужасно долго не двигалась с места, то прыгала сразу на две минуты.

И вдруг Милочка увидела Кривошипа.

Он стоял на противоположном тротуаре и делал вид, что читает под фонарём афишу,— Милочка сразу разглядела, что на самом деле он исподтишка озирается по сторонам.

У неё забилось сердце: Кривошип не обманул, всё-таки пришёл! А может быть, он ждёт её уже давно и она просто его не заметила?

Она быстро пересекла мостовую, задыхаясь, сказала:

— Так это же не под часами! Вы что-нибудь знаете?

Кривошип круто повернулся. Расшвыривая ботинком подтаявший на тротуаре снег, ответил:

— Его всё нет дома. В общем... с ним ничего особенного. Так, чепуха... Можешь не волноваться.

— Шурик, но Витя только что убежал со своего двора! — быстро сказала Милочка.— Шурик, он был совсем, совсем чудной! Он даже плакал!

Кривошипа покоробило от «Шурика», однако сейчас было не до того.

— Где ты его видела? Когда? Давно?

— Ах, Шурик, я боюсь, что это всё из-за той самой шпаги! — воскликнула девочка.— Витю и его мама и Марья Ивановна везде ищут!..

— Какая Марья Ивановна?— нахмурился Кривошип.

— Да Гаврилы Семёновича жена! Понимаешь, ещё два дня назад...— И Милочка рассказала Кривошипу всё, что слышала перед отъездом Гаврилы Семёновича у Поповых.

Кривошип нахмурился ещё больше.

— Так я и знал! — отрывисто проговорил он. — Ясно, у Витьки всё из-за шпаги.

— Она что, какая-нибудь очень нужная? — испугалась Милочка.

— Н-не считаю. Видел я её — ничего особенного. Только что рукоятка золочёная.

У Милочки вдруг расширились глаза.

— Ой, Шурик, я тоже видела! И я знаю!— заторопилась она.— Такая тоненькая, вроде палки... Я видела, как Витя вытащил её из щели на своём крыльце!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Витя сидел на краю обрыва.

Внизу, под обрывом, смутно белела река. Её пересекали тёмные разбухшие полосы — старые лыжни. Сейчас на реке не было видно ни одного человека. Лёд уже вздулся и вот-вот начнёт раскалываться на куски.

Где-то за мостом, должно быть, у вокзала, тревожно прокричал паровоз. Ему откликнулся заводской гудок. Блестящая цепочка фонарей, перемигиваясь, бежала вдоль набережной. А здесь, на обрыве, был полумрак.

Витя сидел на опрокинутой, зарывшейся носом в снег лодке, подняв воротник куртки, засунув промёрзшие без варежек руки глубоко в карманы. Всё было кончено для него.

Те, кого он так любил, так ценил, его самые лучшие друзья — Гаврила Семёнович, Кривошип, Марья Ивановна, Милочка — потеряны, потеряны навсегда!

Лопнуло наконец терпение и у родителей. Ему стыдно и страшно вернуться домой.

Прежде он грубил, не слушался, обижал Танюшку, не помогал матери по дому, но никогда не врал. А теперь? Теперь обманул и отца и

мать — несколько раз! Обидел мать так, что она плакала!

И всё это открылось. И Марья Ивановна уже знает, какой он на самом деле обманщик и притворщик, и думает, будто он только прикидывался у них примерным. И расскажет про всё Гавриле Семёновичу. Позор! Позор!..

А ещё и вожатая Тамара собирается придти к нему домой что-то выяснять. Весь свет узнает!

Витя застонал и стиснул в карманах пальцы так, что ногти впились в ладони.

Съёжившись, он старался отогнать мучительные мысли, но они лезли обратно в голову.

Витя вспомнил день, когда Гаврила Семёнович подарил ему шпагу. Как всё было хорошо! «Дарю в знак нашей дружбы,— сказал тогда Гаврила Семёнович.— Только, смотри, не забывай надпись: «Береги честь!»

Нет у него теперь чести! Всех, всех надул! И Милочка рано или поздно узнает! А она его ещё героем считала — Витя это чувствовал... И всё из-за этой злосчастной шпаги! Нет, шпага не виновата, виноват он сам. Что делать? Что делать? Выхода не было...

«Буду вот так сидеть и замёрзну, назло себе. Так мне и надо. А утром найдут закоченевший труп. И тогда простят всё. И заплачут, и Милочка заплачет...»

И Вите стало так жалко себя, что он сам заревел, громко, безудержно, и не мог остановиться.

Текли слёзы, стучали зубы. Он всхлипывал и задыхался. Достав из кармана носовой платок, стал вытирать, вернее, размазывать слёзы по лицу.

Вдруг на колени ему упала скомканная бумажка, очевидно, вытащенная вместе с платком. Витя машинально взял её, развернул и с трудом прочёл, вернее, вспомнил так понравившиеся ему и им же записанные строчки:

Есть отвага в груди —
Ко врагу подойди,
И не будет короток булат...

Он повторил ещё и ещё раз и задумался.

Новая, неожиданная мысль ошеломила его.

«Выходит, я ещё и трус! Конечно, самый настоящий бесчестный трус! И это тоже все скоро поймут. Трусу страшно с коротким мечом подойти к врагу. Храбрый подойдёт, не испугается. Я трус, потому что боялся сознаться Гавриле Семёновичу в обмане, придумывал разные отговорки, врал и ему, и матери, и отцу. Я врал, потому что боялся правды!»

Теперь Витя уже не плакал, а чувствовал жгучий стыд. Он, пионер, трус! Как же он сможет стать комсомольцем? Витю потрясло это... И он уже понял, он знал, что надо делать, и как можно скорее.

Сегодня, сейчас же он едет к Гавриле Семёновичу и сознаётся ему во всём. Гаврила Семёнович в Сосновке, Милочка говорила. Он ночует всегда у лесника — Витя найдёт. Сейчас забежать за шпагой. На поезд слишком поздно, всё равно — можно автобусом. Денег на билет — Витя торопливо обшарил карманы,— нет, не хватит. Пускай, он поедет зайцем, как угодно. Он докажет всем, что он не бесчестный, не трус, а настоящий пионер!

Слёзы высохли на витиных щеках. Он встал, опустил воротник куртки: ему было жарко. Не

Кривошип сделал вид, что читает афишу.

замечая расстояний, пересёк пустырь у обрыва, переулок, вышел проходным двором на свою улицу. Ещё несколько мгновений — и Витя подходил к воротам своего дома. Вот и чёрное крыльцо. Во дворе было уже пусто. Из окон первого этажа падал яркий свет. Витя не оглянулся по сторонам. Сунул руку в прикрытую доской щель — доска скрипнула, прищемила руку. Витя сел на корточки. Нащупал кишку от противогаза, железную коробку с патронами. Пальцы коснулись сырой и холодной земли, пробежали по шершавой доске, ударились о выступающий кирпич. Витя засунул руку по локоть. Вот и велосипедный насос. Всё лежало на месте. Всё, как раньше... Но шпаги в тайнике не было!

Витя не поверил. Нагнувшись, с силой оторвал мешавшую доску обшивки. Она хрустнула, раскололась и отлетела в снег. Под крыльцом зияла широкая чёрная дыра.

Витя опустился на колени, отполз вправо, чтобы свет из окна попал на крыльцо, пригнул голову — шпаги не было.

Это был не сон, не наваждение, а новый и последний удар!

Медленно Витя поднялся. Не отряхнул измазанные брюки, не приставил к крыльцу доску. О коробку ударилась отлетевшая из-под ноги стекляшка и зазвенела. Витя посмотрел на окна своей комнаты. Там горел свет, мягкий жёлтый свет.

Ровным усталым шагом Витя вышел из ворот. До остановки автобуса было с километр. Витя прошёл под часами — они показывали половину десятого.

Витя встал в очередь на автобус. Он пришёл довольно скоро. Высокая подножка качнулась, когда Витя прыгнул на неё. Он не пробрался вперёд, сел прямо перед кондукторшей. Она спросила, когда автобус проехал пол-остановки:

— А ты, молодой гражданин, так и не будешь платить?

«Тётенька,— хотел сказать Витя.— Знаете, я забыл дома кошелёк, меня мама послала». Но он сказал:

— Тётя, у меня нет денег! Я должен сегодня во что бы то ни стало...

Наверное, лицо у него при этом было отчаянное, потому что кондукторша нахмурилась и ответила:

— Ладно, сиди так. Тебе докуда?

— Мне? До конца.

А автобус, колыхаясь, увозил его всё дальше и дальше.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Да, но куда же всё-таки исчезла шпага?

После того, как Милочка рассказала Шурке Кривошипову, что Витя вынимал её из щели на своём крыльце, Шурка стал действовать решительно.

— А ну, быстро, бежим! — сдвинув чёрные брови, сказал он.— Покажи мне и это крыльцо и эту щель!

Они прибежали, запыхавшись, к витиному дому.

Кривошип всегда носил с собой карманный фонарик-жужжалку. Он включил жужжалку и, не переставая нажимать её, быстро обнаружил витин заветный тайник.

Милочка едва успевала следить за Кривошипом округлившимися глазами. Через минуту у него в руках оказался тот самый припудренный землёй предмет, который Витя вчера старательно запихивал себе под пальто.

Кривошип произнёс сквозь зубы одно только слово:

— Н-да!

Милочка спросила:

— Это шпага?

Кривошип промычал утвердительно.

Милочка сказала:

— Что же мы теперь будем делать с ней?

Кривошип поджал губы:

— Сейчас решу.

Через двор пробежал какой-то подозрительный мальчишка, кажется, Мишка-адъютант. Кривошип тотчас повернулся всем корпусом, загораживая шпагу.

— Шурик, а может, отнесём её к Марье Ивановне? — предложила Милочка, когда подозрительный мальчишка скрылся в воротах.

— Ни в коем случае! — отрезал Кривошип.— Ты ручаешься, что это их шпага? Ага, не ручаешься!

— Тогда, может, спрячем её обратно?

— Ер-рунда! А если её стащат? Витька — шляпа: хранить ответственную вещь в таком месте!

— Шурик, а может, лучше к вашей вожатой сбегать? Ей отдать?

— Подожди ты!.. Гм, уж если к Томе, так чтобы наше звено по цепочке поднять. Витьку-то искать надо? А шпагу... Не разбирается наша Тома в таких делах!

— Тогда... тогда что же?

Кривошип рубанул ножнами воздух.

— Слушай, Мила! Даёшь слово, что будешь молчать? — Девочка вытянулась перед ним.— Никому ни звука? — Милочка часто закивала головой.— Я возьму шпагу к себе. Сохраню, пока Витька найдётся! Где,— это уже моё дело. Только, смотри, никому ни слова. Витька запутался, мы должны его распутать! А теперь пошли к вожатой!

— Пошли,— как эхо, откликнулась Милочка.

Кривошип переложил шпагу из руки в руку. Что же, так и нести её в открытую по улице? Опасно. Он думал не больше секунды. Отвернулся и решительно, как делал это когда-то Витя, сунул шпагу в штанину под пальто, по-витиному же прихрамывая, пошёл к воротам. Милочка — за ним.

* * *

Однако их поход не увенчался успехом. Ребята не застали вожатой Тамары, или, как они её звали, Томы, вернее, разошлись с ней.

Витя сидел на опрокинутой лодке на краю обрыва.

Минут за двадцать до того, как они решили пойти к ней, Тома сама шла улицей Первого Мая, направляясь к витиному дому.

Тома была высокой полной девочкой с прямыми русыми косами, в складной шубке, отороченных мехом ботинках и очень нарядной вязаной шапочке, как и подобает восьмикласснице.

Но сейчас Тому не радовали ни новая шапочка, ни наступающая весна.

Она была сильно расстроена.

Сегодня днём она встретила на улице секретаря их школьной комсомольской организации, и между ними произошёл не совсем приятный разговор.

Секретарь спросил, как проводят пионеры её отряда каникулы.

Тома ответила, что проводят ничего.

— Ничего? А что это значит — ничего?

— Ну, в музей ходили, на каток. С писателем встречались, очень интересно. «Раз—два, в ногу!» обсуждали... Ещё предстоит...

— Что предстоит, я знаю,—сказал секретарь.—И что было,—тоже. Но вот почему в музее собралась только половина ребят, и те недовольны остались, а Кривошипов говорил: «Пропал день, одни диаграммы показывали»? Почему на обсуждении книги выступало только трое, а остальные чуть не спали?

— А ты откуда знаешь? — сердито сказала Тома.

— Ого, откуда! Я ещё и другое знаю: что Витька Савельев из твоего отряда был только на одном, как ты любишь называть, мероприятии, и то его со скандалом вывели! И что Юрченко эти дни с голубятни не слезает! Ага?

— Я... я выясню, в чём дело...— растерялась Тома.—Понимаешь, они такие какие-то несознательные, этот Юрченко и... и другие. Такие какие-то неорганизованные!

— Вовсе они не несознательные! Что, я сам никогда мальчишкой не был? Ну, об этом мы ещё с тобой поговорим...

Секретарь тряхнул головой, и они разошлись.

Этот разговор не выходил у Томы из головы весь день. Она и сама уже беспокоилась, почему Витя Савельев не был ни в музее, ни на обсуждении, ни даже на катке. Уж не заболел ли? Да, но ведь на встречу с писателем-то он приходил!..

И вот, вместо того, чтобы пойти в кино, Тома решила вечером отправиться к Вите, узнать, что с ним такое.

Тома была уже у Вити раньше, когда он болел ангиной, и без труда нашла его дом.

Издали увидела: у подъезда стоит маленькая витина сестра Таня в накинутом большом, верно, материнском, платке. Тома крикнула:

— Что ты здесь делаешь, Танечка? Твой брат дома?

— Нету,—ответила девочка.—Его нету, и мамы нету, и папы.

— Зачем же ты выбежала одна на улицу? Замёрзнешь раздетая!

— Я не замёрзну. Я мамину шаль надела.

Тома улыбнулась: Танюшка была такая насупленная, смешная.

— Пойдём домой,—сказала она.—Куда же ушёл Витя так поздно?

— Он никуда не ушёл. Его нигде нету. Мама говорит, что он провалился. Мама побежала его искать.

— Провалился? Искать?—Тома почувствовала, что всё это неспроста.—Пойдём, пойдём, мы подождём и маму и Витю дома!

Танюшка послушалась, но неохотно. Она похозяйски провела Тому в свою квартиру, в комнату, но сама то и дело выбегала на цыпочках в переднюю и слушала.

Тома забеспокоилась тоже. Соседи ничего толком не знали. Танюшка отвечала на расспросы как-то странно.

Тома спросила, здоров ли Витя. Девочка посмотрела на неё строгими глазами:

— Мама говорит, наш Витя полоумный.

— Не уезжал ли он куда в эти дни?

— Мама говорит, лучше б к дедушке в деревню уехал.

— Погоди, а куда же он всё-таки провалился?

— Может, в какую-нибудь глубокую-глубокую яму?—ответила вопросом Танюшка и заморгала.

— Ну, таких ям у нас в городе нет!

Тома сидела на стуле возле витиного письменного стола. На нём стопкой были сложены учебники, рядом на этажерке с книгами криво висел расстёгнутый старый портфельчик.

Тома взяла с этажерки одну книгу, полистала её: «Тайна черного океана», под ней — «Дорога смелых».

Вдруг Тома увидела высунувшийся белый листок с надписью: «План проведения весенних каникул уч-ка V кл. Савельева В.»...

Танюшка опять выбежала из комнаты: за дверью на лестнице шумели чьи-то голоса. А Тома, нагнувшись, медленно читала кривые, наспех выведенные витиной рукой строчки и неразборчивые, приписанные сбоку замечания к ним:

«24 марта, первый день каникул.— Кол. пос. муз. Для старух. Не интересуюсь...»

«Встр. с писат... Можно пойти».

«Обсуждение книги «Раз—два, в ногу!» Скука».

«Беседа на тему «Как организовать свой досуг». Сам знаю! Взять у Гавр. С. «Трёх мушкетёров».

«Детский утренник. Это для малышей».

Тома перечитала ещё и ещё раз. Задумалась. Встала, опустилась на колени — тяжёлая русая её коса свесилась через плечо—и внимательно пересмотрела все лежавшие на этажерке книги: «Остров сокровищ», «Судьба барабанщика», «Следопыт», старый, истрёпанный журнал «Мир приключений»...

Тома поднялась, села опять за стол и взяла в руки белый листок. Когда Тома услышала, что Танюшка в передней открыла кому-то дверь, она аккуратно сложила листок пополам, ещё пополам, спрятала в карман шубки и вышла навстречу.

В переднюю входили Танюшка, её мама, какая-то незнакомая девочка и Шурик Кривошипов, витин товарищ, пятиклассник из томиного отряда.

* * *

— Нет его нигде, прямо с ног сбилась!..— тревожно сказала Татьяна Петровна.— Одиннадцатый час, а убежал, ещё только темнело. Уж и не знаю, что мне теперь делать!..

— Пожалуйста, не волнуйтесь,— сказала Тома.— Сейчас мы все вместе что-нибудь организуем. Может быть, Витя просто засиделся у товарища в гостях?

— Да нет, какое! Не до гостей ему было, когда убегал...

— Тома, здравствуй! — сказал Кривошип.— Мы с Милочкой (он и не заметил, что так назвал девочку) только что заходили к тебе. Нам сказали, что ты пошла сюда. Тома, давай по цепочке поднимем наше звено? Витьку разыскивать!

Милочка ничего не сказала. Подошла к Танюшке и тихонько погладила её по голове.

Татьяна Петровна положила на плечо Кривошипа руку.

— Вы уж, Шура, помогите мне. Ступайте за своими ребятами! И отца, как на грех, всё нету... Может, в милицию придётся заявить? Уж не случилось ли чего с нашим Витюшкой? А я побегу ещё на улице поищу...

— Татьяна Петровна, подождите!—раздался вдруг в дверях громкий и ясный голос.— Только что, десять минут назад, мне звонил из Сосновки Гаврила Семёнович и просил передать вам, что ваш Витя...

На пороге передней, порозовевшая от быстрой ходьбы, стояла Марья Ивановна.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Витя растерялся: куда идти?

Впереди, за стволами тёмных, с шумящими вершинами сосен, горели редкие огни. Справа чернел лес. Слева была железная дорога; прошёл отцепленный паровоз; дым над ним был багрово-красный, как пожар.

Кондукторша автобуса не хотела отпускать Витю одного. Но он уверил её, что прекрасно знает дорогу (в автобусе кто-то упоминал, что лесник живёт за оврагом).

Значит, надо было искать овраг. Витя бывал не раз в Сосновке: овраг должен находиться между лесом и железной дорогой.

Витя свернул в проулок. Сосны зашумели сильней. Снег здесь лежал нетронутый, как настоящей зимой.

Витя обогнул длинный глухой забор, заколоченную дачу. Ветер подул сильней: посёлок кончился.

Вот и лес. Пахнуло хвоей, холодом. Брехала одинокая собака.

Вите стало страшно, он стиснул зубы.

Всё равно — пусть он проблуждает всю ночь, но найдёт Гаврилу Семёновича!

И вдруг он услышал: тоненький, как колокольчик, заливистый лай долетел из леса. Витя чуть не всхлипнул от радости. Это лаяла Пуделька, так лаять могла только она!

Он пошёл наугад, не разбирая дороги.

Блуждающий огонёк плясал между стволами. Витя провалился в сугроб, зачерпнул полные ботинки снега. Выбрался и понял, что стоит на краю оврага. За ним бесшумно проползла длинная светящаяся змея—поезд.

Блуждающий огонёк исчез, лай смолк тоже. Но Витя услышал, как близко хлопнула калитка. Он побежал вдоль оврага. Ноги разъезжались, но на душе стало легче: рядом люди!

Когда овраг кончился, Витя увидел у леса белую хатёнку. Единственное окошко, как фонарь, освещало её.

Витя нашёл среди деревьев тропку; она привела его к ограде. Он нащупал засов у калитки, скользнул за неё и замер.

Большой чёрный пёс стоял перед ним.

Витя сделал шаг—пёс шагнул тоже, Витя остановился — пёс присел и зарычал.

Свет в окошке вдруг погас. В двери появилась тёмная фигура.

— Кто там? Таймыр, ты что?

Витя заплетающимся языком выговорил:

— Это не сторожка?

— Какая сторожка? Здесь переезд. Ты как сюда попал? Таймыр, назад!

— Мне... мне надо! В сторожке у лесника Попов Гаврила Семёнович, художник!

— Художник? А-а, знаю... Не сюда, парень, забрёл! Что же ты ночью? Во-он, гляди!

Витя обернулся и увидел, что в лесу снова пляшет блуждающий огонёк.

— Ступай этой тропкой, художник только что здесь проходил. Аккурат в сторожку упрёшься. Сводил бы тебя, да отлучаться не могу. Таймыр, а ну ты! Веди в сторожку!

Пёс завилял хвостом, только тень запрыгала по снегу.

Витя пошёл за ним без страха: он видел впереди огонёк. Таймыр, как поводырь, ступал смело сильными ногами, обнюхивал чей-то след. И Витя, дрожа от возбуждения, нетерпения и радости, что сейчас увидит Гаврилу Семёновича, ковылял за ним.

Живой мохнатый клубок вдруг покатился к его ногам. Витя чуть не упал на Таймыра. Вокруг него, вокруг Вити, подпрыгивая, взвизгивая, стараясь лизнуть в губы, в нос, скакала и вертелась Пуделька!

Витя присел на корточки, обхватил собачонку, уткнулся носом в тёплую, мягкую шерсть и забормотал, сдерживая подступавшие слёзы:

— Пуделька, дорогая! Пуделечка, милая!..

И тотчас блуждающий огонёк выскочил из-за дерева, лизнул снег, пробежал по собакам.

Гаврила Семёнович, держа в руке электрический фонарик, удивлённо, не веря своим глазам, сказал:

— Витя? Ты?!.

* * *

—...Да,— повторил он.— Вот, значит, как всё у нас с тобой получилось...

Витя сидел на табуретке, протянув босые ноги к печке. Над печкой на верёвке сушились его носки. Ботинки стояли торчком, упираясь в чугунные ножки.

В сторожке было очень тепло. Плавал синий чад от керосиновой лампы. В углу горбом лежал рюкзак Гаврилы Семёновича, к нему прислонился раскрытый этюдник. На столе в беспорядке смешались кисти, термос, кружка с остатками каши, круг копчёной колбасы, складной нож...

На топчане, на стенах, приколотые кнопками и просто так, лежали и висели разноцветные куски картона. Когда дрова в печке вспыхивали, становилось похоже на кино: вот мелькнул залитый солнцем снежный овраг, вот лес и синие тени под ним, вот какая-то разрушенная красная стена...

Витя молча смотрел на огонь.

Он сказал всё: и про то, что передумал за эти дни, и про Кривошипа, и про подслушанный разговор Марьи Ивановны с матерью, и про то, что обрушилось на него совсем недавно,— пропажа шпаги.

Теперь он ждал.

Но Гаврила Семёнович больше ничего не говорил.

Пошевеливая густыми бровями, вытряхнул из рюкзака фуфайку, толстые шерстяные носки. Подошёл сзади к Вите, сказал:

— Великовато, конечно. Ничего, одевай!

Потом крикнул:

— Спать будем валетом! Ничего, поместимся! Теперь так: садись ешь. Вон колбаса и каша. Я пойду на разъезд, попробую дозвониться в город. Мать ведь не знает, что ты здесь?

— Н-нет, не знает.

— Эх, мушкетёр! Ладно, нюни не распускать! Поешь и ложись спать!

— А... вы?

— Я? Вернусь в своё время. Пуделька, ты останешься с Витей. Запри, Витя, за мной дверь.

Гаврила Семёнович ушёл.

Теперь Вите было совсем хорошо. Он натянул Гаврилы Семёновича носки — точно рейтузы. Вздохнув, взял со стола колбасу — только сейчас почувствовал острый, нестерпимый голод. Пуделька постучала хвостом. Витя отломил кусок, разделил пополам. Кашу отрезал ножом, как хлеб. Ничего вкуснее он в жизни не едал!

Витя обогнул длинный забор, заколоченную дачу.

Когда голод затих, Вите стало ещё тревожнее. Почему Гаврила Семёнович не возвращается? Почему он не сказал ни слова до сих пор ни о шпаге, ни о самом Вите? Ушёл куда-то, оставил его одного...

Витя не мог лечь на топчан, хотя всё тело налилось усталостью. Пуделька подошла близко, смотрела в глаза, как будто понимала...

Наконец в сенцах загремел засов. Витя бросился к двери. Пуделька залилась радостным лаем.

Гаврила Семёнович вошёл, отдуваясь. По его лицу, по капюшону и куртке бежали светлые дымящиеся капли.

— Уф! — сказал он и отряхнулся.— Пропали мои лыжи, Витя, первый дождь нагрянул. Но почему ты не ложился?

— Я... я вас хотел обождать, Гаврила Семёнович.— Голос у Вити дрогнул, точно внутри что-то оборвалось.— Гаврила Семёнович, я так не могу! Вы... вы... хоть бы одно слово! Гаврила Семёнович...

— Ну, что же...— Гаврила Семёнович сбросил куртку, вытер о половик ноги.— Раз ты этого ждёшь, давай поговорим.

— Я вам всё, всё рассказал! Я ничего не утаил! — вырвалось горячо у Вити.

— В этом я уверен. Ты действительно рассказал мне всё, и теперь говорить буду я. Самое главное, что ты нашёл в себе мужество разрубить этот гордиев узел. Ты понимаешь меня, Витя?

Витя кивнул, Гаврила Семёнович присел рядом с ним на топчан.

— Видишь ли, дорогой мой, в том, что ты, начитавшись «Трёх мушкетёров», увлёкся д'Артаньяном и захотел быть похожим на него, я, собственно, ничего плохого не вижу. Д'Артаньян был храбрым, честным и верным дружбе человеком. Твоя беда, Витя, в другом. Ты вообразил себя храбрецом-мушкетёром, а поступал как раз противоположным образом! Желая во что бы то ни стало владеть шпагой, ты нарушил честное слово, поссорился с товарищем, изворачивался, трусил... Посмотри: одна твоя неправда повлекла за собой другую, третью, обросла, как снежный ком. Это ты, надеюсь, понял? А уж если человек в одном месте, ну, допустим, у Поповых, вежлив, внимателен, услужлив, а в другом, например, у себя дома, груб,

белоручка, нечуток (Витя сморщился так, как будто ему наступили на мозоль),— значит, такой человек — лицемер, двуличен. Ведь правда? Нет ничего хуже!.. Это тебе тоже ясно?

Витя низко опустил голову.

— Хорошо ещё, что ты во-время опомнился, разобрался во всём и сделал то, что нужно...

Гаврила Семёнович встал, прошёлся по сторожке.

— Вот ты говорил, что у вас в отряде скучно, что вожатая уж слишком как учительница... Конечно, нехорошо, если это так. Но ведь надо и самим придумывать, изобретать, искать, а не ждать, когда тебе разжуют и положат в рот занятие по вкусу! Интересного кругом очень много, только сумей найти его!

Гаврила Семёнович подошёл, потрепал Витю за вихры.

— Смотри-ка сюда! — сказал он.— Я хочу показать тебе свою будущую картину.

Он снял со стены лампу и осветил висевший над топчаном холст. Витя поднял голову.

...Голубые сугробы снега залегли вокруг полуразрушенной старинной башни. Заходящее солнце зажглось на далёкой снежной равнине. Там, где она сливалась с лесом, синели тени. По глубокому снегу, как чёрные пятна, распластались закоченевшие, разметавшие руки фигуры...

— Фашисты! — узнал Витя.

У подножия башни лежал молодой советский солдат.

Его лицо, спокойное и прекрасное, запрокинуто в небо. Рядом зарывшийся в снег, исковерканный пулемёт. И тишина, тишина кругом...

Витя долго смотрел, не отрывая глаз, чувствуя щемящее волнение.

— Ну вот, даже рука устала! — сказал Гаврила Семёнович, отводя лампу.

Он поставил её на стол, присел опять на топчан.

— Эта башня, Витя, и остатки крепостной стены видели многое! — помолчав, проговорил он.— Наверно, не раз, приезжая в Сосновку, ты пробегал под ними, не обращая внимания и уж, конечно, не задумываясь о том, откуда взялись эти руины, какова их история, что за люди встречались около них. А ты знаешь, сколько полегло под ними врагов нашей Родины? Сколько её защитников прославило себя подвигами? Ты знаешь, что в тринадцатом веке жестокий и кровожадный хан Аммантай был сброшен с этой стены, пронзённый мечом русского витязя Василия Беды, и тогда полчища хана обратились в бегство? Что в шестнадцатом веке ясновельможный пан Загреба с воинством три месяца осаждал эту крепость и отступил с позором? Ты, конечно, читал про Отечественную войну 1812 года... А тебе известно, что в этой башне был заключён пленённый партизанами наполеоновский генерал Лурже?

В гражданскую войну, Витя,— тихо продолжал Гаврила Семёнович,— около этой стены белогвардейцы расстреляли трёх коммунистов и молодую учительницу Савченко из нашего города, скрывавшую их... А в последнюю нашу Великую Отечественную войну у этих развалин разыгралась неравная битва. О ней помнят все у нас в городе! Если ты бывал в краеведческом музее, ты видел: там хранится вот этот самый пулемёт и простреленный комсомольский билет Серёжи Сагурова, Героя Советского Союза... Он учился в вашей школе, все вы, конечно, знаете об этом...

Гаврила Семёнович задумался. Витя пристально смотрел на разгоревшийся огонь.

Стрельнуло в печке полено. Небо за окном порозовело. Мимо разъезда прошёл поезд, и свернувшаяся в углу Пуделька подняла уши.

— Ну, а теперь,— мягко сказал Гаврила Семёнович,— не ломай себе ни над чем голову и давай-ка ложиться спать! Я дозвонился Марье Ивановне. Она передаст твоим родителям, что ты здесь, и завтра утренним поездом мы с тобой вместе вернёмся в город...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Было девять часов утра.

Прошедший ночью первый дождь растопил на вокзальной площади последний снег.

Весёлые ручьи бежали у сквера. В лужах блестело солнце и отражалось небо. Любопытные воробьи прыгали по мокрому асфальту.

На вокзале было, как всегда, людно и шумно.

На пригородном перроне собирался народ: молочницы с пустыми бидонами, колхозники, уже успевшие побывать на базаре.

По радио передавали утренние известия. У газетного киоска выстраивалась очередь.

К стене киоска прислонился черноглазый остроносый мальчишка. Обеими руками он придерживал оттопыренное пальто.

— Ну, а ты что здесь делаешь? — спросила продавщица киоска, втаскивавшая в дверь кипу свежих газет.— У тебя что, живот болит?

— У меня ничего не болит! — бодро ответил мальчишка.— Я поезда из Сосновки жду.

Продавщица вошла в киоск, а мальчишка — это был Кривошип — вдруг подался вперёд.

На перроне у фонаря среди движущихся голов он неожиданно увидел очень яркую и нарядную вязаную шапочку. Шапочка принадлежала Томе — в этом не было сомнения: из-под неё спускались две толстые, старательно заплетённые косы.

— И Тома здесь!—чуть не ахнул Кривошип.— Вот тебе на! Я вчера чуть ей про всё не рассказал! Без Витьки нельзя...

Но тут же ему пришлось удивиться снова.

По перрону, осторожно обходя лужи, шла Милочка. Лицо у неё было страшно озабоченное.

...Вскоре после того, как к вокзалу подошёл поезд из Сосновки, можно было увидеть следующую картину.

Среди других пассажиров по перрону прошли к выходу в город Гаврила Семёнович с рюкзаком за плечами и лыжами в руках, рядом с ним — Тома (они оживлённо о чём-то разговаривали), потом — Кривошип и Милочка, старавшаяся делать большие шаги, чтобы идти с ним в ногу, и, наконец, растерянный, взъерошенный и красный, как варёный рак, Витя с деловито бежавшей Пуделькой на поводке.

* * *

Прежде чем сдать Витю родителям, Гаврила Семёнович решил зайти к себе домой: оставить вещи, собаку и сказать Марье Ивановне, что они приехали.

Гаврила Семёнович снял со стены лампу и осветил висевший над топчаном холст.

Конечно, он предложил зайти и всем остальным.

Кривошип не стал ничего говорить в трамвае о шпаге: глупо было среди посторонних вытаскивать её из штанины!

Милочка то и дело менялась в лице, но Кривошип энергичными движениями бровей, глаз и даже носа сигналил ей: «Пока молчи!..»

Витя был поражён, увидев на вокзале и Тому и Кривошипа с Милочкой. Как они оказались все вместе? Откуда узнали, что он ездил в Сосновку? Почему Кривошип перемигивается с Милой, а от него отводит глаза?

Встретив же Марью Ивановну, Витя растерялся совсем. Она спросила только: «Витя! Как же это ты? А?» На что он низко опустил голову.

У Поповых все пробыли недолго.

Тома с любопытством разглядывала заставленную комнату Гаврилы Семёновича, развешанные картины, мольберт, гипсовые слепки... И книги, книги повсюду: на полках, в шкафах, на столах...

Гаврила Семёнович сказал жене:

— Маша, вот познакомьтесь: вожатая нашего Вити и его друга Шуры. Мы уже успели поговорить о многом!

— Очень приятно! — сказала Марья Ивановна.

Гаврила Семёнович передал ей рюкзак, этюдник. Когда Марья Ивановна открыла его, Тома ахнула. Ребята подошли и тоже смотрели молча.

— Ой, ведь это же... Я знаю, знаю, про что это! — тихо сказала наконец Тома.

— И я! И мы знаем!.. — ещё тише отозвались Милочка с Кривошипом.

— Гаврила Семёнович, а вот я сейчас подумала...— Тома повернулась к нему.— Если бы вы только согласились!.. Шурик, Витя, давайте попросим все вместе! — Она оглянулась на стоящих рядом ребят.— Может быть, Гаврила Семёнович согласится придти к нам в школу и рассказать, как он рисовал эту картину? Ну, как собирал материал для неё, как писал этюды,— про всё!

— К вам? В школу? — удивился Гаврила Семёнович.— Ну что же!.. Пожалуй, об этом стоит подумать...

— И вы покажете нам свои другие картины? И рисунки? И про них тоже расскажете? Пожалуйста!

Гаврила Семёнович засмеялся.

— А когда бы вы хотели, чтобы я пришёл к вам?

— Ах, если бы можно было, как раз сегодня! — быстро сказала Тома.— Было бы очень хорошо!

— Так на сегодня у вас, наверное, уже что-нибудь запланировано?

— Да...— Тома запнулась.— В пять часов долж-

на быть беседа «Как организовать свой досуг»...— Она вдруг смутилась и залилась краской.— Но если бы вы только смогли...

— А то всё равно все разбегутся с этой самой беседы! — брякнул Кривошип.

Гаврила Семёнович подумал.

— Ну, хорошо...— сказал он.— Я постараюсь придти.

— Правда?

— Да. В пять часов. Витя, ты сможешь зайти за мной? — обратился он к Вите.— А ты что-то у нас совсем загрустил! Всё страдаешь, что пропала твоя драгоценная шпага?

— Она никуда не пропала! — громогласно объявил вдруг Кривошип.— Она здесь, в этой комнате. Вот!

И он одним ловким движением, под восхищённым взглядом Милочки и загоревшимся витиным, вытащил у себя из-под пальто шпагу.

— Ого! — воскликнул Гаврила Семёнович.— Что я вижу? Просто чудеса! Как же она попала к тебе, Шура? Впрочем, мне сейчас некогда слушать обо всём подробно. Витя, ты оставайся здесь, пусть твои друзья расскажут тебе обо всём, а я пойду поговорю кое о чём с твоими родителями. Немного погодя забирай свою шпагу и тоже приходи домой. Договорились?

— Забрать? Мою шпагу? — переспросил ошеломлённый Витя.

Он протянул было к Кривошипу руку, но сразу отдёрнул её.

— Но ведь она же... Гаврила Семёнович, она же не моя?

— Нет, Витя! Шпагу я подарил тебе, и она твоя,— серьёзно сказал Гаврила Семёнович.— Бери её и никогда не забывай, что с тобой случилось.

И он быстро вышел из комнаты.

...О чём разговаривал Гаврила Семёнович с витиными родителями, пока тот вместе с Томой и Марьей Ивановной слушал сбивчивый рассказ Кривошипа, осталось для Вити неизвестным.

Очень скоро Шурка и Милочка проводили его домой.

По дороге Шурка и Витя держали себя так, как будто между ними никогда не пробегала никакая кошка. До кошек ли было теперь?!

Но, прощаясь, Кривошип вдруг замешкался, закашлял, оглянувшись на Милочку, пробормотал:

— Я сейчас, мне его на два слова, между нами...— и скользнул за Витей в подъезд.

Милочка осталась ждать на улице, несколько обиженная.

А Кривошип в это время, глядя куда-то в сторону, говорил:

— Знаешь, Витька, я, конечно, с девчонками попрежнему никогда не вожусь, но в общем... Эта Милочка... В общем, она действительно не как все!

На это Витя со скрытым торжеством ответил:

— А что я тебе говорил?

Когда же Витя поднялся на третий этаж и робко, с замирающим сердцем, держа в одной руке кепку, другой стиснув шпагу, позвонил к себе в квартиру, родители встретили его совсем не так, как он ожидал.

Отец, его суровый отец, сам открыл ему дверь и проговорил, усмехнувшись:

— Ну, вот, вернулся, блудный сын! Ладно, ладно, чего уж там, не робей!.. Все мы неправы были. Раздевайся, садись завтракать!

Мать ничего не сказала, хоть и поглядела с опаской на шпагу, но подошла и молча обняла своего сына.

А маленькая Таня, бросившись навстречу, радостно закричала:

— Витя, наш Витя приехал!..

И потом вдруг, показывая пальчиком на шпагу, строго спросила:

— А это ты зачем опять её к нам домой принёс? Опять баловаться будешь? Смотри у меня!..

ЭПИЛОГ

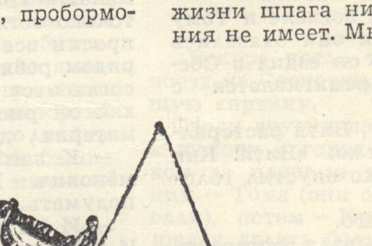
Теперь шпага висит у Вити над кроватью.

Когда к нему заходят товарищи и интересуются ею, Витя, как в музее, рассказывает:

— Шпага эта, ребята, древнего рода. Сделана она в испанском городе Толедо из лучшей стали. Рукоять из чистого серебра, художественной работы. Может быть, шпага изготовлена ещё при жизни трёх мушкетёров. Вы, конечно, читали о них? Не исключена возможность, что ею пользовался сам д'Артаньян...

В этом месте Витя всегда делает паузу. Затем продолжает:

— Количество насечек — а их двенадцать,— возможно, говорит о количестве заколотых этой шпагой на дуэлях. Вы знаете, что это такое? Ну, драка такая была в старое время... В нашей жизни шпага никакого практического применения не имеет. Мне лично она дорога как память.

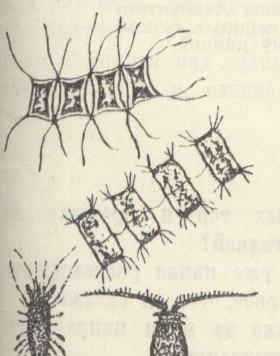


СЕКРЕТЫ АРКТИКИ

Вот уже год, как станции «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4» ведут научную работу в самом сердце Арктики. За это же время «крылатые обсерватории» высокоширотной воздушной экспедиции сделали сотни посадок на морские льды для изучения глубин, течений, животного мира.

Мы попросили учёных рассказать об исследованиях, которые ведутся в Арктике.

Цепочка жизни

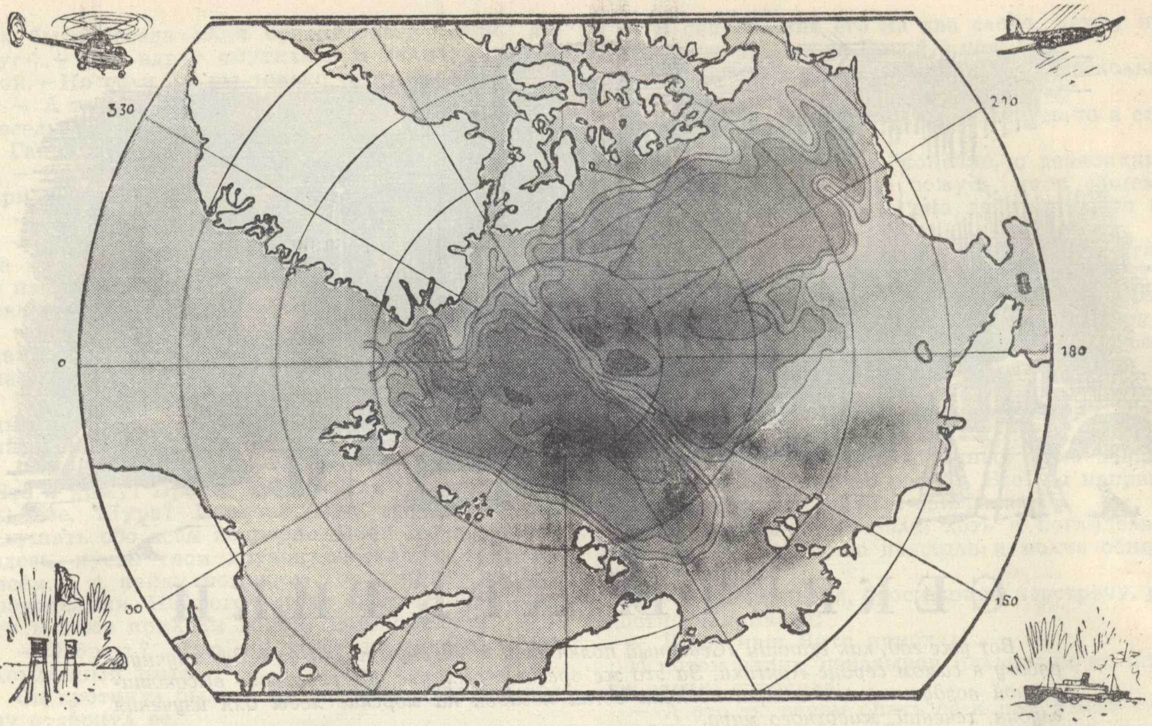


Зимовщики дрейфующих станций «Северный полюс» и весной, и летом, и осенью, и зимой берут из лунок во льду пробы океанской воды. В каждой пробе — целый мир живых существ. В банке с уловом снуют какие-то «песчинки». Но под микроскопом каждая из проворных «песчинок» приобретает свой, особенный вид. Мы узнаём различных инфузорий, радиолярий, рачков, одноклеточные водоросли. Это миниатюрный мир планктона, который играет очень важную роль в жизни морей и океанов. Особенно водоросли. Они, как и растения суши, создают органические вещества, те вещества, из которых состоят и сами водоросли и всё живое. От водорослей зависит вся цепочка жизни в море.

Летом много света проникает в воду через полыньи. Наступает пора бурного расцвета планктонных водорослей, а с ней — привольная, сытая жизнь и у мелких «травоядных» животных планктона. Этих «травоядных» поедают более крупные планктонные хищники, которые, в свою очередь, служат добычей медузам, креветкам. Полярная тресочка — сайка — питается ими. Сайкой питаются и птицы и тюлени, а тюленями — белые медведи.

Лунки, пробитые в толще ледяного поля, словно окна, через которые учёные наблюдают жизнь полярных вод. Впервые в истории науки эти наблюдения ведутся круглый год. Советские биологи могут подробно проследить все изменения, все события этой сложной и многообразной жизни.

Доктор биологических наук В. Г. Богоров.



Рассмотрите хорошенько эту карту. Вы увидите на ней то, чего не увидели бы ни на одной карте, которые выпускались прежде. Всего пять — шесть лет назад учёные во всём мире думали, что дно Ледовитого океана — вроде большой чаши.

Но советские учёные внесли поправку в географию. Измерив глубины Ледовитого океана во многих местах, они обнаружили, что есть две впадины, разделённые огромным подводным хребтом, в три километра высотой и больше чем в тысячу длиной.

Новая карта составлена в Арктическом институте.

Подводный хребет

Могут ли горы рассказывать? Могут, и даже очень много, если понимать их язык.

Одни говорят учёному:

— Посмотри, как сглажены наши вершины; они совсем круглые, будто караваи хлеба! Это древний ледник когда-то покрывал нас сплошным тяжёлым щитом. Он медленно полз, обтачивая каждую неровность, срезая острые скалы, полируя большие камни. А видишь огромный вал из гальки и круглых валунов? Ледник унёс эти камни с наших склонов.

Другие горы говорят:

— Видишь отпечатки раковин вон там, в слоях песчаника на обрыве? Это раковины моллюсков, которые жили на дне моря. Здесь раньше было море...

Прислушиваясь к тому, что рассказывают горы, учёные узнают прошлое нашей планеты. Им открывается то, что происходило на ней в незапамятные, в невообразимо далёкие времена.

А как с хребтом Ломоносова? Даже самые высокие точки этого хребта скрыты километровой толщей воды. Неужели сквозь такую преграду дойдёт до нас голос новооткрытых гор и прошлая их жизнь перестанет быть загадкой?

Да! Хребет Ломоносова уже начал рассказывать учёным свою историю. Первое, что он сказал:

— Последите хорошенько за моим направлением,— вы узнаете много интересного.

И действительно, самое расположение этих подводных гор говорит об их прошлом. Хребет Ломоносова тянется на тысячу с лишним километров. Он, словно гигантская стена, перегораживает Северный Ледовитый океан. Один конец хребта обращён к Новосибирским островам. Если вы посмотрите на азиатский материк, вы увидите, что как раз здесь складки Верхоянского хребта перерезают тундру, спускаются на дно моря Лаптевых, снова выходят наверх в западной части Новосибирских островов и, ещё раз уйдя на дно, находят своё продолжение в хребте Ломоносова.

По другую сторону океана, в Северо-Канадском архипелаге, лежит большой остров Земля Эльсмира. К нему и направляется хребет Ломоносова. На Земле Эльсмира тоже есть горные цепи. Они одного возраста с Верхоянским хребтом.

Случалось ли вам разгадывать кроссворды? Слово, в котором вы не знаете ни одной буквы, отгадать трудно. А если есть начало и конец,— дело проще. У геологов в загадке хребта Ломоносова известны и начало и конец: Верхоянский хребет и горы Земли Эльсмира. Есть все основания считать, что соединяющий их подводный хребет образовался в одно время с ними, в мезозойскую эру.

«Мезос» по-гречески значит «средний». «Зоэ» — «жизнь». Мезозой — эра средней жизни. Так называют геологи давнюю и долгую пору в истории земного шара. Началась мезозойская эра сто восемьдесят пять миллионов лет назад, продолжалась сто пятнадцать миллионов лет, и вот уже семьдесят миллионов лет, как она окончилась. Мезозойская эра делится на три периода: триасовый, юрский и меловой.

В юрский период ещё не было Северного Ледовитого океана. На его месте были древние мелководные моря. Через Северный полюс в то время проходила зона сильных движений земной коры. Такие зоны называются геосинклиналями. Здесь земная кора то поднимается, то опускается.

И вот в начале мелового периода мезозойской эры, с сотню миллионов лет назад, в арктической геосинклинали началось движение вверх. Земная кора сминалась складками. Вырастали горные цепи.

Рос Верхоянский хребет, росли горы теперешней Земли Эльсмира, рос хребет Ломоносова. Три километра высоты — это много. Хребет в то время, вероятно, поднялся над волнами мелководного арктического бассейна и, словно мостом, соединил через полюс Азию с Северной Америкой. Но недолго просуществовал этот «мост»,— может, два или три миллиона лет, а может, десять. Не удивляйтесь, что я называю такой срок недолгим! Конечно, это во много раз больше, чем время существования людей на земле, и всё же это недолго по сравнению со всей мезозойской эрой.

Так вот, к середине мелового периода в Арктике началось новое опускание земной коры. Хребет Ломоносова постепенно скрылся под водой, мелководные моря Арктики становились всё глубже, и на их месте образовался Северный Ледовитый океан.

В далёкие времена, когда происходили все эти события, на земном шаре не было таких животных, как теперь. В глубинах морей плавали рыбоподобные ихтиозавры с зубастыми челюстями. В мелководных заливах плезиозавры с длинными извивающимися, как змеи, шеями охотились за рыбой, рассекая воду сильными ластами, или прогуливались вперевалку на песчаных отмелях.

Раскрыв огромные перепончатые крылья, в воздухе парили летающие ящеры, а по болотистым равнинам, покрытым лесами хвощей и древовидных папоротников, бродили разнообразнейшие сухопутные ящеры — динозавры: одни из них — безобидные, неповоротливые гиганты, пожиратели растений, другие — страшные, кровожадные хищники.

Все эти удивительные чудища вымерли семьдесят миллионов лет назад. К этому времени хребет Ломоносова уже скрылся на дне океана.

Кандидат географических наук
Н. А. Белов.

Бой двух чудовищ. Хищный динозавр напал на травоядного.

Рисунок художника К. Флерова.

Пловучие острова

Открыть землю, на которую ещё не ступала нога исследователя... Как много смелых людей, увлечённых этой мечтой, пускалось в дальние странствия! Они терпели лишения и опасности, а иногда ценой жизни платили за радость открытия.

Были в истории исследований Арктики случаи, когда неизвестные земли словно играли в прятки с исследователями. Одним эти земли виделись издалека, другие, специально отправившись на поиски, не находили ничего.

Так дразнила и обманывала путешественников загадочная Земля Санникова. В самом начале прошлого века, в 1805 году, сибирский охотник Яков Санников промышлял песца на Новосибирских островах и видел вдали неведомый берег. Но через пятнадцать лет после этого лейтенант русского флота Анжу вёл научные исследования в этих местах и не обнаружил никакой земли.

Ещё через шестьдесят лет путешественник Толль, изучавший геологию Новосибирских островов, снова заметил какой-то берег на горизонте и был убеждён, что это Земля Санникова. Вернувшись в Петербург, он в 1900 году добился отправки экспедиции для поисков. Это была русская полярная экспедиция на шхуне «Заря». Шхуна несколько раз прошла там, где раньше видели землю, но никакой земли не оказалось. Отправившись по льдам на остров Беннет, к северу от Новосибирских островов, Толль погиб.

За следующие десятилетия по этим местам прошли ледоколы «Таймыр», «Вайгач», «Ермак», «Садко», «Сталин», в ледяном плену дрейфовал «Седов», летал не раз полярный лётчик Герой Советского Союза Алексеев, а затем и многие другие, но никто так и не нашёл здесь Земли Санникова. Создалось мнение, что те, которые её видели, принимали за землю полярные миражи.

Истина открылась только в последние годы, когда советские корабли избороздили северные моря, когда советские учёные стали вести широкие исследования Арктики с помощью авиации. «Летающие обсерватории» в своих полётах на льдины обнаружили с воздуха огромные плоские айсберги протяжением до тридцати километров. Их легко было принять за настоящие острова.

Значит, не миражи виделись Санникову, Толлю, охотникам-якутам! Они, должно быть, принимали за землю такие же гигантские айсберги, какие открыты сейчас советскими полярными лётчиками.

Откуда же берутся эти пловучие ледяные острова? Оказывается, есть несколько районов, в которых они рождаются: северная часть Гренландии, острова Северо-Канадского архипелага, Земля Франца-Иосифа, Северная Земля. Мощные ледниковые щиты в сотни, а иногда и в тысячи метров толщиной покрывают эти арктические земли.

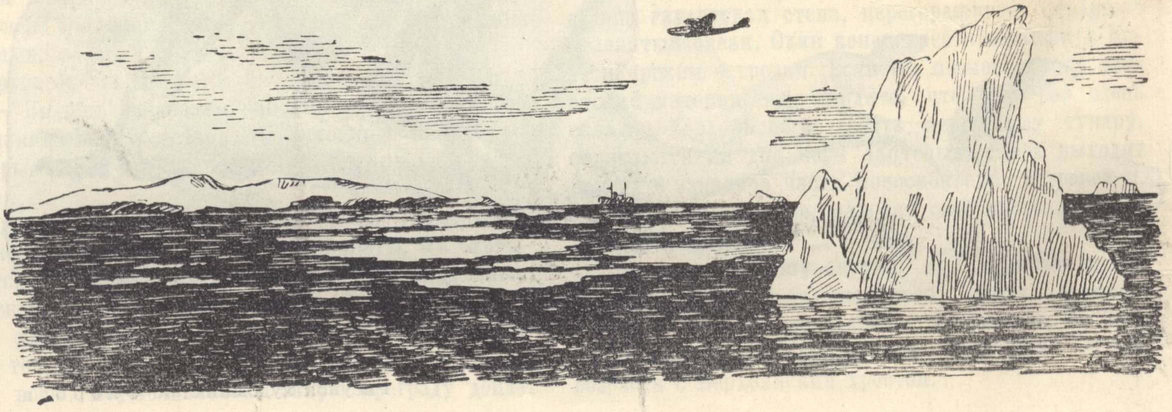
Под собственной тяжестью материковый лёд «течёт» по склонам и сползает к морю. Силой ветра, течений, приливов от него откалываются глыбы и уплывают в море. Это обычные айсберги, о которых вы знаете из географии.

На пологих землях материковый лёд, сползая, образует ледяные берега, которые могут покрывать прибрежную часть моря на большом пространстве. Такие ледяные берега у географов принято называть шельфовым льдом. Нужны особые условия, чтобы шельфовый лёд отрывался от берега и уплывал в море. Тогда образуются айсберги в десятки, в сотни раз больше обычных. Это и есть пловучие ледяные острова.

Они встречаются редко и существуют недолго. Наблюдения показали, что за четыре — пять лет их разрушают солнце, вода и столкновения с дрейфующими ледяными полями.

Наши полярные научные станции мы устраиваем на ледяных полях старого морского льда, называемого паковым. На таком льду жить более опасно, чем на ледяных островах, зато ледяные поля всегда покрывают центральную часть Северного Ледовитого океана, и, значит, на них можно постоянно вести наблюдения.

Доктор географических наук
С. Д. Лаппо.



В СЕЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ.

И. Шевандронова.

НА ОКНЕ ВЕСНА. Т. Яблонская.

ЧЕШСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Рисунки А. Брея.

Гонза и скупой кулак

Это случилось много лет назад, в те времена, когда твои родители были ещё меньше, чем ты, а Гонза был мальчишкой. Бедным людям жилось тогда так плохо, что они часто не могли даже прокормить своих детей... Однажды мать, горько плача, сказала Гонзе:

— Знаешь, сынок, придётся тебе уйти из дому и поискать себе работу у богатых людей. Если найдёшь счастье, смотри не забывай свою старую мать.

Сложила мать пару рубашек, завязала в узелок, и отправился Гонза в путь. Ходил он из одной деревни в другую, совсем из сил выбился, но никто его не нанимал. Наконец попал Гонза к богатому кулаку. А у кулака в доме полным-полно всякого добра. На второй день хозяин и говорит:

— Отрежь себе ломоть хлеба, Гонза, и ступай в лес за хворостом. Да смотри, чтобы вязанки были большие.

Взял Гонза нож и только собрался отрезать себе кусочек хлеба, как скупой хозяин закричал:

— Больно здоровый ты себе кусище прикинул!

Отобрал он у Гонзы нож, отрезал маленький ломтик хлеба, подал Гонзе и сказал:

— Ступай, а если хочешь быть сытым, положи ломоть в ручей: он там разбухнет.

Гонза ничего не ответил, пошёл в лес, съел хлеб, связал вязанку хвороста, положил её в ручей, потом погулял по лесу, поел ягод, а под вечер достал вязанку из родника и пошёл к хозяину.

Кулак вышел ему навстречу и спрашивает:

— Ну, сколько хворосту навязал? Поди, целую дюжину вязанок приготовил?

— Нет,— спокойно отвечает Гонза,— я связал всего одну вязанку, но зато её надолго хватит: целый день я её продержал в роднике по вашему совету...

Гонзе, конечно, пришлось в тот же миг убраться подобру-поздорову, но скупой кулак стал посмешищем всей округи.

Как Гонза вылечил ленивого Тонека

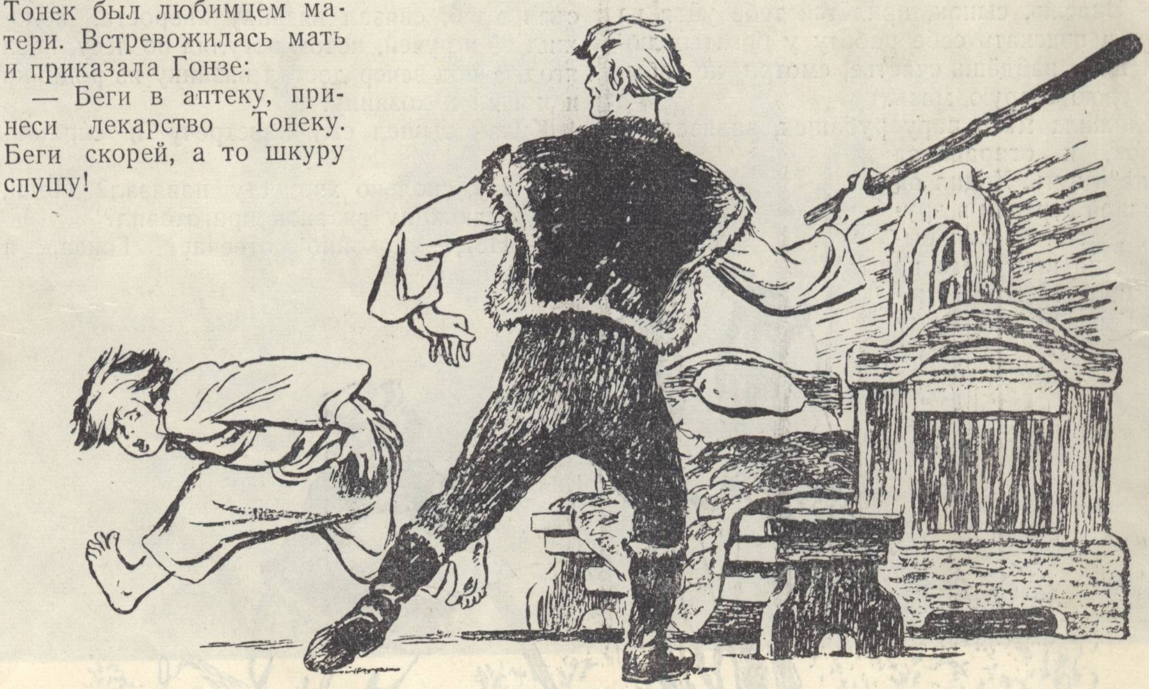
А вот ещё какая история случилась с нашим Гонзой. Нанялся он как-то в батраки к одной богатой женщине. А у неё было двое сыновей. Жили они припеваючи, а Гонзе приходилось работать и за себя и за них. Особенно ленив был младший сын — Тонек. Стоило матери поручить ему какую-либо работу, как он сейчас же прикидывался больным.

Однажды настала очередь Тонека идти в лес за хворостом. Он, конечно, немедленно прикинулся больным и начал хныкать:

— Ой, матушка, голова болит! Ой, матушка, живот болит!

А надо сказать, что Тонек был любимцем матери. Встревожилась мать и приказала Гонзе:

— Беги в аптеку, принеси лекарство Тонеку. Беги скорей, а то шкуру спущу!



Гонза по горькому опыту знал, какая у неё тяжёлая рука, и помчался что есть силы... Влетел в аптеку, хлопнул дверью и... разбил стекло.

Аптекарь так рассердился, что не мог даже слова вымолвить — вытаращил глаза на Гонзу. А тот вежливо поклонился и говорит:

— Добрый день, пан аптекарь, я пришёл за лекарством для Тонека, он заболел.

— Вот я тебе дам сейчас лекарство! — завопил аптекарь, схватил палку и принялся колотить Гонзу.— Вот тебе лекарство! Вот!

Другой парень, конечно, убежал бы. Но Гонзе не привыкать к колотушкам. А на этот раз он считал, что ему попало за дело: ведь стекло-то он выбил. Тем более что аптекарь был человек старый, рука у него была слабая, не то что у хозяйки. Из толстой куртки Гонзы лишь пыль летела во все стороны. А когда аптекарь наконец устал, Гонза опять вежливо поклонился и сказал:

— До свидания, пан аптекарь, насчёт стекла не беспокойтесь, я вам его вставлю.

— Давай скорее лекарство! — сердито закричала хозяйка, как только Гонза появился на пороге.

— Не знаю, как быть, пани,— ответил Гонза. — Может быть, от этого лекарства Тонеку ещё хуже будет.

— Не болтай! — закричала хозяйка.— Дай Тонеку то, что получил в аптеке.

Взял тут Гонза палку и несколько раз что есть силы двинул Тонека по спине.

— Что получил, то тебе и отдаю!

Тонек вскочил с постели и побежал в лес собирать хворост. А Гонза засмеялся:

— Видите, пани, Тонек выздоровел!

Сильный Гонза

Каждый знает, что Гонза был очень силён. Это и понятно. Если человек не боится никакой работы и совесть у него чиста, всё идёт ему на пользу: и чёрствый кусок хлеба, и долгие странствования, и даже ночёвка под открытым небом в любую погоду...

Случилось так, что как-то осенью Гонза бродил в поисках работы. Шёл он, шёл по дороге, да и завернул к богатому мужику спросить, не нужен ли ему батрак.

— Нужен,— ответил богатей.— Нужно мне обмолотить зерно, провеять его и снести на мельницу.

— А какова будет плата?

— Я батракам ничего не плачу,— объявил богач.— Ешь сколько влезет, а в придачу, когда кончишь работу, получишь муки, сколько за один раз унесёшь.

«Ладно,— подумал про себя Гонза,— я тебя проучу».

И нанялся к богачу молотить зерно.

Дал ему богач самый тяжёлый цеп.

Гонза помахал цепом над головой, засмеялся и говорит:

— Разве это цеп? Им хорошо мух отгонять, а не работать!

Взял он длинный шест, привязал к нему большую дубинку и начал обмолачивать снопы. Только пыль да солома полетели во все стороны. Не успел богач опомниться, как всё зерно оказалось обмолоченным.

— Давай мне скорее лопату,— сказал Гонза богатею. — Я буду веять!

Побежал богач в сарай, принёс самую большую лопату.

— Разве такой лопатой можно работать?—рассмеялся Гонза.—Этой лопатой тольдо детям играть!

Взял Гонза толстую жердь, пристроил к ней большой котёл и начал веять. Набрал одним разом половину зерна, высоко подкинул его в воздух — вся шелуха на ветру отлетела, а чистые зёрна посыпались на землю... Набрал вторую половину и... конец работе.

— А ну-ка, давай мешок! — закричал Гонза хозяину.— Я снесу зерно на мельницу.

Прибежал богач к жене за самым большим мешком и, заикаясь от страха, говорит ей:

— Если он так работает, как же он ест? Вари самый большой котёл супа, не то он нас прибьёт.

Принёс богач Гонзе мешок. А Гонза опять смеётся и говорит:

— Этаким мешочком я зерно до вечера на мельницу не перетаскаю. Из чего бы мне сделать мешок? — Поглядел кругом и заметил около амбара кусок брезента шириной во весь двор.— Вот из этого, пожалуй, выйдет подходящий мешок.

Смастерил Гонза из брезента огромный мешок, насыпал в него зерно, завязал узлом и потащил на мельницу.

Затрясся богатей от страха, когда увидел, сколько может унести Гонза. Прибежал к жене, чуть не плачет.

— Погибли мы! Разорит нас проклятый батрак! Скорее думай, что нам делать!

А в семье у них был такой порядок: богачиха думала, а богач из бедных людей все соки выжимал. Вот подумала жена, подумала и говорит:

— Когда батрак с мельницы вернётся, прикажи ему до обеда колодец вычистить. И подмигнула.

Богач так и не понял, почему она подмигнула, но побежал поскорее Гонзу встречать.

А тот уже возвращается, на плече пустой мешок несёт и песни распевает.

— Ну, как, хозяин, готов обед?

— Далеко до обеда. Ты ещё успеешь колодец мне почистить.

Не стал Гонза спорить и полез в колодец.

Как только Гонза полез в колодец, богачиха снова подмигнула мужу и показала на огромный камень, лежавший неподалёку от колодца. Еле подняли они этот камень и бросили в колодец на Гонзу. А Гонза поймал на лету камень, смеётся и кричит:

— Вот спасибо, что догадались, а то мне было мокро на дне стоять!

Положил Гонза камень на дно, встал на него и продолжал чистить колодец. А у богача со страху зуб на зуб не попадает.

— Думай, скорее думай, а то он нас разорит! — шепчет он жене.

Думала жена, думала и надумала. Пошла она с мужем, взяла двух сыновей, двух дочек, и приволокли они к колодцу старый колокол. Подняли его вшестером и бросили в колодец на Гонзу.

А Гонза из колодца смеётся:

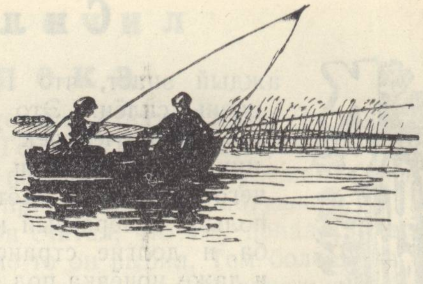
— Вот спасибо, хозяева, будет теперь и у меня шапочка! А то нигде не мог по своей голове купить...

Вычистил Гонза колодец и пришёл обедать. Съел один котёл супу, потребовал второй. Съел второй, потребовал третий. Съел третий и говорит:

— Ну, как будто слегка подзакусил, теперь, хозяин, отдавай мне должок...

Расстелил Гонза брезент во весь двор и начал сыпать туда муку. Опустел кулацкий амбар, а Гонза завязал брезент узелочком, взвалил на плечи и ушёл, посвистывая. А кулак от огорчения лишился языка. И теперь, когда кто-нибудь при нём вспоминает про Гонзу, он только мычит, как бык: «Му-у!»

Перевела и обработала
Л. Большинцова.



НАШ ПРУД

Георгий Ладонщиков

Пруд наш виден из окошка.
Он разлился по лугам.
Золотистые дорожки
Солнце стелет к берегам.

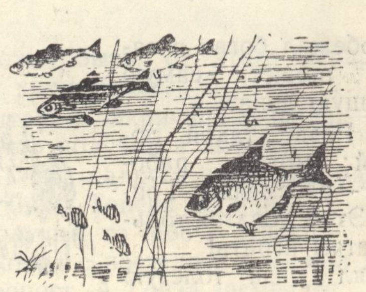
На воде не счесть кругов.
Раздаются всплески.
Карпы возле берегов
Рвут рыбачьи лески.

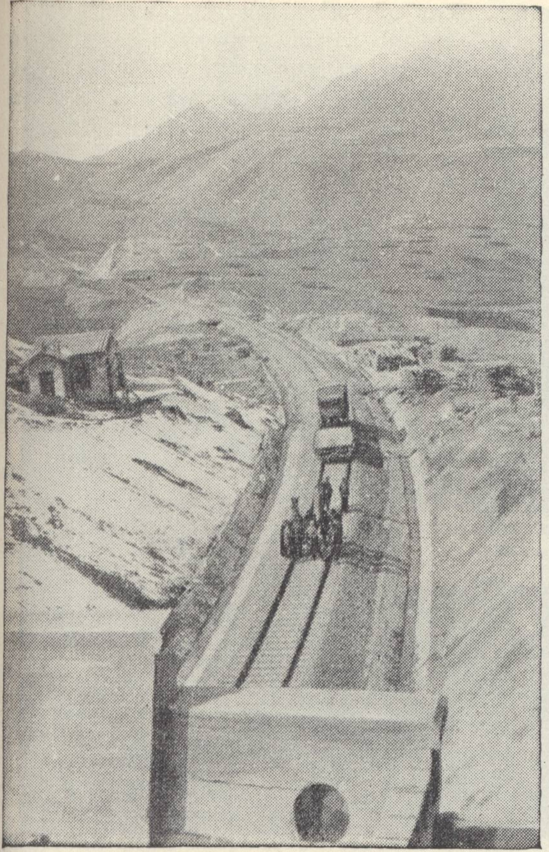
Тихо шарят под кустами
Щуки с острыми зубами,
Даже возле поплавков
Налетают на мальков.

Между сизых камышин
Резво шмыгают ерши.
А в затоне, где трава, —
Краснопёрки и плотва.

Под кувшинками, в тиши,
Где не очень мелко,
Ходят важные лещи
Шириной с тарелку.

Пруд — раздолье рыбакам.
Каждый лов — удача...
Приезжайте летом к нам,
Вместе порыбачим!





ДОРОГА ДРУЖБЫ

Г. Боровик. Фото Дм. Бальтерманца.

По склонам гор, пересекая стремительные потоки, через большие города и маленькие селения прокладываются стальные пути новой железной дороги.

Этой дороги ещё нет на карте. Она будет построена через несколько лет. Начинается дорога у китайского города Ланьчжоу. Она пройдёт через весь Северо-Западный Китай до советского города Алма-Аты.

На этих снимках показано строительство одного из наиболее трудных участков дороги.

Верхний снимок сделан на перевале Усяолин, на высоте 2 900 метров над уровнем моря. Чтобы подвести дорогу к этому перевалу, строителям пришлось взрывать горы, бурить скалы, засыпать 57 ущелий до 40 метров глубиной.

От перевала начинается спуск. Дорога извивается среди гор, пересекает множество рек, ущелий и, наконец, вырывается на необозримые просторы южной части пустыни Гоби — пустыни Алашань. Здесь, у городка Кулан, и сделан второй снимок.

Мощный подъёмный кран укладывает плиты моста. Сколько рек уже преодолели строители! Они возвели на построенном участке трассы несколько сот мостов. В среднем на каждый километр пути приходилось сооружать не меньше двух мостов, больших и маленьких.

Строительство дороги только ещё началось. Впереди — большой, трёхтысячекилометровый путь. Новая дорога свяжет ещё одной крепкой нитью две великие братские державы — Советский Союз и Китайскую Народную Республику.

Капитан «Тарту» Б. И. Данилевский (справа) и первый помощник капитана И. А. Фомин.

«Тарту» идёт на помощь

А. Хршановский **Рисунки О. Зотова.**

Норвежцы — хорошие моряки. Их страна вытянулась вдоль моря, и дети прибрежных городков и посёлков, едва научившись ходить, садятся в рыбачью лодку, привыкают к вёслам и парусу.

У маленькой Норвегии большой торговый флот. Суда принадлежат различным пароходным компаниям и обществам, которые готовы принять заказ на перевозку любого груза в любую часть света. Норвежские корабли так и называют: «морские извозчики»,— потому что они чаще всего возят груз не для своей страны, а для той, которая их наняла — зафрахтовала.

Многие норвежские моряки всю жизнь скитаются по чужим морям и лишь под старость, если смерть не застигнет их в море, возвращаются на родину.

«Морской извозчик» — танкер «Фольга» — разгрузился в голландском порту Роттердаме. Из его цистерн-отсеков выкачали бензин. Другого груза для танкера в Роттердаме не было, и, приняв на борт необходимое количество балластной воды, чтобы не слишком болтало на волне, «Фольга» 11 октября 1954 года вышла в Северное море.

Танкер — это судно для перевозки горючего: нефти, керосина, бензина, горючих масел. Его строят по-особому. Нос и середину корабля занимают изолированные друг от друга глубокие металлические цистерны — танки. Машинное отделение, служебные помещения, каюты для судовых офицеров и кубрики для матросов находятся на корме. Лишь надстройка капитанского мостика вынесена немного вперёд, к середине корабля. Мощные противопожарные средства и огнетушители расположены в любом уголке судна. Ведь танкер всегда находится под угрозой пожара.

А если в танках нет горючего и они наполнены лишь парами нефти и бензина, к этой угрозе прибавляется другая страшная опасность — опасность взрыва.

«Фольга» шла с пустыми танками, и команда была настроена мрачно.

Внешне, правда, это ни в чём не проявлялось. Лишь капитан «Фольги» Педер Тфейтнес, неразговорчивый высокий человек, был ещё молчаливее, чем всегда, да меньше разговоров велось в кубрике среди свободных от вахты матросов. А в остальном всё шло, как обычно. Не такая уж это новость — «морскому извозчику» плестись порожняком. Нет фрахта, что поделаешь!

Старый боцман, знавший чуть ли не все порты мира и ходивший чуть ли не на сотне кораблей, сказал:

— Святая Бригитта, сохрани нас. Катимся на бочке с порохом. Искры не хватает — взлетим прямо в ад, к чертям на закуску.

Педер Тфейтнес промолчал. Да и что было говорить? Старик прав.

Боцман неторопливо двинулся по левому борту к корме. Потом он подошёл к поручням и, перегнувшись, стал что-то разглядывать в воде.

Пузатая мина с рожками-взрывателями, похожая на «морского чёртика», прошла вдоль левого борта и, может быть, осталась бы позади, но водоворот от винтов затянул её под «Фольгу».

Столб пламени взвился над кормой. Взрывом сорвало стальную обшивку. Воздушная волна с треском выломала ближние переборки, и огонь побежал по коридору к машинному отделению, словно обрадовавшись, что ему дали пищу. «Фольгу» встряхнуло так, что многие попадали с ног. Зазвенел сигнал пожарной тревоги. Кто-то звал боцмана, кто-то сыпал проклятия, а большинство бросилось к спасательным поясам. Все понимали, что такое пожар на пустом танкере.

Прежде чем успели привести в действие пожарные помпы, по запасному трапу на палубу выскочили машинисты. Огонь прорвался к машине. В открытые над машинной шахтой люки — капы — вырывался густой чёрный дым.

Радист «Фольги» поднял сигнал бедствия «SOS».

Вблизи оказались голландский буксир «Эбро», бельгийский траулер «Меркатор» и немецкий пароход «Роберт Мари».

«Меркатор» и «Эбро» первыми подошли к горящей «Фольге». Вскоре подвалили «Роберт Мари» и ещё два «купца». Корабли окружили «Фольгу» и застыли на приличном расстоянии, покачиваясь на волне.

Нет, спасать «Фольгу» они не будут. Риск не оправдывается возможностью достаточно хорошо заработать. А потушить пожар без посторонней помощи было уже невозможно... Педер Тфейтнес понимал это. Он приказал спустить шлюпки. Все бросились к борту. Шлюпки спустили мгновенно.

Осенью Северное море особенно неприветливо. Правда, во второй половине дня выглянуло солнце, но светило оно холодно, неярко. Засвежело. Западный ветер развёл встречную волну. Брызги стали залетать на бак, и мокрая палуба засверкала на солнце.

«Тарту» немолод. Десятки лет бороздит он моря, развозит по портам всякие грузы и лишь к зиме возвращается в родной порт отдохнуть месяц — другой. В эту навигацию «Тарту» идёт в свой двадцать седьмой рейс, но он так же чист и свеж, каким весной выходил в первое плавание. Всё, что можно драить, надраено, всё, что можно красить, покрашено.

Старая машина работает исправно и надёжно, как работает пожилой, опытный мастер. Уж делать — так делать!

Команда на судне — молодёжь. Вот кочегар Виктор Бамбан — ему девятнадцать лет. Немногим старше другой кочегар, Женя Жданов, машинист Александр Пихтин, кок Виктор Сентюрин, матрос первого класса Борис Соболев, третий механик Александр Пеетсалу и другие.

Капитану Баярду Иосифовичу Данилевскому двадцать семь лет. Он по положению считается «стариком», хотя только в июне ему вручён диплом капитана, и «Тарту» — первый корабль, которым он самостоятельно управляет.

Ветер усиливается и доходит до трёх, а потом до четырёх баллов, на гребнях волн появляются барашки. С мостика сквозь широкое смотровое стекло видны небо с разорванными облаками, освещёнными спускающимся к горизонту солнцем, да море.

Время от времени откидывается клапан разговорной трубы. Из машинного отделения докладывают об оборотах. «Тарту» деловито и не спеша взбирается носом на волну, соскальзывает вниз, и опять бак поднимается кверху, зато оседает корма. А кажется, что качается горизонт.

Кок Сентюрин в белом колпаке появляется на палубе и выплёскивает что-то из ка-

стрюли за борт. Чайки, которые провожают «Тарту» от Қиля, стремительно снижаются на воду.

Мимо Сентюрина поспешно проходит к радиорубке капитан. Сентюрин посмотрел ему вслед. Что-то случилось? Что?..

Начальник судовой рации Людмила Ивановна Перминова приняла радиограмму с горящей «Фольги».

Когда капитан открыл дверь в радиорубку, Людмила Ивановна одной рукой прижимала к столу блокнот и одновременно вращала рукоятку настройки, другой — держала карандаш.

В эфире переговаривалось уже около десятка пароходов. И чем больше вслушивалась Людмила Ивановна в эти переговоры, тем удивлённее становилось её лицо.

«Меркатор» предупреждает,— писала она,— «Танкер может взорваться». «Роберт Мари» радирует: «Фольга» должна взорваться». «Эбро» предупреждает: «Тушить нет смысла...» Она подняла на секунду голову и вопросительно взглянула на капитана.

— Предупреждают...

— Вижу... Запросите «Фольгу». Уточните координаты. Я буду на мостике.

Баярд Иосифович ушёл, и, пока к нему вызывали командный состав, новость уже разлетелась по всему судну. На «Тарту» волновались:

— Что решит капитан?

А капитану первый раз в жизни приходилось принимать такое ответственное решение. Имеет ли он право рисковать людьми, кораблём? Ведь есть суда, которые находятся гораздо ближе к «Фольге», чем «Тарту». Но они откровенно трусят. И мы струсим?..

Когда все собрались, капитан сухим голосом зачитал радиограмму с «Фольги», предупреждения с иностранных пароходов и добавил:

— Есть опасность получить повреждение, если танкер взорвётся. Тушить его надо вплотную, придётся швартоваться. Иначе ничего не сделаешь. Ваше мнение? — спросил он у первого помощника.

— Танкер тушить — дело опасное.— Фомин развёл руками.— Но ведь горит... Что же тут думать, Баярд Иосифович? Люди... Корабль...

Старший механик Викентий Ксаверьевич Блюменфельд, самый старый моряк на «Тарту», наклонил голову. Он согласен с Фоминым.

— А сколько узлов вы сможете выжать? — спросил его капитан.

— Узлов двенадцать.

— Против ветра?

— Против ветра.

— Действуйте!

— Есть!

«Тарту» преобразился. Небольшой старый корабль вспарывал волны форштевнем, отваливая на сторону белую пену. На палубе сквозь свист ветра слышалось напряжённое дрожание корпуса. Всё вибрировало. Машина работала на сверхпредельных оборотах. Флаг на корме вытянулся в струнку.

— Ловко шуруют ваши кочегары,— сказал Сентюрин Жене Жданову.— Чисто крейсер! Будто в бой идём.

— На помощь...— ответил Жданов.— А ты шевелись!

— Я что, стою? — обиделся Сентюрин.

Они выносили на палубу маты и пожарный инвентарь.

Иван Александрович Фомин собрал свободных от вахты кочегаров, машиниста Пихтина и третьего механика Пеетсалу. Всего было семь человек.

— Вы все с огнём управляться умеете. Короли, я считаю, над огнём. Пойдёте со мной на «Фольгу»?

— Есть идти на «Фольгу»!

Сентюрин вместе с буфетчиком Смирновым, дневальным Дороховым, кочегарами Бамбаном и Поляковым и матросами Новиковым, Соболевым, Иссидоровым попали в команду старшего механика. Эта команда будет тушить «Фольгу» с борта «Тарту».

На палубе по левому борту дополнительно присоединили запасные шланги.

— Дым на горизонте. Прямо по курсу! — закричал наблюдающий.

Все на минуту остановились, вглядываясь. Клубы зловещего чёрного дыма тянулись по красному от заката небу, как траурная лента.

— Подходим,— сказал кто-то, и сразу без всякой команды все задвигались быстрее.

Палубу, трюмы, деревянные надстройки и брезенты, укрывающие трубные люки, окатили водой. Шлюпки расчехлили, задраили двери, иллюминаторы, капы машины. «Тарту» изготовился.

За три часа против ветра и течения он прошёл тридцать шесть миль и подходил к «Фольге».

Багряное солнце быстро садилось в море. Красный холодный свет скользил по гребням волн. В глубине море было уже чёрным, ночным. Темнело. Ветер усилился. Волны стали злее.

«Фольгу» ярко освещало полыхающее на корме изогнутое по ветру пламя. Горели жи-

«Фольгу» ярко освещало изогнутое по ветру пламя.

лые надстройки. Чёрные недвижные силуэты окружающих танкер пароходов вырисовывались на фоне светлой полосы неба.

Перминова не успевала записывать всё новые и новые радиограммы. Опять предупреждали: «Танкер тушить бесполезно. С минуты на минуту он взорвётся».

Доложили капитану. Данилевский молчал. На «Роберте Мари» и «Меркаторе» вспыхнули мелькающие световые точки.

— Что они пишут? — спросил Фомин. Он в недавнем прошлом был паровозным машинистом, всего год назад перешёл на флот и световую сигнализацию, передаваемую так быстро, разбирал с трудом.

— То же самое,— ответил капитан.

— Надо отвечать?

— Подождём. Мне сдаётся, они перестраховываются. И нас хотят отговорить. Вот подойдём ближе, посмотрим.

Данилевский был прав. «Фольга» стояла правым бортом к ветру, и пламя относило не к танкам и мостику, а в море, на восток. Ещё была надежда. Правда, огонь двигался и внутри. Но там он полз медленнее. Ведь на танкере огнеустойчивые переборки.

Капитан вызвал рацию:

— Передайте: идём тушить...

До «Фольги» оставалось десять — двенадцать кабельтовых [1], когда с «Меркатора» спустили шлюпку, и она, взлетая на гребнях, пошла к танкеру. Это Педер Тфейтнес с девятью матросами, узнав, что «Тарту» идёт спасать «Фольгу», возвращался на своё судно.

«Тарту» сбавил ход и, развернувшись, медленно подходил к наветренному борту «Фольги».

Команды Блюменфельда и Фомина застыли на палубе. Сосредоточенные молодые лица освещало пламя пожара. Стало жарко. Огненные блики плясали на волнах. Слышны были треск лопающихся переборок, шипение горящей краски, гудение огня и ветра. Шлюпка с норвежцами подошла к танкеру, и с «Тарту» видели, как они один за другим поднялись по верёвочному трапу на нос «Фольги».

— Эй, на «Фольге»! — крикнул в мегафон капитан.— Принимай концы!

С бака на танкер подали три конца, и два приняли с «Фольги». С кормы не швартовались. Нельзя. Изменится ветер, и тогда огонь переметнётся на «Тарту».

Перебросили трап. Фомин первым прыгнул на палубу «Фольги».

— Мартынов!

— Я!

— Бегом...

Мартынов бежит по качающемуся трапу и тянет за собой разматывающийся шланг.

— Смирнов!

[1] Около двух километров.

— Есть!

— Беляков! Жданов! Пеетсалу! Пихтин!

Норвежцы в спасательных жилетах толпятся на баке. А мимо них пробегает по трапу команда Фомина. Тащат маты, огнетушители, песок, шланги.

— Первая задача,— кричит Фомин,— сбить пламя...— Ветер комкает его слова и относит в сторону.— ...жилых надстройках. Вторая... машинное отделение... Не пускать... танкам!.. Соседа видеть. Помогать... Действовать... обстановке! Ясно?

— Ясно! Есть!

— Вперёд!

От группы норвежцев отделяется высокий человек в зюйдвестке. Он что-то объясняет Фомину, потом тянет его за рукав, и они вместе бегут по левому борту «Фольги» к корме, в пламя. За ними в ватниках, смоченных водой, с лицами, замотанными мокрыми полотенцами, в рукавицах бегут Пеетсалу и Беляков, Пихтин и Смирнов — советские моряки!

С «Тарту» уже бьют мощные струи воды. Их направляют туда, где должны быть ребята из команды Фомина.

Первое время кажется, что огонь вспыхивает сильнее. Мириады искр летят в воздух. Клубы пара окутывают «Фольгу». Резкие чёрные тени, чередуясь с огненными отсветами, мечутся по палубе «Тарту», по воде. Временами из огня и дыма выскакивает чёрная фигура. Кто это, не разобрать. Фигура делает руками какие-то знаки, будто моется под душем. Её понимают. Бамбан поливает её водой из шланга.

«Это Сашка Пихтин»,— угадывает он.

Нестерпимая жара жжёт руки, лицо. У Фомина и всей его команды тлеет одежда. Глазам больно смотреть на огонь, приходится закрывать их рукой, как от солнца. Горят подошвы ног, палуба раскалена. Тогда подстилают маты и двигаются дальше. И лишь когда уже совсем нечем становится дышать, кто-нибудь выбегает из дыма, делает два — три глубоких вдоха и опять возвращается к шлангу. Вода, смешанная с копотью, стекает по когда-то белым стенам жилых надстроек и превращается в пар. Но сверху пламя уже сбито. Огонь отступил внутрь. Теперь можно бить водой в иллюминаторы.

Над горящей «Фольгой» в чистом небе поднялась яркая луна. Молча качаются на серебряной дорожке силуэты иностранных кораблей.

Волны мотают «Фольгу» и «Тарту». Соединённые носы их вздымаются не в такт, и от этого с треском лопаются стальные швартовы.

Матросы Новиков и Соболев с помощью норвежцев крепят новые концы. Иссидоров и Сентюрин заводят между бортами кранцевые брёвна и доски. Их приходится часто менять. Давит в щепки.

И вдруг между капитанским мостиком и жилыми надстройками «Фольги» взрывается танк. Фиолетово-синее пламя бензиновых газов с грохотом рванулось кверху. Кусок какого-то металла, деревяшки, мусор взлетели над танкером и дождём посыпались вниз.

— Укройсь!— кричит Фомин.— Все целы?

— Все целы? — крикнул ещё кто-то.

— Це-лы...

У танка вышибло люк. Это было хорошо, потому что если бы разорвало стенку, взорвало бы второй — соседний танк... Туда, в развороченный танк, сразу направили воду. Шипя, она кипит на раскалённом металле.

Фиолетово-синее пламя бензиновых газов с грохотом рванулось кверху.

На палубе огонь был сбит, но пламя ещё бушевало внутри.

Фомин пробивался к левому борту — основному очагу пожара. Огонь отступал.

«Скажи, пожалуйста! — думал Фомин, поглядывая на своих «королей огня».— Как будто эта молодёжь только и делала раньше, что танкеры тушила! Молодцы!»

На палубе огонь был сбит, но пламя ещё бушевало внутри. В зияющие капы машинного отделения направили воду сразу из нескольких шлангов. Оттуда вырвался такой столб горячего пара, что пришлось отойти.

Пар закупорил капы. Огню не хватало воздуха, он стал задыхаться, по временам всё-таки прорываясь, и тогда пар становился молочно-розовым... С борта «Тарту» струи направили навесом, стараясь попасть в люки, в дыры на палубе. Но это было трудно.

Сквозь дым и пар на корме «Фольги» вдруг появлялись фигуры людей из команды Фомина и снова исчезали. Кое-кто из них уже спускался по обгорелым трапам вниз добивать огонь в машинном отделении.

Через три с половиной часа после того, как «Тарту» пришвартовался к горящему танкеру, в ноль часов десять минут 12 октября, и это было зафиксировано в судовом журнале, на палубе «Фольги» откуда-то снизу появился Саша Пихтин.

— Эй, на «Тарту»! — хрипло закричал он.— Наша взяла!

Одежда на нём висела лохмотьями и дымилась. Пихтина «потушили».

По одному на палубу вылезли вся фоминская команда и сам Фомин. Волоча за собой пустые шланги, подбирая уцелевшие маты и другое пожарное имущество, принадлежащее «Тарту», они возвращались на свой корабль.

К «Фольге» подошёл «Эбро». В свете прожекторов было хорошо видно, что на палубе буксира толпились люди, что-то кричали и размахивали руками. А в стороне какой-то человек пристроился у поручней с киноаппаратом.

— Женька,— сказал Жданову Пихтин,— сделай приятное лицо... Не видишь, снимают!

— Так я ж на чёрта похож!

— Неважно. Ты всё равно красивый!

«Эбро» взял «Фольгу» на буксир и медленно, как больного, повёл в Роттердам. «Тарту» шёл рядом наготове. Пожар мог разгореться снова. На «Тарту» скатывали палубу, делали предварительную уборку. Генеральную отложили. Капитан приказал:

— Команде, кроме вахты, отдыхать.

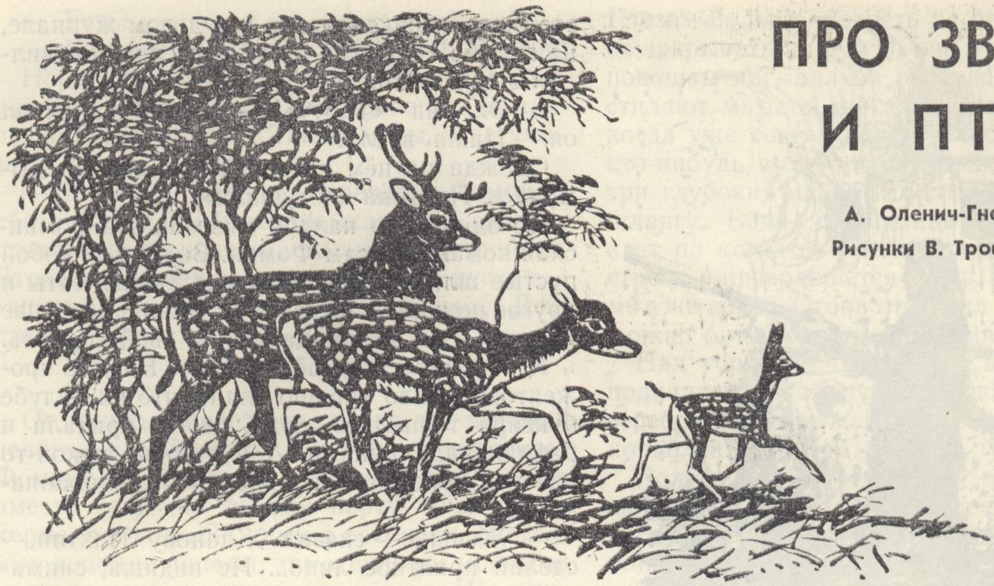
Утром в виду Роттердама «Тарту» взял курс на Антверпен — порт назначения. На палубе обгорелой, жалкой «Фольги» стояли норвежцы и махали руками. «Тарту» дал прощальный гудок.

* * *

В этом рассказе нет вымысла. Фамилии действующих лиц и названия пароходов истинные.

Центральный Комитет ВЛКСМ наградил членов команды «Тарту» почётными грамотами.

Министр морского флота СССР в приказе № 53 от 19 октября 1954 года наградил пароход «Тарту» похвальной грамотой, а команду — значками «Почётному работнику морского флота» и премировал отличившихся при тушении пожара на «Фольге» денежными премиями. Норвежское правительство 10 января 1955 года передало благодарность капитану и команде «Тарту» через своего посла в Москве господина Э. Бродланда.



ПРО ЗВЕРЕЙ И ПТИЦ

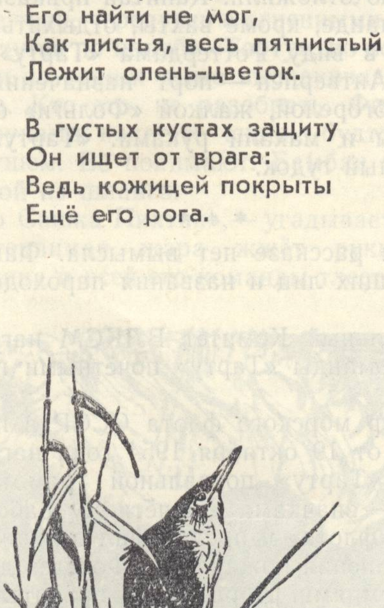
А. Оленич-Гнененко

Рисунки В. Трофимова.

ПЯТНИСТЫЙ ОЛЕНЬ

Чтоб тигр в траве и листьях
Его найти не мог,
Как листья, весь пятнистый
Лежит олень-цветок.

В густых кустах защиту
Он ищет от врага:
Ведь кожицей покрыты
Ещё его рога.



ВЫПЬ

В воду острый клюв опустит,
Проколов сухой тростник,
И ревёт весною густо
В камышах она, как бык.

Замолчать она не хочет
И, гнездясь среди болот,
От зари до самой ночи
Всё гудит и всё ревёт.

Рассмотреть её поближе
Даже лисы не смогли б:
Только шаг — и неподвижной
Ржавой кочкой станет выпь.

ВОЛКИ

Тучи в небе плывут,
Друг за другом идут
Волки серые.
Не рычат, не ворчат,
Всю дорогу молчат,
Степи меряют.

Отдохнуть им нельзя.
Словно тени, скользят
Волки старые.
Лишь погаснут огни,
Так и рыщут они
За отарами.

ФИЛИН

С большой кошачьей головой,
На ветке ели он часами
Сидит, недвижный и слепой,
Вращая жёлтыми глазами.

Но воздух полнится кругом
Вечерним сумраком белесым,—
Махая призрачным крылом,
Летит бесшумно он над лесом.

Его глаза, как фонари,
Горят, далёко ночь пронзая.
Дрожат до утренней зари
И мышь летучая и заяц.

БАРСУК

В лесу овраг песчаный,
И в нём нора видна,
Прикрытая бурьяном,
Безмолвна и черна.

Всё ярче светят звёзды
В вечерней синей мгле.
В траве он ищет гнёзда
И роется в земле.

Под вечер из пещеры
(Не хрустнет прелый сук)
Выходит тенью серой
В затихший лес барсук.

Всю ночь неторопливо
Он бродит и к утру
Бесшумно и лениво
Скрывается в нору.

В ДОЛИНЕ ГЕЙЗЕРОВ

В. Давыдов

Рисунки автора.

У БЕРЕГОВ КАМЧАТКИ

Шторм усиливается. «Кальмар» — двухмоторная шхуна с большой остойчивостью, и всё же нас так и бросает из стороны в сторону. Высокие волны с плеском и шипением лижут деревянные борта, холодными потоками перекатываются через палубу... К берегу не подойти. Капитан приказывает держать курс в открытый океан, и из наших глаз снова исчезают появившиеся было мутные очертания гористого берега Камчатки.

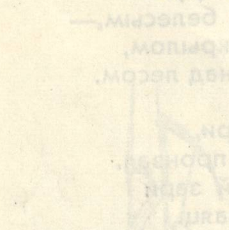
А к этому берегу устремлены сейчас все наши помыслы. Отсюда начнётся наш поход в Долину гейзеров. Мы, четверо художников, совершили уже немалое путешествие. За нашими плечами лежит путь в двадцать тысяч километров. Мы пересекли Японское и Охотское моря, побывали на Чукотке. С чукчами-китоловами выходили в море на охоту... Всюду мы делали зарисовки, наблюдали природу и жизнь людей. Впечатлений у нас множество, но впереди ещё самое интересное — гейзеры.

— В Долину гейзеров вам вряд ли удастся добраться. Путь туда очень труден,— говорили работники нового Музея землеведения в Университете на Ленинских горах, где нам поручили написать картину «Гейзеры Камчатки».— Да это и не обязательно. Камчатскую природу вы напишете с натуры, а гейзеры можно изобразить и по фотографиям.

Но мы решили во что бы то ни стало побывать в этой долине. Ведь чего сам не увидишь, того и не нарисуешь хорошо.

И вот мы совсем близко от цели, а она снова отдаляется от нас... Уже четвёртые сутки как мы вышли из Авачинской бухты, а шторм всё не даёт подойти к берегу...

МЕДВЕЖЬИ СЛЕДЫ



Наконец мы на камчатском берегу и любуемся строгой его красотой. Вдоль всего побережья протянулась горная гряда, высоко в небо уходят острые белые вершины вулканов... Камчатку недаром называют горой вулканов. Девятнадцать действующих вулканов на этом полуострове. В труднодоступных северо-западных отрогах одного из них, Кихпиныча, находится Долина гейзеров, куда нам надо пробраться...

Четыре дня мы провели в посёлке рыболовецкого комбината — готовились к походу, договорились с проводником, достали лошадей. Их было три: крепкий, ладный Васька, одноглазый Косой, он же, как ни странно, Красавчик, и прелестная белая Находка.

У Находки интересная история. Зимой лесничий увидел в овраге белое животное, весьма отдалённо напоминавшее лошадь. Оно было до того худо, что рёбра выпирали, морда распухла, глаза гноились... Из оврага лошадь пришлось тащить на санях, так она ослабла. Тут вспомнили, что в прошлом году проходившая экспедиция потеряла лошадку Чайку. Это она и была. Чайку привели на комбинат, откормили, выходили и теперь называют Находкой...

Сборы отнимали столько времени, что мы едва успевали рисовать. А всё кругом так и просилось на полотно. В зелени буйной камчатской растительности уже проступали первые краски осени. Синели на кустах продолговатые, точно подёрнутые изморозью ягоды жимолости, огненные гроздья рябины тяжело свисали с ветвей. В лесу под деревьями пестрели коврики голубики, брусники, «шикши» — водяники... Но и лето ещё не ушло: на лугах и в перелесках попадались кое-где удивительные по своей красоте тёмнопурпуровые сараны — камчатские лилии, лиловые астры, орхидеи...

Мы бродили по окрестностям посёлка, не зная, чему больше дивиться: богатству и разнообразию растений или же обилию птиц и животных. Зайцев и белок мы не раз встречали и сами, а ребята из посёлка рассказывали нам, что в кедровнике живёт соболь, в зарослях ольшаника укрываются лисы, росомахи, бродит камчатский медведь, лакомка и рыболов.

...Лошади подкованы, всё готово. Мы разделились на две группы. Серафим Фролов с проводником поедут на лошадях, а Юрий Фролов, Иван Рыбачук и я — морем на катере. Встреча назначена в устье реки Шумной, в которую впадает Гейзерная.

Мне хорошо памятно это ясное, прозрачное утро. На берегу, прощаясь, машут нам руками рыбаки, начальник погранотряда, ребята... Наш катер идёт на значительном расстоянии от берега, но воздух так чист, что кажется, будто ослепительно белые конусы и пирамиды вулканов совсем рядом. Особенно красивы и величественны вулканы Кроноцкий и Карымский. Они точно вылиты из сверкающего льда.

С гор сбегает множество бурных речек. То тут, то там блещут на солнце брызги водопадов, сверкает снег на склонах, искрится океан... До чего красива Камчатка!

...Приближается место нашей высадки. Катеру к берегу не подойти, приходится плыть на лодке. Вокруг бушуют огромные валы... Внезапно нашу лодку возносит на гребень гигантской волны, другая волна откатывается назад, и мы повисаем над обнажившимся дном... Секунда — и нас стремительно несёт вперёд. Спрыгнув в воду, мы с трудом удерживаем лодку. К счастью, всё обходится благополучно, только в этюдники набралась вода, и, когда мы вытаскиваем их на берег, из них течёт, как из лейки.

Тихий, пустынный берег лежит перед нами. О полной его безлюдности говорит чистота песка и груды плавника, выбеленного солнцем. Никто, видимо, не прикасается к нему, хотя плавник — великолепное топливо. На песке вдоль линии прибоя проложены круглые следы. Вглядевшись, мы без труда убеждаемся, что это отпечатки медвежьих лап. Следы ещё не успели просохнуть: как видно, совсем недавно по этому пустынному берегу прогуливался и, возможно, ловил лапой рыбу бурый камчатский медведь.

МЫ РОБИНЗОНЫ

Раскинув палатку в пустынной долине реки Шумной, мы почувствовали себя робинзонами на необитаемом острове.

Солнце давно перевалило за полдень. Есть хотелось зверски. Но к чему тратить запасы, когда вокруг «естественные ресурсы» — пища, которую щедро предлагает нам камчатская природа?

Вода у берегов так и кишела рыбой. Летом, устремляясь в верховья реки, к местам метания икры, рыбы из породы лососевых некоторое время проводят в устье рек, привыкая к пресной воде... Рыбаки рассказывали нам, что рыбы иной раз бывает так много, что трудно грести: вёсла не погружаются в воду. Теперь мы убедились, что это правда.

Иван первый поймал горбушу прямо руками. Мне подумалось, что на перекате ловля будет ещё удачнее. Я пошёл вверх по течению и спустился к реке. Плавники горбуш торчали из воды. Казалось, просто протягивай руки и тащи. Однако и такой способ рыбной ловли, как видно, требует сноровки. Мне удалось поймать только двух рыб. Но я был доволен и с торжеством притащил их к костру.

Что может быть лучше обеда у весёлого костра на берегу реки? Поев горячей ухи и запив её вкусным чаем с подрумяненными сухарями, мы размечтались, какая чудесная жизнь ожидает нас в этом изобильном краю, где рыба сама плывёт в руки. Весь наш дальнейший поход представился нам сплошным праздником... Теперь я не могу вспомнить об этом без улыбки.

Пока мы отдыхали, небо затянулось облаками тепловато-серых тонов, река потемнела, океан лежал серо-зелёный, без блеска. На горизонте, за каменистым мысом, светилась узкая золотистая щель, и мыс казался почти чёрным... Страстно захотелось написать всё это. Мы сели за этюды — наброски с натуры.

Работали не отрываясь. Стемнело. Ровно рокотал океан. Из-за шума волн мы не сразу расслышали протяжное:

— Эге-ге-ге-ге!

Неужели это уже Серафим с проводником?

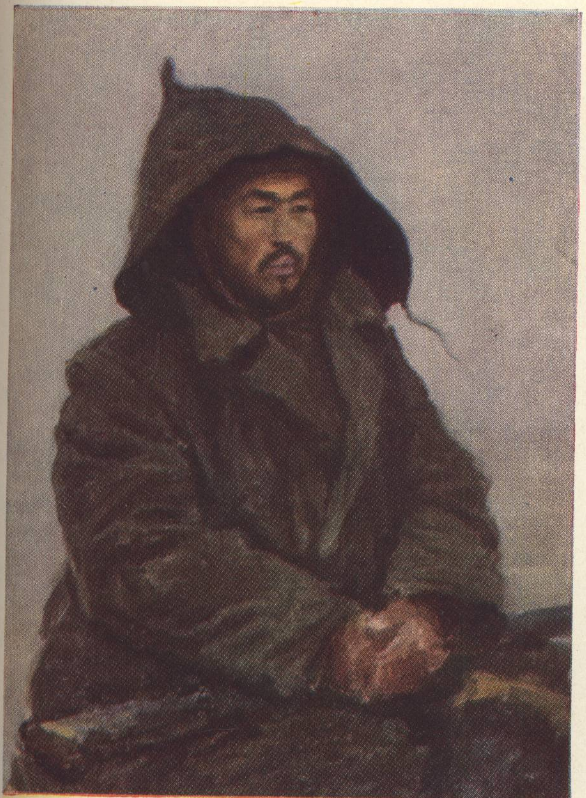
— Где-е-е перепра-а-ва? — слабо донеслось с того берега реки.

И тут мы со смущением подумали, что, увлечённые работой, совсем забыли засветло поискать место для переправы. Конечно, мы не ожидали, что товарищи так быстро проделают трудный путь, но всё же это было непростительным легкомыслием...

Вооружившись шестом, я вошёл в реку. Кое-как сообща мы нащупали брод. Всадники въехали в воду и через несколько минут были на нашем берегу.

Вскоре выяснилось, что мы совершили ещё несколько промахов. Мы не нарубили дров, не сварили ужина. Оказалось, что и место для лагеря выбрано неудачно: конечно, оно живописное, но кругом мало травы... Спутывая ноги лошадям и пуская их пастись, Фёдорыч, наш проводник, ворчал на нас, но мы тогда решили, что это просто пустая придирка.

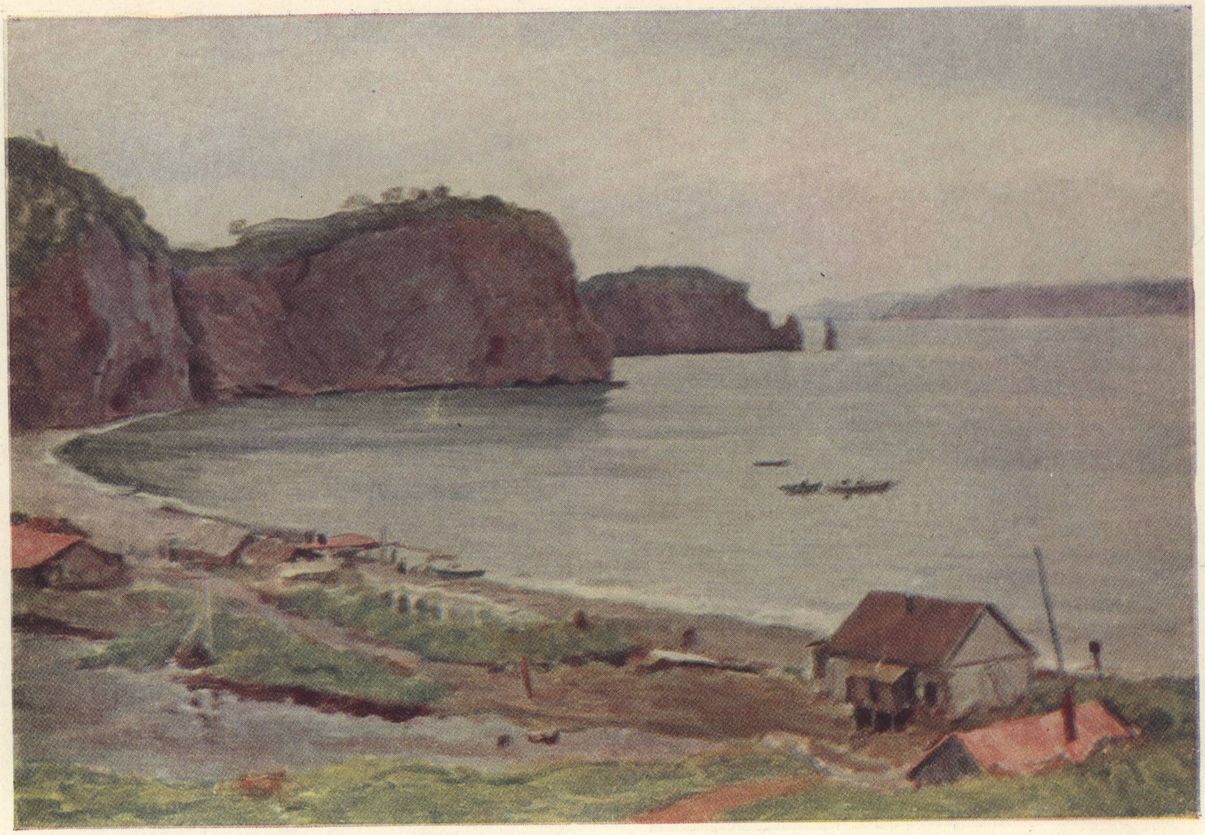
...Ночью я проснулся от холода. Пламя костра просвечивало сквозь стенки палатки, озаряя всё внутри красноватым светом. Я вышел, примостился к огню. Вокруг было удивительно тихо. К солёному запаху океана примешивался дым костра, тихо рокотали волны, шуршала листва деревьев... Я сидел и думал о том, как нужно художнику хоть время от



На этих двух страницах картины художника В. Давыдова, автора рассказа о Долине гейзеров.

До поездки на Камчатку Давыдов побывал на Чукотском полуострове. Там он познакомился со многими интересными людьми и написал портреты некоторых охотников и рыболовов. Здесь помещены портрет бригадира охотничьей бригады тов. Ринтуги и портрет Пети, одного из самых юных охотников колхоза имени Ленина.

На картине внизу вы видите, как колхозники поселка Лорино тянут к берегу тушу убитого кита.



Камчатка. Бухта Авачинская. Отсюда началось путешествие художников в Долину гейзеров.

Долина гейзеров, окутанная облаками горячего пара, открылась взорам путешественников.

времени оставаться наедине с природой. И вдруг в голове у меня мелькнуло: почему же это не слышно хруста стеблей и тяжёлого топота стреноженных лошадей? Где они?

Я бросился на розыски. Побежал в лес, к перекату реки: лошадей не было нигде. Вдруг до слуха донёсся цокот копыт и плеск воды. На реке замаячили тёмные силуэты и исчезли на том берегу. Ушли!.. А ведь без лошадей нам не добраться к гейзерам!.. Я разбудил товарищей, и мы пустились в погоню за беглецами. Лошади явно не хотели возвращаться. Особенно артачился Васька. Видно, уж очень не по вкусу пришёлся ему лагерь, где бестолковые хозяева больше думают о красотах природы, чем об усталых лошадях...

С этой ночи мы стали внимательней к «мелочам жизни».

В ДОЛИНУ ГЕЙЗЕРОВ

Наутро мы пустились в путь, медленно забираясь всё выше и выше. С трудом продирались мы сквозь сплошные заросли. Над нашими головами шелестела гигантская трава — шаломайник. Трава эта растёт буквально не по дням, а по часам: десять сантиметров в сутки. Под её широкими листьями может проехать всадник.

Но трудней всего было продираться сквозь заросли ольшаника и кедрача. Человек в них, как муха в густой паутине...

Мы нигде не обнаружили тропы, проложенной экспедицией, проходившей до нас к гейзерам... Пришлось пробиваться самим, то и дело пуская в ход топор.

Изредка на коротких привалах мы пытались зарисовать, хоть наспех, то листья шаломайника, то причудливые очертания каменной берёзы. А потом снова принимались рубить кустарник, пролагая путь для навьюченных лошадей. Руки болели, пот лил с нас градом...

К вечеру второго дня мы выбрались в зону высокогорной тундры. Заросли кончились. Ещё несколько километров пути по ущельям, заваленным камнями, а местами прошлогодним слежавшимся снегом,— и мы у края обрыва.

Нашим взорам открылся огромный котлован с мрачными, почти отвесными стенами. Внизу плыли облака, а в просветах между ними вздымались клубы белого дыма. Мы догадались, что это струи пара, поднимающиеся из земли,— фумаролы. Вот она у наших ног, Долина гейзеров, к которой мы стремились!

Первый спуск — метров четыреста — мы взяли с хода. Лошадей пришлось развьючить, но они всё-таки останавливались после каждого шага, в страхе косясь на обрыв. Мы вели лошадей под уздцы, тащили на себе весь груз и думали только об одном: неужели мы сегодня увидим гейзеры, которые до нас видели только двадцать человек?

Но спуск всё же пришлось прервать: стемнело. К тому же начался дождь; он всё усиливался и постепенно превратился в страшный ливень. Опечаленные, помрачневшие, мы разбили палатку...

НА РАЗВЕДКУ

Наступило утро, дождь попрежнему лил, не переставая. Спускаться с лошадьми было невозможно, но не сидеть же в бездействии так близко от цели! И вот мы втроём решили отправиться вниз на разведку.

Осторожно спускались мы друг за другом по отвесным склонам... Шумел дождь, гудел ветер, но все эти звуки пересиливал странный гул, он слышался откуда-то снизу и походил на шум водопада... Держась за ветки кустарников, мы медленно подвигались вниз, мокрые до нитки.

— Поглядите! — вскрикнул идущий впереди.

Среди зелени мелькнуло красновато-жёлтое пятно. Это была голая

бурая земля; даже сейчас, во время проливного дождя, она казалась сухой и горячей. Из отверстия посредине с лёгким шипением валил пар. Пахло серой... Впервые мы увидели вблизи фумаролу. Значит, скоро мы будем около гейзеров!

Мы поспешили дальше и пересекли пологий склон, из почвы которого то тут, то там вздымались большие и малые струи пара. Запах серы становился всё гуще. Земля под ногами буквально горела: ноги жгло сквозь резиновые сапоги.

Подойдя к одной из небольших фумарол, я осторожно протянул к ней руку, но на расстоянии не почувствовал тепла. Тогда я придвинул руку поближе; тотчас же кожа на кончиках пальцев побелела и сбежалась в складочки — земля обожгла меня своим горячим дыханием...

И вот перед нами Долина гейзеров, открытая в 1941 году геологом Устиновой.

Чудесное фантастическое зрелище перед нами. В глубине каменистого ущелья с шумом бежит мутная река, а из каменистых склонов, шипя, клокоча, вырываются клубы пара и бьют фонтаны кипятка. Иные из них высотой в десятиэтажный дом; пар, окутывающий их, уходит высоко в небо... Вокруг мощных струй брызжут маленькие фонтанчики... Удивительно мгновение, когда фонтан начинает бить. За секунду перед тем мы видели блестящий, гладкий, как зеркало, бассейн, но вот поверхность его начинает пузыриться, жидкость закипает, пар поднимается над ней... Внезапно раздаётся взрыв, и в небо с шипением и треском взлетает могучая струя!.. Представьте себе мрачную реку с зеленоватой водой, жёлтые, оранжевые, чёрные полосы на склонах долины и пар, пар, который, как дым в старинной битве, заволакивает всё, и вы получите некоторое представление о Долине гейзеров.

Трудно дышать, влажный воздух насыщен сероводородом. Возле самой реки валяются горячие камни. А какой шум! Шумит река, шипит пар, и всё перекрывает подземный гул, будто мы попали в кузницу, где ни на минуту не прекращается таинственная, жаркая работа...

Впоследствии мы немного привыкли к этому зрелищу, к гулу и запаху серы... Но никогда не забыть мне первого грозного впечатления.

И ещё одно чувство, связанное с этими местами, хорошо запомнилось мне. Как-то, увлечённый работой, я задержался в Долине до темноты; товарищи ушли, и я направился к нашему лагерю один. Я был совершенно один в этой странной местности, где из-под земли бьёт кипящая вода, а рядом холодным белым покровом лежит снег... С какой нежностью смотрел я на следы, проложенные товарищами, как приятен был домашний запах ржаного сухаря, лежавшего у меня за пазухой! Природа красива, ребята! Но как хорошо ощутить присутствие человека, почувствовать человеческое тепло в дикой, безучастной, огромной пустыне!

МЫ ДОСТИГЛИ ЦЕЛИ

В течение двух дней мы спускались к гейзерам, не перенося лагеря, и писали этюды под проливным дождём. В краски попадала вода, картонки размокли, работать было тяжело, к тому же к концу второго дня мокрыми хлопьями повалил снег.

Наконец засияло солнце, и мы смогли раскинуть палатку поблизости от Долины гейзеров... Но тут появилась другая трудность: от яркого, ре-

жущего блеска снега глаза у нас болели и слезились. Всё же мы работали целые дни, торопясь зарисовать как можно больше.

Теперь мы передвигались по долине без опаски. Мы убедились, что гейзеры извергаются через определённые промежутки времени, от пятнадцати минут до двух с половиной часов. Приноровившись к этим промежуткам, можно работать без риска, что тебя обдаст кипятком. Только раз, расположившись возле безобидного на вид котлована, мы были испуганы внезапно вырвавшейся шипящей струёй пара.

Крупных гейзеров в этой долине двенадцать. Самые большие из них — Первенец и Великан. Великан бьёт в небо метров на пятьдесят, струя у него около трёх с половиной метров в поперечнике...

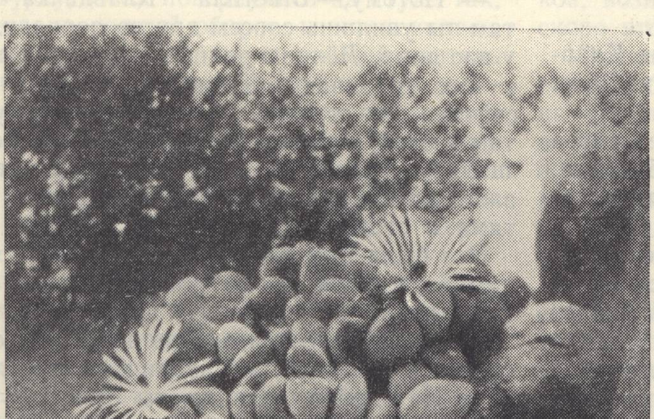
— Кипятка у нас сколько угодно,— смеялись мы.— Хочешь, чай заваривай, хочешь, суп вари.

К сожалению, суп варить было не из чего. Рассчитывая на охоту, мы оставили большую часть запасов в долине реки Шумной. Фёдорыч тщетно бродил с ружьём: дичи здесь не попадалось, не было даже медведей... У нас остались только сухарные крошки да банка консервов.

Наша основная работа была закончена: мы зарисовали общую панораму долины, отдельные гейзеры, грязевые котлы... Хотелось бы, конечно, поработать здесь ещё, но голод подгонял нас, к тому же и погода грозила опять испортиться.

Слишком долго рассказывать о нашей обратной дороге. Скажу только, что мы повидали немало любопытного, а ещё больше наслушались рассказов. Местные жители убеждали нас, что на Камчатке есть ещё гейзеры, пока не помеченные на карте, говорили о целебных источниках, которые никто из учёных ещё не описал... У нас не было возможности проверить эти слова. Если нам доведётся ещё раз побывать на Камчатке, мы постараемся удостовериться, где тут правда, а где вымысел.

А может быть, со временем это сделаете вы, ребята?

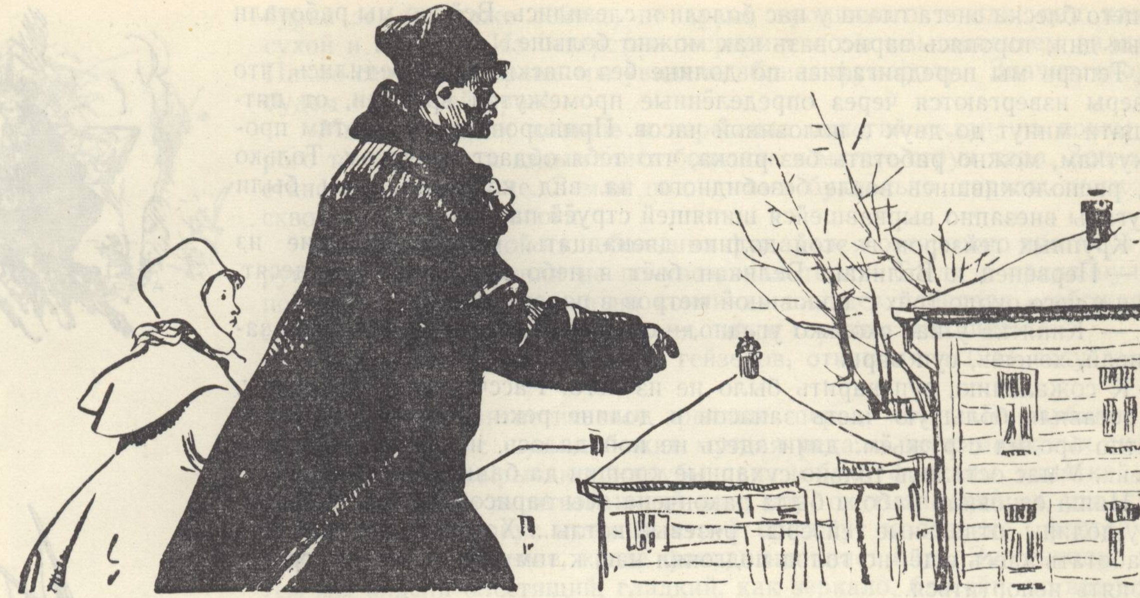


Многие из вас, ребята, взглянув на эту фотографию, наверно, подумают: «Ну, что интересного в этой груде камешков? Зачем их снимал фотограф?»

Представьте себе: перед вами совсем не камни, а цветущие растения пустыни Карру в Южной Африке — литопы. (Слово «литоп» означает «подобные камню».)

Литопы — родственники кактусов. Они замечательно приспособлены к жизни в жаркой, безводной пустыне. В их утолщённом мясистом стебле накапливаются запасы влаги, которую они очень экономно расходуют в засушливое время года.

Форма литопов помогает им «скрываться» среди настоящих камней от антилоп, которые не прочь полакомиться этими сочными растениями.



РОДНИКИ

(Продолжение)

Нина Емельянова

Рисунки А. Кокорина.

В гостях

Наконец-то мама позволила, чтобы Клавдичка взяла меня с собой в гости к Лёле. Ох, как мы собирались!

Мама достала из шкафа новое синее платьице, одела меня и, когда причёсывала, пожалела, что мои волосы ещё нельзя заплетать в косу.

— А так ты растреплешься, и будет нехорошо! — Она посмотрела на меня сбоку, и я по её взгляду поняла, что там, в гостях, на меня будут смотреть со стороны и маме хочется, чтобы у меня был хороший вид.

— Следи за собой всё время,— сказала мама,— помни, что ты в гостях.

Никогда мама так не говорила мне, хотя мы с ней ездили и к дяде Петру, и к дедушке Никите Васильевичу, и в концерт, где я слушала «Снегурочку».

Когда мы шли с Клавдичкой по улице, я спросила:

— Клавдичка, а почему у Лёли мне надо всё время следить за собой?

— Потому,— ответила Клавдичка,— что там ты увидишь совсем другие порядки, чем у вас дома. Лёлины родные — богатые люди, у них красивая обстановка, которая рассчитана не столько на удобства живущих там людей, сколько на то, чтобы ею восхищались другие. У них, например, нельзя залезать на стул с ногами и упираться локтями о стол...

Это была моя любимая привычка, и я подумала, что уж так-то я не буду вести себя в гостях.

— А ещё чего нельзя мне делать? — спросила я с хитрецой, и Клавдичка ответила:

— Не смейся, девочка, ты сама всё увидишь.

...Швейцар открыл перед нами тяжёлую дверь с ярко начищенными медными ручками. По лестнице, застеленной бархатной дорожкой, сбежала Лёля и с радостным криком бросилась на шею к Клавдичке.

— Клавдичка, Клавдичка! — кричала она. — Ой, и Саша!

Она подбежала ко мне, сияя глазами, обняла, и я сразу же вспомнила тот вечер, когда Лёля была у нас, и мне показалось, что мы с ней расстались только вчера.

— Ну, а сейчас,— сказала Клавдичка Лёле,— ты покажи Саше свою комнату, расскажи, как живёшь и учишься, а я пойду к тёте.

— Пойдём, я тебе всё, всё покажу! — Лёля крепко схватила меня за руку и потянула за собой.

Так, взявшись за руки, мы взбежали вверх по лестнице и остановились на пороге большой прекрасной залы. Стройные её окна закруглялись вверху, и между ними в голубоватой глубине зеркал отражались блестяще натёртый паркет и кресла в белых чехлах. По такому полу, наверно, нужно было ходить тихонько; я вспомнила мамино напутствие.

Но Лёля, сделав несколько шагов, раскатилась по паркету, как я сама каталась на льду, и в зеркале сейчас же отразилась её задорная и лёгкая фигурка. Она подбежала к большому роялю, подпрыгнув, села на круглый стул около него, открыла крышку — матово блеснул ряд белых и чёрных клавиш,— победоносно взглянула на меня и заиграла. Я узнала музыку: это была мазурка, только отец как-то по-другому играл её на скрипке. Маленькие крепкие руки с чистенькими пальцами то разбегались друг от друга, то снова сближались...

— Правда, хорошо? — Не доиграв до конца мазурку, Лёля повернулась на стуле так, что сделала полный оборот, и остановилась, ухватившись рукой за рояль.— Мой учитель говорит, что ни одна его ученица не запоминает так легко, как я... Это называется музыкальная память. Я и по нотам могу играть.

Она соскочила со стула, отыскала на этажерке тетрадку нот и поставила её перед собой.

Теперь она играла что-то такое весёлое, радостное, что под эту музыку хотелось танцевать, да так, чтобы подниматься, подниматься, а потом полететь куда-то. Как мне захотелось играть так же, чтобы отец мог похвалить меня!

— Ты что задумалась? — засмеялась Лёля, шаловливо проведя пальцем по всем клавишам подряд. — Тебе надоело слушать?

— Нет, нет...

— Ну, всё равно. Пойдём в мою комнату.

Мы прошли через гостиную, застеленную голубовато-серым ковром, в кабинет, где на большом письменном столе стояли бронзовые подсвечники с белыми, ещё не обгоревшими свечами и большой бронзовый кабан с острыми клыками и злыми маленькими глазками,— казалось, вот-вот кинется на стоящего перед ним бронзового охотника. Напротив стола висел большой портрет молодой прелестной женщины. Мне показалось, что это Лёля, и я невольно обернулась к ней.

— Это дядин кабинет,— сказала Лёля.— Тебе нравится здесь? А это моя мама. Правда, я на неё похожа?

То же смелое и беспечное выражение, как и у Лёли, было в глазах её матери, те же красивые улыбающиеся губы. Я кивнула головой.

Почему-то мне было не очень удобно в незнакомых мне прекрасных холодноватых комнатах, но Лёля двигалась среди всего этого великолепия так свободно, будто много лет жила здесь. Только когда в кабинет вместе с Клавдичкой вошла высокая нарядная женщина, которую Лёля назвала тётей Соней, я заметила, что весёлое выражение исчезло с лица Лёли, и она, только дав мне поздороваться с тёткой, быстро шепнула: «Пойдём!» — и потащила меня в свою комнату.

Лёля жила здесь вместе с маленьким Виташкой и его няней, и было видно, что Виташка сильно привязался к ней. Он всё время подбегал к нам и показывал игрушки. Мы стали строить ему дворцы из кубиков, возить перед ним длинный поезд... Но скоро это нам надоело.

У окна стоял большой аквариум, он был гораздо больше и красивее тех, что я видела на Трубной. Из белого, чистого песочка на дне его поднимался целый лес необыкновенных растений с прозрачными листьями, и между ними проплывали рыбки. Рыбки были самые разные, и я долго рассматривала их, поднявшись на носочки.

— Какие у тебя башмаки некрасивые,— сказала Лёля.

Я почему-то посмотрела не на свои, а на лёлины ноги,— она была обута в маленькие жёлтые туфельки. Мои башмаки по сравнению с ними были грубыми и тяжёлыми, но мне не хотелось признать это. Я вспомнила, как Лёля в свой приезд сидела у нас на сундуке и болтала ногами.

— Ты была у нас тоже в таких же башмаках,— возразила я.

— Ну? Правда? — Она нахмурилась.— Не помню...— У неё был такой тон, будто она рассердилась на меня за что-то.

В углу на маленьких диванчиках я увидела две большие куклы и подошла к ним; одна была немного потрёпанная, как моя Марфуша, другая — новая, с льняными волосами, очень красивая. Я взяла её в руки.

— Это мои куклы,— небрежно бросила Лёля.— Хочешь, я тебе подарю эту?

— Нет, мне не надо, мы лучше тут поиграем,— ответила я с неосознанным чувством обиды.— Мне она не нужна.— И я посадила куклу на место. Сама Лёля с её живым личиком словно вдруг отодвинулась от меня. Что-то нас разделило.

— В куклы скучно играть,— сказала Лёля, и я угадала в ней чувство противоречия мне.

— Ну, не хочешь — и не надо,— ответила я холодно.

Лёля, видимо, заметила перемену во мне и снова стала так доверчиво весела, что лёгкая тень, возникшая между нами, быстро исчезла. Мы очень дружно играли с ней в куклы до тех пор, пока не пришла тётя Соня и стала смотреть, как мы ходим в гости друг к другу и водим наших детей. Вся наша игра сразу разладилась. Удивительно было то, что эта красивая молодая женщина совсем не умела разговаривать с такими девочками, как мы с Лёлей. Казалось, произнося слова и фразы, она думает совершенно о другом. Она говорила: «Как вы интересно играете», — а я видела, что ей совсем неинтересно. Она смотрела на меня, и мне почему-то делалось неудобно и хотелось, дёрнув плечом, освободиться от её взгляда.

Вдруг за розовым Виташкой, возвратившимся с гулянья, в дверь комнаты вбежала маленькая белая собачка и, увидев меня, звонко залаяла. У собачки были красные, слезящиеся глаза и злое выражение морды.

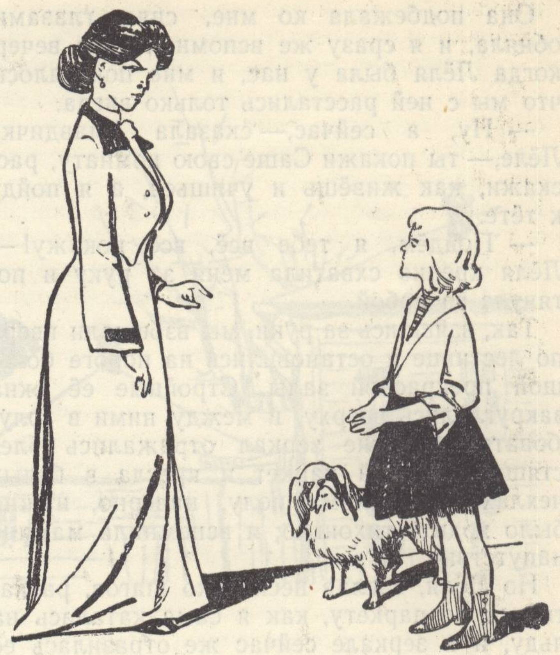
— Какая противная собака! — сказала я.

— Тебя, наверно, дома учили так говорить в гостях? — презрительно сжав губы, спросила тётка.

— Нет, дома меня так не учили...

— Ну, значит, ты на улице выучилась говорить так?

Я не думала, что, выразив свою мысль, я сказала плохое, но смутно поняла, что нарушила мамин наказ, как держать себя в гостях. Вот я не залезала с ногами в кресло, не бегала «как угорелая», не раскатывалась по скользкому паркету, но словами о собаке я, видимо, нарушила какой-то порядок, принятый в этой семье. И поняла, что словами «на улице» тётка осуждает мою мать и отца. Мне стало не по себе. К счастью, нас скоро позвали обедать.



— Какая противная собака! — сказала я.

Лёлин дядя уже был в столовой, когда мы вошли.

— Здравствуй, девочка моя,— сказал он подбежавшей к нему Лёле, и в голосе его я услышала нежность и любовь к ней.

Этот высокий человек с большим лбом и усталым взглядом, с узкой белой рукой, которая опустилась на мои волосы и погладила их, был глубоко равнодушен к прекрасному убранству стола и всей большой столовой. Я подумала, что всё это он видит каждый день и всё ему надоело. Ему как будто было скучно среди окружающих его в этом доме людей — всех, кроме Лёли. И все при нём, даже тётя Соня, стеснялись чего-то. Смутное чувство, что не так уж приятно быть богатым человеком, рождалось во мне.

— Какая прекрасная зима в этом году! — сказал он, садясь за стол напротив Клавдички и вынимая из серебряного кольца блестяще белую салфетку.— Люблю Москву зимой.

Он взглянул на Клавдичку с едва уловимым выражением превосходства, как будто если он любил Москву зимой, так это было только ему свойственное превосходное качество.

— Я тоже люблю Москву зимой,— ответила Клавдичка с каким-то внутренним смыслом, который угадывался по выразительной её улыбке.

— И вам не мешают происходящие события? — В голосе его уже ясно прозвучала

насмешка.— А знаете, ведь на Коншинской фабрике снова беспорядки...

— Вы опять называете беспорядками то, что я называю борьбой рабочих за свои права,— ответила Клавдичка.

— А как же, конечно, беспорядки! — Лёлиному дяде как будто понравилось, что Клавдичка смотрит на него, нахмурив брови; он оживился: — Ведь они выступают против царя и всего существующего строя...

— Сколько раз мы зарекались говорить с вами о подобных вещах,— сказала Клавдичка,— ведь мы же по-разному думаем об этом.

— Нет, но вы, Клавдия Николаевна, на самом деле не слыхали, как здорово казаки разогнали забастовщиков у «Трёхгорки»?

Клавдичка сидела очень прямо, как будто хотела встать из-за стола. Как бы отгоняя тревожную мысль, она провела рукой по лбу.

— Об одном и том же событии,— ответила она,— мы с вами слышим с двух сторон, и мы никогда не сойдёмся посередине...

— Ну, и закончим на сегодня этот скучный разговор,— засмеялся лёлин дядя, подчёркивая слово «скучный».

Лёля с беспокойством переводила глаза с лица Клавдички на лицо дяди, как будто тревожилась за то, что Клавдичка, которую она всегда любила, и дядя, который был добрым к ней и окружил её заботой, не могут поладить друг с другом.

— Ну, что ты так смотришь, девочка? Мы же снова друзья с твоей Клавдичкой.— И он стал подробно рассказывать тёте Соне и Клавдичке о том, как сегодня шло заседание какой-то правительственной комиссии.

Я обрадовалась, когда кончился обед, хотя всё было очень вкусное и в конце подали розовое и белое мороженое. Было уже поздно. У нас никогда не обедали по вечерам, и поэтому порядок в этом доме показался мне чужим и неудобным. Мне захотелось домой.

— Да, мы скоро поедем домой,— сказала мне Клавдичка.

— Нет, нет! — закричала Лёля.— Не уезжайте, пожалуйста, не уезжайте. Мне сегодня играть при гостях!

Она обняла Клавдичку и заглядывала ей в глаза. Клавдичка вздохнула, поцеловала её и сказала, что мы остаёмся. Лёля схватила меня за руку, и мы побежали в её комнату.

Теперь поминутно раздавались звонки, приезжали гости.

Мы играли с Лёлей в шашки, когда нас позвали к гостям. Первый раз в жизни я почувствовала, входя в эту ярко освещённую залу, полную незнакомых мне людей, такое непреодолимое стеснение, что если бы можно было вернуться с порога в лёлину комнату, я немедленно убежала бы. Но или наставления мамы вспомнились мне, или помогло то, что где-то в зале была Клавдичка, я преодолела застенчивость и вошла.

И сразу как будто очутилась на открытом месте, откуда меня всем хорошо видно. На отодвинутых креслах сидели, разговаривая между собой, одетые в красивые платья женщины. Несколько мужчин стояло около них. Мне показалось, что я двигаюсь совсем не так, как обычно, иду, глядя прямо перед собой, и чувствовала, что покраснела до ушей.

И вдруг я увидела Клавдичку: она стояла около окна. Не раздумывая ни секунды, я пробежала через всю залу и остановилась около неё. Я почему-то думала, что она покачает укоризненно головой, но она спокойно «при всех» погладила мне волосы, откинув их со лба, отодвинула от стены стул и посадила меня так, что я оказалась близко к роялю.

Лёля уже садилась на высокий стул, и затихали весёлые голоса гостей.

Она обернулась к гостям, сказала, что сыграет сейчас Моцарта, и вдруг с хитрой гримаской дружелюбно кивнула мне. Она и здесь, среди взрослых, хорошо одетых гостей, могла делать всё, что ей вздумается.

Но как она держалась! Вся её небольшая фигурка вдруг приобрела какую-то манерность, чуждую той лёгкой, прелестной мелодии, которая зазвучала в зале из-под её рук. Она как-то особенно плавно приподнимала и переносила руку с одной стороны клавиатуры на другую. И, что было совсем непонятно, Лёля покачивалась и чуть приподнимала голову в особенно выразительных местах, как будто хотела показать, как у неё всё хорошо выходит. Но от этого выходило вовсе не хорошо, совсем не так, как Лёля недавно играла мне.

— Девчонка! — с досадой сказала Клавдичка за моей спиной.

Когда Лёля кончила, похвалам не было конца. Она соскочила со стула, поклонилась, сказала непонятное мне: «Вальсизфауста» — и снова заиграла, держась так же манерно, как и раньше. Что-то сбивчивое было в её игре.

— Прелестно! Очень хорошо! Как мила! — заговорили все, когда она кончила.

— Тебе рано играть этот вальс! — не громко, но так, что это было хорошо слыш-

но, сказала Клавдичка, и я увидела, как вся кровь бросилась Лёле в лицо.

Она села снова к роялю. Задумалась. Потом неожиданно соскочила со стула и сказала:

— Мне больше не хочется играть,— пробежала через залу и от порога поманила меня за собой.

Лёлина тётка была вне себя от досады. Она хотела остановить Лёлю, когда та пробегала мимо неё, но, вероятно, поняв, что Лёля её не послушается, обратилась к гостям, прося извинить за неожиданную выходку племянницы.

— Не знаю, что с ней случилось сегодня! — сказала она.— Это Клавдия Николаевна её смутила...

— Её и надо так смущать,— ответила Клавдичка,— а то ей уже хочется показываться.

Я посмотрела на лёлиного дядю: он сидел впереди в кресле и разговаривал со старым человеком в мундире, как будто не замечая, что лёлина игра кончилась и она убежала.

Но и эта выходка Лёли не вызвала ни у кого недовольства.

— Талант! — сказал один из гостей.— Ничего не поделаешь! Талант своеволен...

Я догнала Лёлю в коридоре. Она стояла у окна, видимо, ожидая меня.

— Тебе понравилось, как я сейчас играла? — требовательно спросила она.

Я не умела выразить словами, какое впечатление произвела на меня её игра.

— Мне больше понравилось, как ты играла, когда я только что пришла. А сейчас...

— Это я нарочно так делала. Мне надоело для них играть: каждый раз показывают, как обезьяну какую-нибудь...

Лёля была так непохожа на обезьяну, что я рассмеялась, но тотчас же смолкла, увидев крупные слёзы у неё на глазах.

— Им всё хорошо! — как-то угрожающе сказала она.— Что бы я ни сыграла, они всё равно похвалят. Они к тётке в гости пришли, ну, и всё хвалят: обед хвалят, тёткино платье хвалят, мою игру. Дядя Толя — важный человек, если его кто-нибудь из них попросит, он может всё сделать. А они знают, что он любит меня, вот и хвалят меня, когда ничего хорошего в моей игре нет. Подлизываются...

Она вдруг покраснела и топнула ногой:

— А ещё уйдут домой и будут надо мной смеяться! Я же знаю: я, и верно, играла плохо. Мне стыдно так играть, а я всё равно буду так играть, хотят, чтобы была обезьяной, ну, и пусть буду обезьяна...— И она утёрла рукой глаза.

— Хорошо тебе,— сказала она, успокоившись,— ты с мамой и папой живёшь. И с Клавдичкой ещё. А я тут одна...

— Но ведь тут тебя все любят.

— А я всех их ненавижу.

— Кого всех?

— Ну, всех! Виташку я, правда, люблю и дядю... А её ненавижу.

Наверно, в этом доме в лёлину жизнь входило очень много ненужного ей, и всё это ненужное она соединяла с тёткой.

— Всё равно, хоть и любят, мне не хочется тут жить, я хочу к своему папе...

И она горячо и порывисто, как всё, что она делала, бросилась мне на шею и заплакала, уткнувшись в моё плечо.

— ...Я ...я потому здесь живу, что папа хотел... чтобы я училась. Я всегда помню его... и девочек, с которыми я играла. Папочка мой... папочка...

Мы ушли в лёлину комнату и долго сидели, обнявшись, в большом кресле, и Лёля рассказывала мне, как хорошо жили они с папой в деревне, как она каталась с девочками на салазках с горы и как они летом бегали купаться.

Понемногу она развеселилась, и скоро громкий смех её уже снова раздавался в комнате.

Когда мы уходили, я слышала, как лёлин дядя сказал Клавдичке:

— Всё-таки, Клавдия Николаевна, вы видите сами, что каждый ваш визит выбивает её из колеи. Это вредно для неё.

Клавдичка покачала головой и прямо взглянула на него:

— Трудно сказать, что́ для неё вреднее.

Прощание с Клавдичкой

Клавдичка и мама сидели в комнате у стола и разговаривали, а я около окна шила толстой канвовой иголкой платье Марфуше. Тонкая кисейка легко прокалывалась толстой иглой, зато нитка никак не хотела пролезать, и иголку приходилось сильно дёргать. Пальцы у меня заболели, и я отложила шитьё.

За окном мне были видны длинные, свисавшие с крыши сосульки, толстые в основании и тоненькие в конце. Интересно было смотреть, как по сосульке скатывались капельки воды: они никак не могли оторваться и намерзали внизу. Сначала капелька вся сияла и переливалась радугой на солнце, потом мутнела: её обволакивал тонень-

кий ледяной мешочек, из него вода уже не могла вытечь и застывала.

— Значит, ты твёрдо решила ехать? — спросила мама.

— Да, Грунечка, поеду: я нужна ему. Он только виду не показывает, а я знаю, как после целого дня в больнице, разъездов по своему участку он возвращается вечером домой и дом не светит ему навстречу: окна его темны... Конечно, работы у него много, но ему ведь хочется и поговорить о своей работе!

Я очень хорошо помню, как в день своего приезда Клавдичка сказала про своего брата, что он «тянет, как вол», «ломит и ломит по грязи... и все его любят»; и дядя Ваня, которого я никогда не видела, представляется мне богатырём, большим и добрым человеком, который ходит всюду и лечит людей. Очень жалко, что он отправил Лёлю с Клавдичкой в Москву и остался один.

Но неужели Клавдичка уедет от нас? Как же я-то останусь? Ей можно всё рассказать, и она объяснит, как в тот раз, когда уезжала Дуняша и мы с ней плакали, а Клавдичка подошла, обняла нас обеих и сказала, что Дуняша уезжает не на край света, а только на Пресню и мы будем видеться. «Самое главное,— сказала она,— быть хорошими друзьями. Тогда не страшно: если друг и уедет, он всегда тебе встретится...»

Кто-то высокий прошёл мимо окна, заслонил свет, и сразу раздался звонок. Как всегда, быстро встав с места, Клавдичка пошла открывать дверь.

— Ах! — услышали мы её взволнованный голос.

Я сейчас же побежала в переднюю и увидела, что с Клавдичкой здоровается, наклонясь к ней, и крепко жмёт ей руку одетый в чёрный полушубок человек, никогда у нас не бывавший, немолодой, но, мне показалось, очень весёлый, потому что он смеялся, показывая два ряда белых зубов.

— Иван Николаевич жив, здоров! — сказал он.— И даже не успевает скучать без вас.

— И вы живы, здоровы,— сказала Клавдичка.— Вижу и радуюсь. И всё у вас в порядке?

— Всё, всё. Можно раздеться?

— Ну конечно же! О чём говорить?

— Говорить-то есть о чём.

Этот разговор, в котором мне никак невозможно было понять, о чём идёт речь, шёл необыкновенно: казалось, что два человека, встретившись в нашей передней, очень хотели бы говорить по-другому, но не могут, или Клавдичка сдерживается, чтобы не показать, как она взволнована.

Когда они вошли в комнату, Клавдичка сказала:

— Вот, Груня, это ванин помощник, наш фельдшер, Сергей Касьянович. Помнишь, я говорила? — И села на стул, глядя на гостя блестящими глазами.

— Ну, познакомимся, девочка,— сказал гость, протягивая мне руку, но я почему-то застеснялась и отошла в сторону.

— Это Саша,— сказала Клавдичка.— Мы с ней друзья.

— Ну, значит, и со мной подружишься,— пообещал он мне.— У меня у самого две такие, как ты.— И сел на диван. У него были блестящие густые волосы, зачёсанные назад над большим гладким лбом, но у самых глаз было много морщинок.

— Как это вы приехали так неожиданно? — спросила Клавдичка.

— У нас новости: наконец-то достроили больницу, приехал кое за каким оборудованием.

— Я уже знаю про вас многое,— сказала мама,— о том, как вы работаете с Ваней.

— Вы давно видели Ивана Николаевича?

— Давно,— ответила мама,— ещё когда он студентом был, но помню, как он стремился жить и работать для народа.

— И всё выполняет, как решил,— с восхищением сказал Сергей Касьянович.— Потерял самое дорогое для него — жену и друга — и не сломился. Теперь сотни крестьян знают его как врача, не жалеющего ни сил, ни времени для людей. Наверно, Клавдия Николаевна, он редко писал вам?

— И редко и мало,— ответила Клавдичка, придвигая к гостю пепельницу и сама закуривая.— Это понятно: не хочет жаловаться.

— Тем более, — подхватил гость, — что у него было много тревог и неприятностей.

— А как теперь? — Клавдичка вся наклонилась вперёд.

— Я же сказал «было», Клавдия Николаевна,— значит, «прошло».

— Ну, не всегда так бывает: было и прошло.

Сергей Касьянович взглянул на Клавдичку, и вдруг всё лицо её порозовело.

— Расскажите же! — почти приказала она.

— Это всё произошло из-за литературы,— начал он.— И раньше у нас было насчёт этого только давай, а теперь, после январских событий, всё, что присылается из центра, просто ждут, как живую воду. Хотят

узнать настоящую правду о жизни. Ну, кое-что попалось кому-то на глаза; становой, исправник всполошились, из себя выходят, ездят по пятам за Иваном Николаевичем, расспрашивают крестьян. А в это время литература другим путём течёт.

Клавдичка улыбнулась гостю и покачала головой, как будто говоря: «Знаю, всё знаю...»

— Ну, вы же знаете нашу работу,— ответил на незаданный вопрос Сергей Касьянович.— И однажды нагрянули... Ничего не нашли, успокойтесь. Но Ивана Николаевича оттуда переводят.

— Куда?

— Ещё неизвестно. Вот приедете к нам — и узнаете. Ведь, я думаю, вы скоро к нам вернётесь? Может быть, вместе и поедем?

Клавдичка посидела молча, потом достала новую папиросу, закурила и сказала твёрдо:

— Куда бы его ни перевели, я поеду туда, где будет брат.

— Саша,— позвала меня мама,— пойди помоги мне накрыть на стол.

И нехотя я пошла за ней, оставляя Клавдичку в каком-то неизвестном мне волнении.

Сергей Касьянович много раз приходил к нам; он умел очень хорошо рассказывать о том, что видел, и о книгах, которые читал. От него первого я услышала о Робинзоне Крузо: Сергей Касьянович говорил о нём, как о хорошо известном ему человеке, и, помню, я была очень удивлена, когда оказалось, что и отец и мама тоже прекрасно знают Робинзона, хотя он никогда не бывал ни в Саратове, ни в Москве. Вероятно, это было первое моё представление о том, какое широкое знакомство может быть у героя книги. Мне и в голову не приходило, что Робинзона выдумал его автор.

Вместе с Клавдичкой Сергей Касьянович ездил к лёлиному дяде, они видели Лёлю, даже хотели привезти её к нам, но у меня болело горло, и её не пустили. Клавдичка всё время была такая весёлая, и я догадывалась, почему.

— Ты красивая, Клавдичка! — говорила я ей убеждённо. — Тебе надо сшить розовое платье.

Она, чуть прихрамывая, шла ко мне, смеясь, и говорила:

— Где ты видела хромую красавицу?

— Ты лучше всех! — отвечала я ей.

Однажды мама сказала при мне:

— Ваня всё равно узнает, что есть человек, которого ты любишь... Зачем же отказываться от личной жизни?

— Я и не отказываюсь: моя личная жизнь будет полна и около брата.

— Нет,— сказала мама,— это совсем, совсем не то.

Мне не раз приходилось слышать о свадьбах, но я всегда думала, что женятся только люди молодые, а уж никак не такие взрослые, как Сергей Касьянович и Клавдичка. Но когда я видела их рядом, Клавдичка казалась мне молодой, и никакие оспинки не мешали ей быть красивой.

Правда, непонятное заключалось в том, что у Сергея Касьяновича были две девочки, а если были девочки, то куда же девалась их мать? Но как-то из разговора мамы с отцом я узнала, что с женой Сергей Касьянович «давно расстался» и «лучшей матери детям, чем Клавдичка, ему не найти». Но как же так? Дядя Ваня обещал Лёле, что «никогда другая мама не войдёт в их дом», а Сергей Касьянович как раз хочет, чтобы Клавдичка вошла в их дом и была той самой «другой мамой» его дочери и племяннице? Одно ли это и то же, когда люди «теряют» жену или «расстаются» с ней? И теряют ли они в обоих случаях «самое дорогое» для них, как сказал Сергей Касьянович про дядю Ваню? Эти мысли возникли в моей голове, но я была не в состоянии разобраться в них и больше всего желала, чтобы Клавдичка не уезжала от нас. Но чувствовала, что самой Клавдичке хочется и надо уехать.

И на самом деле пришло время расставаться с Клавдичкой. Теперь мы знали, куда она едет: в марте пришло письмо от дяди Вани, что его перевели в Воронежскую губернию. Перед своим отъездом она взяла меня с собой провожать Сергея Касьяновича в Саратов. Несмотря на то, что мы с Клавдичкой его провожали, он сказал: «Я всё равно не расстаюсь с вами». И Клавдичка в ответ кивнула ему.

А скоро мы стояли с мамой на платформе Казанского вокзала, держа с обеих сторон руки Клавдички. Высоко над нами поднимался особенный сетчатый свод с вставленными в него запылёнными стёклами. Кое-где стёкла были разбиты, и сквозь них виднелось далёкое, пронзительно-ясное голубое небо. Почему-то казалось, что отсюда, из-под этого высокого свода, начинаются только далёкие путешествия и Клавдичка уезжает в такое.

Тихо, задним ходом, рядом с нашей платформой подвигались вагоны, и вот пустой ещё поезд остановился перед нами.

Вот уже дали три звонка, вагоны медленно двинулись.

— Когда же мы теперь с тобой увидимся? — спросила мама.

— Трудно сказать, Грунечка, просто даже и не знаю...— ответила Клавдичка.

Мама обняла Клавдичку и заплакала.

Я смотрела во все глаза на милую, наклонённую к маме голову; из-под шапочки выбивались кудрявые волосы Клавдички. И вот она обняла меня, приподняла и крепко поцеловала. На глазах у меня были слёзы, я вытерла их рукой. Мне хотелось прижаться к груди Клавдички и заплакать, но я удержалась. А Клавдичка всё равно поняла.

— Клавдичка,— сказала я,— помнишь, ты сказала мне с Дуняшей: «Самое главное — быть хорошими друзьями. Тогда не страшно: если друг и уедет, он всегда тебе встретится»?

— Ну? Ты помнишь? — воскликнула Клавдичка.— Очень хорошо, что помнишь. А я чуть не забыла недавно, когда это мне было очень-очень нужно.— И она снова поцеловала меня.

Вот уже дали три звонка, вагоны медленно двинулись, и мы с мамой с заплаканными глазами, взявшись за руки, идём рядом с поездом, торопясь ещё раз заглянуть в окно, где сквозь тусклое стекло виднеется лицо Клавдички. И сжимается сердце при мысли, что я, может быть, никогда больше не увижу её.

Гроза

В саду зацвели яблоньки. Молодой сад, который — я хорошо помню — при мне сажал Данила-дворник совсем маленькими деревцами, вырос и стоял такой нарядный. Цветы плотно сидели на ветках, белые их лепестки внизу, у чашечки, были густо подкрашены розовым и так хорошо пахли.

Вот, значит, я тоже подросла, но почему-то мне этого по себе не видно, разве только платья становятся коротки мне, и мама их «выпускает» каждый год.

То, что я немного подросла, я знаю и потому, что теперь мне кажется смешным бояться тёмной комнаты. Раньше, «когда я была маленькой», я боялась вечером проходить одна через тёмную столовую потому, что в углу под диваном кто-то сидел, может быть, даже медведь. Днём под диваном никого не было, но я почему-то знала, что по

вечерам медведь откуда-то берётся под диваном, и, если я хоть шаг сделаю от двери, он выскочит и зарычит. Порожек у этой двери мне хорошо запомнился: я стою, держась за притолоку, и ноги мои словно прилипли. Глаза прикованы к дивану, и я вижу, что бахрома, которой он обит внизу, легонько колышется... И вдруг я решаюсь, бегу через комнату во всю силу, сердце стучит, и я как будто оглохла: так бьёт в виски кровь. Вскакиваю в спальню, а там мама зажигает лампу и, увидев моё красное лицо, говорит: «Сколько раз тебе говорить, что в доме бояться нечего?»

Теперь я нарочно пробегаю в темноте через комнату, стучу по дивану палочкой и даже кулаком, и, конечно, медведь не показывается, потому что его там и нет вовсе. И когда я рассказываю девочкам, что раньше, «когда была маленькой», боялась, мне кажется, что это было очень давно.

С тех пор, как уехала Клавдичка, у нас дома без неё стало пусто: отец с утра до вечера на работе, мама целый день занята: то шьёт на машинке, то готовит обед. И я целый день бегаю по двору с девочками. Иногда собирается много ребятишек, и мы играем в любимые наши горелки. Больше всего я люблю водить:

Гори, гори ясно,
Чтобы не погасло.
Глянь на небо —
Птички летят,
Колокольчики звенят...

Говоришь это каким-то особенным, поющим, звонким голосом, а сама посматриваешь одним глазом и ждёшь, что вот-вот из-за твоей спины с той и с другой стороны вырвутся стоящие в паре подружки и побегут со всех ног, делая большой круг. Мне надо успеть поймать кого-нибудь из них прежде, чем они встретятся. И когда после такой игры приходишь домой, мама проводит рукой по моим волосам и говорит:

— Опять вся мокрая!..

Как-то в самое цветущее время начала лета меня взяли в Ново-Гиреево к дяде Петру. Лизавета Сергеевна встретила нас одна, приветливая, очень миловидная в синем ситцевом платьице. За ней тотчас вышел на крылечко кот тигровой расцветки, взглянул равнодушно зелёными глазами и, сделав вид, что наш приезд не может отвлечь его от выполнения ежедневных обязанностей, вспрыгнул на перила и стал следить за пролетающими ласточками.

Ласточки носились низко над землёй, почти чертя крыльями по траве, и было удивительно, что птицы соединяли с воздушной лёгкостью какую-то стальную точность полёта. Лизавета Сергеевна показала мне под крышей гнездо, слепленное из глины, и я едва могла поверить, что ласточки сделали это сами.

— Ты у нас девочка городская,— сказал отец,— и того, верно, не знаешь, что ласточки низко летают к дождю.

Но солнышко светило так ясно, никакого дождя не могло быть! У Лизаветы Сергеевны было много интересного. В комнате стояли пяльцы, в них был впялен кусок полотна, и по нему были вышиты гладью необыкновенно плотные белые цветы с разными мережками.

— Да вы, Лиза, я смотрю, и монастырской гладью умеете шить! — с восторгом сказала мама. — Сколько же тут надо настилать?

Лизавета Сергеевна стала показывать очень охотно, её маленькие ручки так и замелькали над пяльцами.

Иголкой она словно целилась немного сверху и, легко воткнув, ухватывала её и вытягивала снизу. Блестящие льняные нитки ложились тесно одна к другой.

— Ну, вы, Лиза, просто мастерица! — ещё раз повторила мама.— И рисунок прелесть какой!

— Это у меня большой заказ,— сказала Лизавета Сергеевна.— Приданое одной из дочерей купцов Разорёновых.

Потом мы напились чаю, а дяди Петра всё не было, и мы с мамой и Лизаветой Сергеевной пошли за рощу на луг собирать цветы. Отец же сказал, что посидит на крылечке и дождётся Петра.

Первый раз была я на таком лугу; всюду, куда ни глянешь, меня окружали плотные глянцевитые листья, над ними на тонких стеблях поднимались свежие, душистые цветы, и можно было сорвать любой. Горячее солнце грело голову и плечи, летали бабочки, и мне было необыкновенно легко и счастливо.

Когда мы уже шли обратно, лёгкая сероватая тень внезапно легла на всё вокруг. Я оглянулась, ища, откуда она появилась, и вдруг увидела за рощей темносинюю тучу. Туча поднималась так, будто её толкало снизу, и, когда я взглянула на солнце и снова на тучу, я заметила, что расстояние между ними сильно уменьшилось. Край тучи был плотный и беловато курился в голу-

бое небо. Настала такая тишина, что казалось, ни один цветок не шелохнётся.

Далёкий гул послышался за лесом, как будто там глухо заворчало что-то большое.

— Ну, быть грозе! — сказала мама.

Туча поднималась всё быстрее, она словно спешила надвинуться на голубое небо, и в этом её быстром движении от края её отрывались клочки облаков и летели вперёд, к солнцу. Пронёсся сильный порыв ветра, наклонил траву, и все цветы закачались и затрепетали. Край тучи надвинулся на солнце, стало темно.

И вдруг огненной змейкой блеснула молния, и разом над головой раскололся звучный, отдавшийся во все концы неба удар грома.

— Бежим! — крикнула мама, и мы побежали.

Было немного страшно, но больше весело. Пыль так и отлетала на бегу от моих ног. Мама бежала, смеясь и подобрав длинные юбки, порою останавливалась, чтобы отдохнуть. Она отстала, а Лизавета Сергеевна бежала легко, как девочка.

Молнии сверкали одна за другой, гром перекатывался гневно и гулко. Но отец уже шёл нам навстречу, и с ним почему-то стало не страшно.

Ветер взвил около нас пыль, подхватил откуда-то белый лист бумаги и, словно поддерживая его с обеих сторон, покатил вперёд по дорожке, как колесо, с угла на угол. Ух, как теперь засвистел ветер и понёс песок и мелкие камушки!

Первые капли дождя ударили в землю, особенно запахло свежим, и при взблеске молнии я увидела, что роща стоит вся светлая, молодая на синем тучевом фоне и листья её недвижимы, хотя они только что трепетали. Так же и бежавший по дороге мальчуган при свете молнии словно застыл на бегу. Над головой с оглушительным треском снова прокатился гром, но прелесть рощи меня так поразила, что я остановилась и посмотрела ещё раз.

— Молодчина!— сказал отец.—Не боишься грозы, это хорошо.

Полил дождь, капли его застучали по моей голове, а вот уже и струйка потекла по спине... И мы вбежали на крыльцо, на террасу.

— А где же ласточки? — закричала я и вскочила на стул, чтобы рассмотреть их гнёздышко. И оттуда на меня глянули два чёрных глазка испуганной птички.

Сквозь слитный шум падающего на деревья и на крышу дождя слышались сильные порывы ветра, но молнии теперь блистали реже и удары грома всё отдалялись.

И тут, весь мокрый, подбежал к крыльцу дядя Пётр и громко крикнул:

— Лиза, скорее сухую рубашку!

Он переодевался в комнате и не то ворчал, не то сердито читал стихи:

— «Не водись-ка на свете вина, тошен был бы мне свет!..»

— Что с тобой, Петя? — спросил отец.— Ты как будто немного того... Чем ты недоволен? Гроза пройдёт, как ещё свежо и прекрасно будет.

— Гроза! Что гроза? — сказал дядя.— Сейчас я скажу вам нечто такое, что вы ахнете...

Дядя Пётр сел к столу и положил на стол оба сжатых кулака. Глаза его зло блестели.

— Пятнадцатого мая в Цусимском проливе японцы потопили всю эскадру Рождественского! Всю. Прекрасные суда, матросы, офицеры — честь русского флота — потоплены, погибли...— И он обвёл глазами лица стоящих около него мамы и Лизаветы Сергеевны.

Обе они испуганно, со слезами на глазах смотрели на него. Отец встал, молча подошёл и тоже сел к столу против дяди Петра.

— Несчастная эта война с Японией,— сказал он.— Погнали людей на край света, погубили всю эскадру!

— Я шёл сюда и непрерывно ругал скотов и негодяев,— сказал дядя.

Можно было легко понять, что дядя Пётр обвиняет кого-то, кто погнал «на край света» людей и кто имеет власть на этом очень далёком, наверно, краю света «губить эскадру». О том, что идёт война, об эскадре, крейсерах я всё-таки имела слабое и весьма туманное понятие: на улицах Москвы в то время продавались интересные открытки из толстого картона, на которых в левом нижнем углу был нарисован русский военный крейсер с пушкой на носу, а в другом углу наискось — японское судно, из-за трубы его выглядывал японец со злым лицом.

— Шёл я, ругался на чём свет стоит и со злости купил вот эту штуку...

Дядя Пётр полез в карман и вытащил как раз такую открытку. Он подозвал меня, дал мне рассмотреть картинку, потом зажёг спичку и приложил её к дулу пушки, нарисованной на носу русского крейсера. Сейчас же с лёгкой вспышкой зажёгся огонёк, и будто кто-то повёл по картону огненным угольком, побежал наискось через всю открытку к японскому судну. Под самым его

дном огонёк приостановился, и вдруг щёлкнул довольно громкий взрыв. На месте японского крейсера и выглядывавшего японца осталась дыра с обгорелыми краями.

— Не хотите ли?! — спросил язвительно дядя Пётр, обращаясь к отцу и матери.— Как ловко мы взрываем японские крейсеры, но, увы, на открытках! Свою же эскадру дали японцам потопить. Чудовищно! На всех перекрёстках продают эти открытки — безобразное издевательство над превосходным нашим флотом, над нашими матросами, которые могли бы действовать превосходно, если бы в штабах не сидели бездарные люди.

Дядя Пётр с отцом долго разговаривали, называли красивые имена погибших судов: «Орёл», «Ретвизан», «Аскольд»... И все они, такие же гордые и красивые, как крейсер «Варяг» в «Ниве», словно выплывали передо мной на широкой глади никогда не виданного моря.

— История расскажет нам, как вели себя наши русские герои перед лицом опасности,— сказал дядя Пётр.— Примеры героизма — «Варяг» и «Кореец» — всегда будут памятны русскому народу. Но гибель лучших людей в несчастную эту войну он не простит...

— Вот уж на самом деле грозовые дни настали,— сказал отец.

— Ну, грозы ещё впереди! — ответил дядя Пётр.— С тех пор как царь встретил рабочих пулями, они многое поняли.

Гром погромыхивал, но дождь быстро переставал; с крыши ещё сбегали тонкие струйки воды, но они становились всё тоньше, и скоро уже падали только отрывистые звучные капли. Как же освежился воздух после грозы! Хлынуло солнце, и первая ласточка вылетела и взвилась в голубое, чистое небо.

Снова Кондратьев

Всё это лето часто собирались грозы. Иногда они проходили без дождя; тогда ослепительно сверкали молнии и гром гремел так, будто на небе что-то раскалывалось с оглушительным треском. Такие грозы дядя Пётр называл «сухими грозами» и говорил, что они самые страшные.

Вскоре после того, как мы ездили к дяде Петру, я снова встретила Кондратьева. В том доме, где за ситцевой занавеской мы играли с Дуняшей, теперь поселилась другая семья. В ней было пятеро детей — все мальчики. Из них я «водилась» только с Ваней. Но рядом с этой комнатой жила новая моя подружка, Лизанька, и как-то, проходя к ней коридором, я услышала знакомый голос. Это был голос Кондратьева. Открыв тёмную, закопчённую дверь, я вошла и увидела, как из-за спин сидящих на скамьях склонённых над чем-то людей выглянул большой, чуть выпуклый лоб и на меня глянули зорко прищуренные глаза под прямыми бровями...

— Дядя Стёпа! — крикнула я, подбежала

Я увидела Кондратьева и сидящих на скамьях склонённых над чем-то людей.

к нему и положила руку ему на колени.— А Дуняша пришла?

— Она после придёт,— сказал Кондратьев приветливо.— Дело, дело, что ты прибежала. Папане скажи: Кондратьев зашёл, хочет повидаться. Только,— он наклонился к моему уху,— тихонько скажи, не шуми... Ладно?

— Ладно! — ответила я.

Мне не хотелось уходить, и я всё стояла около него. Перед Кондратьевым лежал сильно потрёпанный большой лист бумаги с забавной картинкой. Внизу на ней было нарисовано много рабочих, похожих на наших фабричных. Тяжело согнувшись, они, как на огромном подносе, держали на своих плечах весёлых, хорошо одетых людей: мужчин, похожих на хозяина, и барынь в красивых платьях. А эти люди держали над собою много солдат с ружьями в руках... И выше солдат был ещё кто-то.

Кондратьев провёл рукой по нижнему ряду рабочих и прочитал подписи справа и слева:

— «Мы работаем на вас», «Мы кормим вас».

Потом поднял руку выше, к ряду «господ», и прочёл:

— «Мы едим за вас».

Все засмеялись, и кто-то заметил:

— Вот это без ошибки!

Кондратьев показал на ряд солдат с ружьями в руках. Медленно, разделяя слова, он прочёл:

— «Мы стреляем в вас!» — И обвёл глазами собравшихся: — Это как?

— А «Потёмкин»? — ответил вопросом молодой рабочий из гравёрной.— Ведь отказались же матросы стрелять по рабочим...

— Это первая ласточка, но за ней прилетят и другие,— сказал Кондратьев.— Ну, иди, иди,— подтолкнул он меня.— Скажи папане, не забудь!

— Я тихо-о-нько скажу...

— Вот и ладно будет,— похвалил Кондратьев.

Выбежав из коридора, я открыла дверь, и уже влажный, тёплый воздух после прошедшего утром дождя повеял мне в лицо, когда неожиданно я увидела Тишкина, стоявшего за углом. Может быть, я пробежала бы мимо него, но какое-то странное выражение всей его фигуры приковало меня. Он стоял, наклонившись всем корпусом, и как будто рассматривал что-то на стене. Около его лица приходился нижний край оконного наличника, так же потемневший от времени или, может быть, от дождя, как брёвна стены, но угол его был отщеплён, и там белело свежее дерево.

«Что он там увидел такое интересное?» — подумала я и остановилась около большой бочки, подставленной под жёлоб и полной дождевой водой. В это время и Тишкин заметил меня.

Я хотела подойти, посмотреть, что он разглядывает, но Тишкин замахал рукой.

— Чего уставилась? Тебе тут делать нечего,— сказал он.

Меня поразило то, что Тишкин сказал это очень тихо. Обычно голос у него был громкий, визгливый. Я побежала домой.

И вот пока я прыгала то одной, то другой ногой в большие следы, протоптанные от крыльца по грязному двору, стараясь не запачкать туфли, передо мной складывалось и складывалось какое-то ещё не ясное мне самой ощущение того, зачем Тишкин стоит, наклонившись, под окном барака, где жили фабричные и откуда я только что вышла.

Почему-то вспоминалось, как он своей неспешной и даже медлительной походкой проходит по двору, как курит и, прежде чем бросить окурок, поворачивает его к себе обгоревшим концом и плюет на него и что отец мой называет его «этот мерзавец Тишкин». Всё наполняло меня сейчас каким-то противным чувством, и по спине моей пробежал озноб. И вдруг я с неожиданной точностью увидела перед собой окно, у которого он стоял, и ясно вспомнила этот отщеплённый внизу угол наличника. Ведь это Ваня отщепил его, когда лез в свою комнату через окошко! Мы играли тогда в классы около их окна, а он смеялся и говорил: «Девчонкина игра...»

В передней я сразу же с радостью услышала звуки скрипки отца и, не вытерев ног, вскочила в комнату. Мама была в кухне.

— Папа, знаешь, там Кондратьев пришёл,— шепнула я, помня, что обещала Кондратьеву сказать отцу тихонько,— и он хочет повидаться...

Но, говоря об этом, я чувствовала, что есть ещё главное, о чём надо сказать отцу... Как я поняла это,— не знаю.

— Ну, и очень хорошо,— ответил отец.— Вот ноги ты не вытерла. В такую грязь лучше уж в калошах ходить.

— ...Они там все сидят, смотрят картинку...

— Какую картинку? И где сидят? — спросил отец.

— Где Ваня живёт... где Дуняша раньше жила...— И тут я неожиданно для себя

Помощник мастера Тишкин.

быстро сказала: — А Тишкин стоит под их-ним окном, подглядывает.

— Ладно, беги к маме,— внезапно вставая из-за стола, сказал отец. Он торопливо положил скрипку в футляр, прошёл в переднюю, взял фуражку и вышел.

Но я не пошла к маме, а выскочила на крыльцо и увидела, как отец идёт к бараку. Вот он поровнялся с дверью, вот, не заглянув за угол, открыл дверь и вошёл. Значит, он не понял, где стоит Тишкин? А ведь так заторопился, когда про него услышал! Я побежала к бараку, заглянула за угол и увидела, что Тишкин куда-то ушёл. Ну, теперь отец скажет, что никакого Тишкина не было и я «напрасно путаю», как он иногда говорит.

Я раздумывала об этом, когда отец спокойно вышел из общежития. Он заметил меня, подозвал и, ничего не сказав мне, обнял за плечи и повернул к нашему крыльцу. Вдруг из дворницкой вместе с молодым сторожем Матвеем появился Тишкин. Они оба направлялись к двери барака, и в это время оттуда навстречу им, о чём-то весело разговаривая, вышли Кондратьев и несколько рабочих. Они шли, не обращая внимания на Тишкина, который, завидев их, остановился и даже отступил немного в сторону, пропуская идущих.

— С прибытием вас, господин Кондратьев! — насмешливо сказал Тишкин с шутовским поклоном.

Кондратьев остановился и прямо посмотрел на него прищуренными глазами. Всё лицо его, большой лоб и прямые, сейчас сведённые у переносицы брови — всё выражало презрительное негодование.

— Смотри, Тишкин,— сказал он,— как бы тебе худо не было!

— А мне за что? — нагло ответил Тишкин.

— Продаёшь...— Кондратьев помедлил.— Так помни: себе дороже станет.

И, сопровождаемый рабочими, он не спеша пошёл к воротам.

Матвей быстро кинулся к проходной будке и вместе с другим сторожем остановил идущих. Пропуская их по очереди мимо себя, он проводил обеими руками по их бокам и карманам но, видно, ничего не обнаружил. Последним прошёл Кондратьев.

Прошла неделя, а может быть, и больше. Однажды отец вынул скрипку, посидел немного, положил её на колени, потом встал и взял с полки несколько тетрадей нот.

Он открыл одну тетрадь и поставил на пюпитр. И вдруг выскользнула и развернулась сложенная вчетверо плотная бумага. Я подбежала и подняла её: это была та самая картинка, которую я видела в руках Кондратьева. «Давай-ка её сюда! — сказал отец, протягивая руку,— это нужная мне вещь». Я поняла, что он тогда взял эту бумагу у Кондратьева и спрятал у себя.

Много лет спустя такой агитационный листок я увидела в Ленинском музее и хорошо рассмотрела и прочитала то, чего не могла увидеть в детстве. Это — приложение к ленинской газете «Искра», изданное Союзом рабочих социал-демократов. Повыше, над рядом солдат с ружьями, нарисованы священники и монахи в чёрных рясах, и там написано: «Мы морочим вас». В следующем ряду изображено совсем немного людей, и около них стоит надпись: «Мы правим вами»; а на самом верху помещаются только царь и царица, и там написано: «Мы царствуем над вами».

Внизу были стихи:

Но настанет пора — возмутится народ,
Разогнёт он согбенную спину,
Дружным, могучим напором плеча
Опрокинет он эту махину.

(Продолжение в следующем номере)

Фигурист

Мих. Львовский Рисунки Г. Валька.

Кружит снежинок хоровод,
Морозный воздух чист...
По льду в стремительный полёт
Пустился фигурист.

Смотрите: вот зигзаг на льду!
Сверкнув коньками, тут
Он, словно птица, на лету
Переменил маршрут.

Вот прыгнул он, а вот он вдруг
Кого-то обогнал,
Остановился, сделал круг
И... кажется, упал.

Но вот он, выйдя на простор,
В пружину сжался весь...
Какой затейливый узор
Он нарисует здесь?

А может, просто для того
Он убыстряет ход,
Чтобы могли принять его
Снежинки в хоровод?

Наверно, он мечтал давно
Таким же лёгким стать...
Наверно, это всё равно
Пером не описать.

Снежинки кружат всё быстрей.
Морозный воздух чист,
И в свете белых фонарей
Танцует фигурист.

У нас в отряде

РАССКАЗ НА СБОРЕ

...Так вы хотите знать, как мы работаем на целинных землях, ребята?

Когда мы приехали в Казахстан в прошлом году, у большинства из нас ещё не было никакой сельскохозяйственной специальности. Поэтому нас послали в школу механизаторов, на курсы трактористов. Мы проучились там три месяца. И вот наконец нас отправили в совхоз. Приехали. Как вы думаете, ребята, что мы увидели? Посёлок? Дома?.. Нет. Показали нам в степи колышек, забитый в землю, и сказали: «Вот здесь будете строить свой совхоз!» А кругом на пятьдесят — шестьдесят километров во все стороны лежала земля нашего совхоза. Та самая земля, которую мы должны были вспахать, засеять, на которой нам предстояло строить, работать и жить.

Мы решили назвать свой совхоз Краснопресненским, потому что большинство из нас, новосёлов, приехало сюда по путёвкам Краснопресненского райкома комсомола Москвы.

Чтобы удобнее было работать, разделили территорию совхоза на пять участков-отделений. И разъехались по степи.

Мы разбили свои палатки на берегу озера. Озеро огромное, километров двенадцать в окружности. Кругом степь, покрытая высокой густой травой. Много цветов, ягод. И клубника и малина есть. А дикой вишни (она здесь растёт совсем низенькими кустиками) столько, что хоть вёдрами собирай! В озере много рыбы. Над озером, не смолкая, кричат дикие утки, гуси, гагары. В степи полно куропаток! И такие просторы вокруг!.. Очень нам понравилось на новом месте.

Принялись за работу. Пахать целину нелегко. Будто тысячами тонких проволочек переплетена она корнями растений. Трудная это земля, непокорная. Её и плуг не берёт. Но нам дали новые дизельные тракторы, очень мощные. С такими машинами-богатырями можно работать. Пашешь, пашешь, потом оглянешься — сердце радуется смотреть на чёрные жирные полосы. Веками копила эта богатая чернозёмная земля свою силу.

Вы, наверное, и не представляете, какие огромные у нас поля. Бывает, что в одну сторону трактор идёт километров десять!

План нам дали большой: за лето поднять двадцать семь тысяч гектаров целинной земли. Работали много, по двенадцать — тринадцать часов в сутки, часто без выходных дней.

Трудно было? Да. Трудно. Не хватало опыта в работе, сноровки, умения. Да и наладить сразу такое большое хозяйство нелегко. Подвоз горючего — и то сложная вещь в наших краях: ведь от нас до ближайшей железнодорожной станции двести километров. А дорог-то ещё нет!

Но молодёжь относилась к работе горячо. Ведь у нас большинство — комсомольцы! И приехали мы сюда по призыву партии.

Вместо двадцати семи тысяч наш совхоз поднял тридцать три тысячи гектаров целинных и залежных земель. Мы оказались на первом месте по всей Кустанайской области.

Приближалась осень. Всё лето мы жили в палатках, а теперь пора было подумать и о зимнем жилье. К некоторым нашим товарищам приехали дети. Первого сентября им в школу идти, а школы ещё нет. Значит, надо строить.

Выделили специальные строительные бригады. Но не только они строили, все мы — и трактористы, и прицепщики, и нормировщики — после работы в поле ещё часа по три стали работать на строительстве.

И вот у нас вырос большой посёлок. Поставили мы двадцать восемь разборных домиков, два из них — двухэтажные. Есть у нас теперь и школа, и клуб с библиотекой, и больница хорошая, даже с рентгеновским кабинетом.

Леса здесь нет, поэтому мы строили не только деревянные дома: рубили на кирпичи пласты дёрна, складывали из них стены, снаружи и внутри штукатурили их, белили. Потолок и пол делали деревянными. Получились уютные домики, вроде украинских хаток. Провели в них электричество, радио.

В общем к зиме мы подготовились хорошо. А зимой работы меньше, хотя, конечно, тоже хватает.

Весна у нас быстрая, не подготовишься — упустишь время. А нам нужно будет тридцать три тысячи гектаров засеять за десять — двенадцать дней. Уж тут, сами понимаете, ребята, чтобы справиться с этой рабо-

В отряде дорогие гости — трактористы с целинных земель Василий и Валя Калинины.

той, надо, чтобы всё шло без задержки. Вот мы и готовимся к весне сейчас.

Зимой мы все не только работаем, но и учимся. Два раза в неделю у нас занятия по агротехнике. Многие поступили в вечернюю школу рабочей молодёжи.

Не прекращаются зимой и строительные работы. На озёрах у нас большие заросли камыша — огромного, метра три высотой. Вы такого, наверное, и не видели никогда. Этот камыш — прекрасный строительный материал. Каркас дома делают деревянный, а стены покрывают толстыми камышовыми матами.

Наш совхоз решил заготовить двести тысяч кубометров такого камыша. Зимой он сухой — самый подходящий для строительства, — и добывать его легко: озеро замёрзло, по нему не только ходить, но и на тракторе свободно ездить можно. Мы приделали к трактору огромный двухметровый нож и приспособились косить камыш трактором.

Увлекается у нас молодёжь и спортом. На озере мы расчистили каток, а для лыжных прогулок простору сколько угодно.

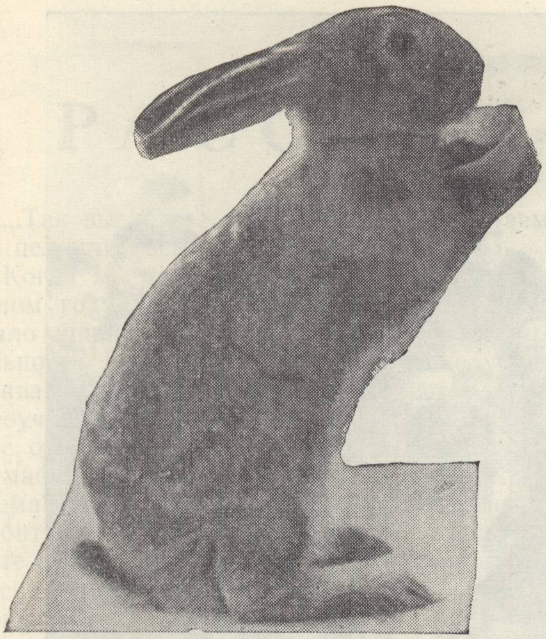
Так вот мы и живём на новом месте. Стараемся устроиться хорошо, основательно. Многое мы уже сделали, а многое ещё впереди: планы у нас огромные. И если вы, земляки-краснопресненцы, через несколько лет приедете к нам, будем очень рады. Работы и на вашу долю хватит!

* * *

Этот рассказ услышали пионеры 6-го класса «А» 83-й московской школы на своём отрядном сборе. Отряд пригласил в гости молодых трактористов Василия и Валю Калининых, которые приехали в Москву из Казахстана, с целинных земель, чтобы провести здесь свой отпуск. Раньше они работали на заводе «Пролетарский труд», который шефствует над 83-й школой.

Стараясь не пропустить ни слова, слушали ребята молодых трактористов. Вот что написал нам об этом сборе пионер Серёжа Стеркин:

«Мы долго не отпускали наших гостей. Задавали им много вопросов. Обо всём хотелось разузнать поподробнее. Но больше всего нас интересовало, какие профессии всего нужнее на целине. Потому что очень многие ребята нашего отряда мечтают тоже поехать работать на целинные земли...»



КАК ПУШИНКА ИЗМЕНИЛА ПРИВЫЧКИ

А. Дорохов

На школьной ферме

На столе сидел большой белый кролик.

Он сидел совершенно спокойно, нисколько не опасаясь обступивших его ребят и лишь слегка поводя длинными ушами. Блестели, как бусинки, круглые глаза, чуть шевелился чуткий носик.

К столу подошла девочка с туго заплетёнными косичками. В руках у неё была небольшая коробочка, сделанная из картонного стаканчика из-под мороженого. Девочка встряхнула коробочкой; в ней что-то, шурша, пересыпалось.

Услышав этот звук, кролик насторожил уши, приподнялся и сел на задние лапки. Он сидел и служил, словно дрессированная собака.

Девочка протянула кролику коробочку. Продолжая сидеть на задних лапках, кролик крепко схватил коробочку передними и, держа её перед своей мордочкой, стал с аппетитом жевать хрустящие зёрна овса.

— Видите, какие у нас воспитанные кролики? — улыбнулась девочка. — Кушают из мисок, как ребята в детском саду.

Да, таких «учёных» кроликов не увидишь, пожалуй, больше нигде. Ведь обычно кролики сидят в своих клетках и жуют корм, не поднимая головы.

— А хотите посмотреть, как обедают наши свинки? — спрашивает мальчик с яблоком в руке.

Он подходит к большой клетке, за проволочной сеткой которой видны две толстые морские свинки: белая и чёрная. По обе стороны клетки устроены из фанеры маленькие домики с прилавками, вроде тех ларьков, в которых продают на рынке овощи.

Мальчик поднимает проволочную стенку клетки, и свинки с взволнованным писком опрометью мчатся в домики — каждая в свой. Белая спешит налево, чёрная — направо. Они вскакивают передними лапами на прилавки и тычутся мордочками, что-то ища.

— Это они пришли в свои столовые обедать,— объясняет мальчик. — Ну, нате, получайте!

Он кладёт на прилавки по кусочку яблока, и свинки быстро уничтожают лакомство.

— А теперь домой!

Мальчик осторожно подхватывает свинок за жирные загривки и водворяет обратно в их жилище.

В большой клетке в углу мелькнуло и скрылось что-то серое.

— Проснулся, бельчонок? — говорит одна из девочек. — Ну-ка, иди за угощением!

Девочка отпирает дверцу клетки. Оттуда высовывается маленькая головка с крохотным чёрным носиком, чёрными блестящими глазками и серыми ушками с длинными рыжеватыми кисточками на концах. Головка осматривается, носик, вздрагивая, принюхивается к воздуху. Всё как будто спокойно.

И вдруг одним неуловимым движением из клетки вылетает изящная, грациозная белочка с великолепным пушистым хвостом. Мгновение — и хорошенький зверёк уже проносится по плечам открывшей клетку девочки, стремительно пробегает по её груди и забирается носом в карман школьного передника.

— Вот и нет ничего! Не там ищешь, — смеётся девочка и протягивает зверьку ладонь, на которой лежит несколько арбузных семечек.

Белочка усаживается на руке девочки, аккуратно берёт передними лапками с её ладони семечко за семечком и мгновенно разгрызает их своими острыми, как иголки, зубками.

— Она у нас лакомка, — говорит девочка. — Смотрите, сколько сегодня нагрызла орехов — весь пол в скорлупках. А вы знаете, что она любит больше всего? Конфеты «Золотой ключик»! Думаете, зачем она лазила в мой карман? Искала, не спрятана ли там конфета.

— Она не только лакомка, но и модница, — перебивает другая девочка. — Каждый сезон меняет шубку. Зимой носит серенькую, летом рыженькую. На воле это очень кстати: чем меньше будешь заметен, тем легче укрыться от врагов. А ребята, которые не знают о защитной окраске, думают, что у нас живут две белочки — серенькая и рыженькая—и что на уроках мы показываем то одну, то другую.

— У нас и карась учёный, — говорит басом совсем маленький мальчик и подводит меня к окну, на котором стоит небольшой аквариум. — Вот!..

Мальчик ведёт пальцем по поверхности воды. И почти тотчас откуда-то из глубины показывается рыбка. Она подплывает к пальцу, высовывает рот из воды и смешно чмокает губами. Мальчик насыпает в воду корм. Сквозь прозрачную стеклянную стенку видно, как рыбка ловит ртом медленно опускающиеся вниз крошки.

— И как же всё это называется? — спрашивает у ребят стоящая у стола седая женщина с добрым лицом и весёлыми глазами.

— Выработка новых условных рефлексов, — хором отвечают девочки и мальчики, толпящиеся в заставленной клетками, аквариумами, растениями и чучелами комнате, где живут такие забавные зверьки.

Звонок к обеду

Эта узкая и тесная комната, отгороженная дощатой стенкой от школьной раздевалки, — уголок живой природы Лосино-Петровской средней школы. Здесь юные животноводы школы выхаживают и воспитывают своих бегающих, плавающих и летающих питомцев.

Главное, чем заслуженно гордятся ребята и руководительницы кружка юных натуралистов — преподавательницы биологии Любовь Евсеевна Тихомирова и её дочь Ираида Сергеевна, — это замечательное кролиководческое хозяйство, которое ведут сами ребята.

Начало этому хозяйству было положено в конце 1949 года, когда кто-то из ребят принёс в класс крольчиху Чернушку. Пушистой гостье оборудовали клетку в уголке живой природы, и она стала там жить.

На уроках биологии Любовь Евсеевна знакомила ребят с учением великого русского физиолога Ивана Петровича Павлова об условных рефлексах.

Рефлекс — это ответ организма на какое-либо раздражение.

Как только рыбки заметят палец, они тотчас поднимаются к нему.

Есть рефлексы врождённые. Они передаются по наследству.

Если щенок или котёнок случайно коснётся горячего, он тотчас отдёрнет лапу, хотя бы до этого ещё ни разу не встречался с горячими предметами. Если на животное направить яркий свет, оно закроет либо прищурит глаза. Если на маленькое животное громко крикнуть или замахнуться, оно либо отскочит либо прижмётся к земле. А животное посильнее в таком же случае оскалит зубы либо выпустит когти.

Всё это врождённые рефлексы. Они помогают животному сохранить жизнь среди бесчисленных опасностей, которые окружают его в природной обстановке.

Но есть и другие рефлексы — условные. Они вырабатываются у животных в результате жизненного опыта.

Стоит, например, птичнице закричать «цып-цып-цып», все куры опрометью несутся прямо к ней. Звук этих слов всегда связан с тем, что из рук птичницы падают зёрна. У кур выработался условный рефлекс, заставляющий их бежать туда, где слышится этот звук.

А вот ещё один воспитанник юннатов — лисёнок Рыжик. Он умеет есть с ложки.

Условные рефлексы помогают животному приспособиться к постоянно изменяющимся условиям существования.

Изменяя условия, в которых находится животное, можно выработать у него различные новые привычки — условные рефлексы.

Рассказ Любови Евсеевны очень заинтересовал ребят. Они решили провести опыт с Чернушкой: научить её подбегать к дверцам клетки на звук пересыпаемого овса. Перед каждой кормёжкой ребята несколько минут пересыпали перед клеткой овёс в коробочке. Сначала Чернушка не обращала на это никакого внимания. Но постепенно этот звук стал вызывать у неё представление о корме. У Чернушки выработался новый условный рефлекс. Стоило теперь чуть-чуть пошуметь коробочкой, и крольчиха тотчас подбегала к дверям клетки и ждала пищи. Шуршание овса стало для неё звонком к обеду.

На столе — Пушинка

Чернушка положила начало кроличьей ферме Лосино-Петровской школы. В феврале 1950 года у неё народилось восемь крольчат.

Ребята так внимательно и заботливо за ними ухаживали, что все крольчата выжили, выросли и тоже стали обзаводиться семействами.

Вскоре кроликов развелось столько, что они не помещались уже в «уголке живой природы». Тесно стало и в отведённом под ферму дровяном сарайчике, где ребята построили несколько этажей клеток. Теперь оставляли только самых пушистых и самых крупных крольчат. Остальных раздавали юннатам других школ, дарили детским садам, продавали. Кроличья ферма начала давать школе доход.

Но самое главное, кролики стали незаменимым учебным пособием. Пособием не только наглядным, но и живым.

Вот Любовь Евсеевна ведёт урок биологии. Она только что рассказала ребятам, как при помощи пищи можно выработать условный рефлекс. Затем она приглашает к столу Люду Люкевич.

Люда выходит не одна. У неё подмышкой белая Пушинка. Люда сажает Пушинку на стол и протягивает ей коробочку с овсом. Крольчиха садится на задние лапки, берёт коробочку в передние и начинает есть.

— А теперь расскажи ребятам, как ты этого добилась,— говорит Любовь Евсеевна.

И Люда рассказывает, что когда Пушинка была ещё совсем маленькой, она часто поднималась на задние лапки и старательно тёрла себе мордочку передними. Это она умывалась, как умываются кошки.

И Люда решила воспитать у Пушинки новый навык. Научить её держать коробочку с пищей.

Многие ребята недоверчиво посмеивались. Они считали, что из этой затеи ничего не получится. Но Люда решила добиться своего.

В другой раз Любовь Евсеевна вызывает к столу Валю Шалимову, и та показывает своего Милета, который умеет обращаться с резиновой соской.

Этот серенький крольчонок остался сиротой на девятый день после рождения. Ребята пробовали кормить его молоком с блюдца, но из этого ничего не получалось. Крольчонок фыркал, захлёбывался и расплёскивал всё молоко.

Тогда Валя Шалимова достала детскую резиновую соску и научила малыша сосать из неё молоко.

Сейчас Милет, которого ребята называют искусственником,— большой, толстый кролик. Но привитая в детстве привычка у него осталась. Стоит протянуть ему соску, как он крепко прижимает её лапками и начинает с аппетитом тянуть из неё молоко.

Каждый член кружка гордится тем, что сумел выработать какой-нибудь новый условный рефлекс у одного из обитателей «уголка живой природы».

Морских свинок, например, научила бегать обедать в столовую Наташа Ермакова. А старика-карася (он живёт в своём стеклянном озерке уже шестой год) приучила подплывать к опущенному в воду пальцу Лиза Рябчикова.

Беляк привык обедать, сидя на задних лапках.

Хлопотливая семейка

Сколько забот проявляют юные животноводы о своих питомцах!

Ведь даже неприхотливый кролик требует внимания и ухода. Надо придти в школу задолго до начала занятий, вычистить клетку, переменить подстилку, покормить прожорливого зверька, налить чистой воды в поилку, принести сена. А летом надо обязательно нарвать свежей травы и веточек. У грызунов очень быстро растут зубы. Но на воле они постоянно грызут молодые деревца и стачивают зубы. А что делать кролику, сидящему в клетке? Если не подкладывать ему веточек, которые он мог бы грызть, то зубы у него вырастут такими длинными, что будут мешать зверьку есть.

Летом и зимой ребята обязательно выносят своих питомцев на прогулку. Здесь надо зорко оберегать кроликов. Их могут обидеть даже куры, не говоря уже о собаках и кошках. Недаром, услышав крик петуха, ленивый Мякиш опрометью бежит к своему шефу Вите Рябчикову и прижимается к его коленям, ища защиты.

Впрочем, не все кролики такие трусливые и кроткие. Вот, скажем, Буянка вполне заслужила своё прозвище. Первое время стоило взять её на руки, как она начинала вырываться и так кусаться и царапаться, что никто не хотел иметь с ней дело.

Перевоспитать Буянку сумела Валя Садовская. Но для этого ей понадобилось очень много терпения. Поначалу все руки у Вали были исцарапаны и искусаны, но она продолжала ласково обращаться со зверьком. И постепенно характер Буянки исправился. Сейчас она даёт себя гладить и брать на руки.

Так Валя наглядно показала, как можно воспитанием добиться, чтобы у животного исчезла врождённая боязнь человека и угас оборонительный рефлекс.

На своей ферме ребята получают первые навыки по животноводству.

Пользуясь мичуринскими методами, они учатся выводить либо очень крупных кроликов, мясо которых идёт в пищу, либо кроликов, покрытых особенно длинным и волнистым пухом. Ребята заботливо хранят белоснежный пух Белянки, в котором волоски достигают одиннадцати сантиметров длины, пух Буянки длиной в двенадцать сантиметров и голубой пух Красавчика и Дымки.

Девочки вяжут из этого пуха чудесные пушистые и тёплые рукавички, шапочки, шарфы и фуфайки. Ведь лучшие кролики фермы дают за год до трёхсот граммов пуха, а на варежки надо всего сорок граммов.

Ю. Новикова

Рисунки В. Цельмера.

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ТЕАТР

Как-то мы с одним товарищем написали пьеску для передачи по радио. В ней среди прочего был школьный концерт. Мы тогда плохо ещё знали возможности радио, и нам казалось, что номера в таком концерте должны быть рассчитаны только на слух — ну, там, песни, стихи. Не давать же, скажем, танцы, раз их не видно.

И вдруг режиссёр Николай Литвинов — вы все, должно быть, слыхали его имя — говорит нам:

— Если можно, включите, пожалуйста, в концерт и выступление фокусника.

Мы удивились.

— Зачем, Николай Владимирович? Ведь фокусов-то никто не увидит...

— А вы всё-таки включите.

Мы не стали спорить и ввели в концерт выступление школьного «факира». Но про себя мы подумали, что Николай Владимирович чудит.

Наступил день первого прослушивания — волнующий день для режиссёра, актёров, авторов, редакторов и ещё многих людей, которые трудятся над одной небольшой передачей. В этот раз на прослушивание, кроме взрослых, пригласили и пионеров из соседней школы.

Началось действие, где шёл концерт. Мы прослушали песенку, стихи... Приближалось выступление фокусника. Выход его подготовила музыка, цирковая, весёлая и какая-то волшебная, после которой невольно ждёшь чего-то необыкновенного. И, должно быть, поэтому загадочным, интригующим показался звонкий голос факира:

— Видите эти три стаканчика, ребята? Наливаем в них жидкость. Какого она цвета? Зелёного? Отлично!.. А сейчас я накрываю стакан платком. Раз, два...

— Погляди! — подтолкнул меня локтем мой товарищ и показал на одного из приглашённых ребят, мальчика лет одиннадцати.

У мальчика горели щёки, он вытянул шею, он даже привстал... Было совершенно ясно, что он не «слушает» передачу, а «смотрит» её. Могу поручиться, что он видел сейчас всё: и факира в белой чалме, и платок, наброшенный на стаканчики, и даже школьную сцену.

— Раз, два, три! — крикнул факир, и мальчик просиял. Он явственно увидел, как фокусник сбросил платок и в стаканах, сверкнув, заиграла рубиново-красная жидкость...

Слушая передачу, мы «видим» факира в белой чалме.

Теперь мы поняли, что Николай Владимирович был прав... «Фокусы» оказались одним из самых интересных номеров радиоконцерта. Значит, художественную радиопередачу можно не только слушать, но и видеть. И, значит, радио — тот же театр, но театр с невиданным количеством публики: ведь передачу слушает чуть ли не весь земной шар... И так же, как во всяком другом театре, есть на радио не только свои режиссёры и актёры, но даже и свои художники — мастера декораций.

ЗВУКОВЫЕ ДЕКОРАЦИИ

— Нет, тут что-то не так, — скажете вы. — Какие же на радио декорации?

Верно, в эфире не нарисуешь ни дремучего леса, ни синего моря, ни высокого терема. Мы ведь говорим не о телевидении. А всё же декорации на радио существуют. Только это декорации совсем особенные, звуковые.

Есть на свете такие звуки, которые могут вызвать у нас в воображении и синее море и дремучий лес, могут перенести в любую страну... Это звуки музыки. Из репродуктора льётся старинная русская мелодия, жужжат прялки, и невольно в нашей фантазии возникает узорчатая горница, где прядут под окном три девицы, а простодушный сказочный царь подслушивает их «позадь забора». Это «звуковая деко-

рация» к пушкинской «Сказке о царе Салтане».

Протяжная, гортанная песенка переносит нас на далёкий остров Кубу. И под звуки гавайской гитары фантазия, как лучший живописец, нарисует нам синие волны, жёлтый песок, смуглые лица кубинцев... И выступление фокусника, о котором мы рассказали вначале, тоже шло на фоне звуковой музыкальной декорации, умело поставленной режиссёром.

Музыка бывает не только вступлением: она сопровождает и окрашивает всю передачу. Талантливый режиссёр с помощью музыки изобразит печаль и радость, музыкой подчеркнёт тему пьесы и характеры героев. Если вам случалось слышать по радио сказку «Преданный друг», в которой говорится про хитрого, лицемерного мельника и простодушного бедняка Ганса, вы, должно быть, запомнили песенку, которая там поётся. Она повторяется несколько раз, но каждый раз звучит по-иному: то грустно, то нежно, то иронически, выделяя все оттенки этой насмешливой и печальной сказки.

Но «звуковыми декорациями» чаще всего называют не музыку, а шумы.

Иные шумы делаются очень просто.

— Давай дождь! — кричат в радиостудии.

И вот выдвигают длинный ящик, в котором пересыпается горох. Стучат, перекатываясь, горошинки, а нам кажется, что это барабанят о стёкла капли дождя.

Звучит в репродукторе тревожная и стремительная музыка, и вы «видите» белокрылых лебедей, уносящих Иванушку.

Но к таким простейшим звуковым декорациям взыскательный режиссёр прибегает редко. Ведь дело не в том, чтобы звук — дождь или раскаты грома — был точь-в-точь такой, «как в жизни». Гораздо важнее передать общее настроение действия. Особенно это важно для необычных, волшебных происшествий, для сказки.

«Как сделать шумы и голоса действительно сказочными, фантастическими, волшебными?» — ломают себе голову мастера звуковых декораций, приступая к работе над сказкой, которую будут передавать по радио.

КАК ДЕЛАЕТСЯ СКАЗКА

Не знаю, как вы, а я в детстве, смотря сказку на сцене, каждый раз испытывала разочарование. Как бы ни были наряжены и загримированы артисты, всегда они казались слишком большими, плотными, обыкновенными, слишком — людьми...

Слыхали вы, как шумит море, когда на берег выходят богатыри?

В кукольном театре — другое дело. Говорящие куклы — сами по себе уже «чудо».

И всё же чудесней всего сказка на радио. Есть какое-то удивительное, подлинно волшебное обаяние в голосах, которые то доверчиво шепчут слова прямо вам на ухо, то улетают далеко-далеко, и тогда за ними угадываются туманная даль, ветер, просторы...

Слыхали вы, как шумит море, когда на берег выходят тридцать три богатыря? А помните чешскую «Сказку о Гонзе»: как перекликаются там голоса в лесу, как гулко отдаются они в высоких залах дворца?

А сказочный, тоненький голосок Буратино? Именно таким и представляется нам голос деревянного мальчишки, когда мы читаем сказку «Золотой ключик». Чем это достигается?

Мастера звуковых декораций ломали себе голову не зря. В поисках «волшебства» они призвали на помощь технику.

Есть, например, такой прибор — ревербиратор: он изменяет, «размывает» звуки. К нему и обращаются в некоторых случаях постановщики сказки. Когда в сказке о Гонзе голоса гулко отдаются в огромных дворцовых залах, это значит, что в студии работает ревербиратор, делая звуки широкими, «размытыми», гулкими.

Что же касается Буратино... Но давайте по-сказочному перенесёмся на несколько лет назад и заглянем в студию в тот момент, когда там «записывается»

на плёнку «Буратино» — Николай Литвинов.

И тут мы услышим, что Литвинов поёт и говорит совсем не тоненьким, высоким голосочком, а обычным своим голосом. Откуда же берётся писклывый голосок Буратино?

А дело в том, что, пока Литвинов поёт или говорит, голос его записывается замедленно... Если пропустить плёнку с той быстротой, с которой сделана запись, Буратино будет говорить медленно-медленно, как заика, которого отучают заикаться.

Но плёнку с замедленной записью пропускают через аппарат побыстрее. А чем быстрее пропускается плёнка, тем выше и тоньше звучит записанный на ней голос... Таким образом и получается хорошо знакомый нам тоненький голосочек Буратино, непохожий на обычный голос артиста Литвинова.

И вот у Литвинова, артиста с богатым, разносторонним дарованием, появилась возможность сыграть сразу две роли: Буратино и папу Карло. Николай Литвинов разговаривает с Николаем Литвиновым. Мало того: Литвинов поёт с Литвиновым дуэт, да так, что оба голоса звучат одновременно...

Но прежде чем объяснить, как это делается, мы вам расскажем ещё одну коротенькую историю.

ЗАОЧНЫЙ ДУЭТ

Случилось это так. В студии шла работа над радиопостановкой «Дети Горчичного рая» по книге Н. Кальмы. Вы, наверно, читали эту книгу и помните одного из её героев — негра, певца Робинсона. Образ этого человека во многом напоминает знаменитого артиста и неустанного борца за мир Поля Робсона.

В радиопостановке, разумеется, было и пение Робинсона: его дуэт с Салли.

И вот Розе Иоффе — режиссёру постановки — страстно захотелось, чтобы в этом дуэте принял участие сам Поль Робсон.

Николай Литвинов разговаривает с Николаем Литвиновым.

Она была убеждена, что только тогда эта песня, да и вообще передача, прозвучит «во весь голос».

— Что ты, в самом деле?! — говорили ей товарищи.— Это ж напрасные мечты! Ты же знаешь, что Робсон, как бы он ни хотел, к нам сейчас приехать не может: его не выпускают из Америки... Придётся тебе как-нибудь без него обойтись...

Репетиции шли полным ходом, а упрямый режиссёр всё не расставался со своей «напрасной мечтой».

И Роза Иоффе нашла выход. Она отыскала пластинку Робсона, исполнявшего ту же песню, что пели в дуэте. Пластинку переписали на ленточку магнитофона. Артистка Ефрон, певшая партию

Поль Робсон — за океаном, а голос его здесь, в студии, звучит в заочном дуэте с певицей Ефрон.

Салли, надев наушники, слушала пение Робсона и вторила ему. Её пение вместе с пластинкой, одновременно, записывалось третьим аппаратом... Так наша, советская артистка спела в этой передаче дуэт с находившимся за океаном Полем Робсоном. И ребята, сидевшие в тот день у репродукторов и приёмников, с восторгом услышали могучий, широкий голос прославленного певца...

Способ, о котором мы только что рассказали, называется «наложением», к нему теперь нередко прибегают на радио. Именно таким образом — «наложив» одну запись на другую — и получили дуэт Буратино-Литвинова с Карло-Литвиновым. С помощью «наложения» один человек может спеть не только дуэт, но трио, квартет, а если потребуется, превратится в целый хор...

«Значит, артисту на радио легко,— подумаете вы,— ему помогает техника».

Нет. Техника не заменяет искусства, мастерства...

Техника может сделать голос Буратино писклывым и тонким, но не техникой создаётся образ вертлявого, любопытного деревянного мальчишки, его создаёт артист. Как в каждом театре, на радио важней всего, главней всего игра актёра.

АКТЁРЫ-НЕВИДИМКИ

Мы даже не отдаём себе отчёта, как важны для нас в театре костюм актёра и грим. Посмотришь на героя — и иной раз прежде, чем он вымолвит слово, догадаешься, добрый он или злой, робкий или отважный, не говоря уже о таких вещах, как возраст или эпоха. А на радио актёр должен создать образ героя только с помощью голоса, интонации. Голосом актёра на радио создаётся внешний облик героя.

А жест и мимика? Как часто слова в театре подкрепляет выразительный жест! У актёра на радио нет возможности прибег-

нуть к таким средствам. Слово заменяет ему всё. Актёр, выступая по радио, должен придавать слову особую силу, выразительность, правдивость. А это — большое искусство.

И не нужно думать, что исполнитель роли в радиопьесе — только чтец. Нет, он играет, играет, как на сцене, хотя его и не видят зрители.

Загляните в радиостудию, когда там репетируется сцена с танцами, и вы увидите, что актёры, исполняющие эту сцену, танцуют. «Зачем? — спросите вы. — Ведь слушатели не увидят танца!» Да, но голос у танцующего человека звучит иначе, чем у человека, стоящего спокойно. Услышав голос танцующего актёра, слушатель легче сможет нарисовать в своём воображении сцену танца.

Актёр, играющий по радио, актёр-невидимка, непременно перевоплощается в своего героя так же, как и актёр в театре... Когда артист Абдулов играл в радиосказке Бабу-Ягу, все видевшие его в то время вспоминают, как преображалось его добродушное лицо, какое злобное выражение появлялось в его глазах... Игра по радио должна быть такой же правдивой, как в лучшем театре, но от актёров-невидимок требуется ещё особое умение владеть своим главным чудесным инструментом — голосом.

Конечно, очень важны и звуковые декорации и интересная режиссёрская выдумка. Но только талантливая, правдивая, тонкая игра актёров делает радиопьесу, как и «зримую» пьесу, настоящим праздником для маленьких и больших.

В Грузии на склоне горы Кохта приютился маленький городок Бакуриани.

Лыжники любят Бакуриани. Сюда съезжаются на тренировки мастера, здесь по заснеженным склонам, по горным кручам с бешеной скоростью скользят слаломисты. Здесь с сорокаметрового трамплина птицами взлетают мастера лыжного прыжка и, «приземлившись», плавно скользят по сверкающему на солнце плотному зернистому снегу.

В Бакуриани, как и всюду, есть школы. Как вы думаете, могут ли юные жители гор, школьники Бакуриани, не увлекаться лыжами? У них на глазах из года в год крупнейшие мастера этого спорта показывают своё искусство, силу, ловкость, удаль.

Вот фотография. Она говорит сама за себя. Посмотрите на этого мальчика. Он уже оторвался от самодельного трамплина и начал свой смелый полёт. Друзья следят за прыжком и ждут своей очереди.

Фото А. Морозова.

Зоя. Портрет работы Л. Голованова.

ЗОИНЫ ГЕРОИ

Ф. Вигдорова

Всем нам знакомы слова Горького о том, что книга,— быть может, наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворённых человечеством. С особенной отчётливостью и непреложностью я поняла это, когда читала записную книжку Зои Космодемьянской. По скупым, беглым зоиным записям, по строчкам и отрывкам, которые она переносила на листки своей книжки, можно было видеть, что занимало Зою, что тревожило её, над чем она задумывалась, с чем спорила. Видно, как книга и её герои помогали Зое понять непонятое, учили лучше, вернее узнавать людей и жизнь.

Те из вас, кто читал «Повесть о Зое и Шуре», знают, как Зоя мечтала о дружбе, о настоящем, большом и близком друге. Не только в записной книжке — в блокнотах, на разрозненных листках сохранились слова, выписанные ею из различных книг. Вот какие строки выписала она из письма Герцена к Н. Захарьиной: «Время, опыт — единственные права, чтоб дружбу признать истинною. Что значит иметь друга, это я знаю; что значит ошибиться в человеке — и это я знаю: это кусок мяса, отодранный от своего сердца, горячий и кровавый».

На другом листке я нашла ещё одну запись — из статьи Д. Писарева: «Дружба должна быть прочной штукой, способной пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой люди совершают своё жизненное путешествие».

В статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» Зою остановила такая мысль: «Дружба — чувство невольное, именно потому, что свободное; им управляет сердце, а не ум и воля. Друга нельзя искать, как подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; друзьями делаются случайно и незаметно».

На полях листка, где написаны эти строки, Зоя набросала карандашом: «Я с этим не согласна. Друга можно искать, и я буду искать его всю жизнь, пока не найду».

Ещё маленькой она умела стойко переносить всякую боль. Вы, наверное, помните, что профессор, лечивший её, говорил: «У девочки огромная выдержка, она всё переносит без стона, без крика, очень мужественно и стойко».

И вот эта девочка записала в одной из своих тетрадей: «Рана от кинжала излечима, от языка — никогда»,— потому что, умея стойко переносить физическую боль, она глубоко страдала от грубого слова, от несправедливой обиды.

По зоиным записям видно, что мысли, которые волновали её в юности, тревожили её и в детстве. В одной из детских её тетрадей идут подряд три записи: «На колеблющегося не рассчитывай, на воду не опирайся», «Умный себя винит, глупый — товарища», «Трус увеличивает опасность».

Значит, о том, что же такое настоящее товарищество, подлинное мужество, Зоя задумывалась ещё совсем девочкой.

С зоиной записной книжкой, её тетрадями и беглыми записями в черновых блокнотах я познакомилась давно, почти шесть лет назад. И тогда, помнится, меня озадачила одна запись: «Найти

волшебный ключ! Пройти через жизнь в шитом звёздами плаще!».

Память не подсказывала мне объяснения этим словам. Я не знала, откуда они, но понимала, что за ними кроется какая-то большая мысль, освещающая путь далеко вперёд.

И только совсем недавно, читая письма немецкой революционерки Розы Люксембург, письма, которые она писала из тюрьмы на волю, я нашла в одном из них такие слова: «...и в скрипе сырого песку под медленными, тяжёлыми шагами часового тоже поётся маленькая прекрасная песнь о жизни, если только уметь правильно слушать. В такие минуты я думаю о Вас. Я бы так хотела поделиться с Вами этим волшебным ключом, чтобы Вы всегда и во всяких положениях находили красоту и радость жизни... Я хотела бы... передать Вам мою неисчерпаемую внутреннюю радостность, чтоб я была спокойна, что Вы проходите сквозь жизнь в шитом звёздами плаще».

Роза Люксембург находилась в тюрьме. Писала она человеку, который был на свободе. Но, обладая сильной и щедрой душой, она старалась помочь менее стойкому своему товарищу. В тюрьме она оставалась свободной и твёрдой духом, постоянно готовой к борьбе. И Зоя черпала в этих письмах радость жизни и борьбы и гордые слова славной революционерки о том, что человек никогда не должен терять стойкости и воли к жизни, записала для себя как девиз.

Книги для Зои были учебником жизни, в них она находила высокую меру поступков и мыслей. Облик Чернышевского, судьба Овода, жизнь Павки Корчагина — всё это оставляло глубокий, неизгладимый след в её душе. Герои живые и выдуманные заставляли её постоянно приглядываться к себе, к товарищам, заставляли думать, искать.

Книги воспитывали её ум и сердце, закаляли её волю и мужество, учили во всём слышать прекрасную песню о жизни.

ПОВЕСТЬ О БОЛЬШОЙ МЕЧТЕ

Сергей Баруздин

Перед нами новая книга. На её обложке нарисован мальчик лет одиннадцати, в коротких штанах и клетчатой рубашке. Он держит

над головой странное сооружение из дерева, змеиной кожи и перьев с торчащими в разные стороны оленьими рогами. Что это? Неужели головной убор какого-нибудь индейца?

Мы открываем книгу и смотрим другие рисунки. И опять нас охватывает любопытство. На одних рисунках мы видим улицы большого современного города, грязные дворы, заваленные мусором, обычные школьные парты и сидящих за ними учеников, комнаты с телефонами и даже легковой «фордик», хотя и не очень новый, но всё же автомобиль, а на других — островерхие хижины индейцев, сделанные из древесной коры, необычного вида длинные копья, щиты и стрелы и тут же их обладателей — высоких мужчин в странной одежде из оленьих шкур, с перьями на головах. О чём же тогда эта книга? О древних индейских племенах или о современных школьниках? Пожалуй, и о том и о другом.

Маленький герой этой книги живёт в Нью-Йорке в 1924 году. Но, никуда не уезжая из своего города, он часто совершает увлекательные путешествия в чудесную страну далёкого прошлого, к людям, которые перестали существовать несколько столетий назад.

— Что за чудеса! — скажете вы.— Такое может быть только во сне.

Нет, это не сон. Просто одиннадцатилетний школьник Тони Мак-Тэвиш Ливи прочитал очень много книг об индейцах и хорошо знает жизнь этих трудолюбивых, смелых и честных людей. Тони умеет мечтать, и мечты его, подкреплённые знаниями, делают чудеса. Вот он и попадает к индейцам из племени векквейстиков, которые жили много лет назад на месте нынешнего Нью-Йорка, играет с ними в игру «сум-во» и даже встречается с тремя вождями другого племени — ирокезов.

Но всё, что случается с Тони, не просто фантазия маленького впечатлительного мальчика. Тони — сын простого рабочего, и ему нелегко живётся в капиталистической Америке. Его мечта — это мечта о лучшей, свободной жизни. И мы верим в то, что, когда Тони вырастет, он станет мужественным борцом за счастье своего народа.

О приключениях Тони рассказывает в своей книге американский писатель, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Говард Фаст.

Имя Говарда Фаста, замечательного писателя и человека, друга

мира, знают миллионы людей. Говард Фаст написал много книг. В своих романах, повестях, пьесах, статьях и очерках он рассказывает о борьбе негров за свои права и о забастовках американских рабочих; он гневно выступает против угнетения индейцев и вдохновенно прославляет восстание римских рабов; он с любовью пишет о простых и честных людях сегодняшней Америки, которые борются против фашизма и войны. Борьба за свободу, счастье и равенство — главная тема всех произведений Говарда Фаста.

Повесть о большой мечте американского мальчика Говард Фаст посвятил детям. Называется эта повесть «Тони и волшебная дверь». До того, как выйти отдельной книгой, она была напечатана в седьмом номере журнала «Пионер» за прошлый год.

Те из вас, кто читал повесть, уже успели полюбить её героев: честного и справедливого Тони, его родителей, суровую на первый взгляд учительницу мисс Клэтт, старого мудрого доктора Форбса, его доброго друга, хранителя Музея американских индейцев Айзека Гилмена... Мы с интересом следим за их судьбой, вместе с ними радуемся и огорчаемся, вместе с ними мечтаем о счастье для всех людей на свете. А это значит, что писатель подарил ребятам настоящую, правдивую книгу.

В письме к своему другу, писателю Борису Полевому, Говард Фаст пишет:

«Получил экземпляр повести «Тони и волшебная дверь» в журнале... Ваши иллюстраторы превосходны — в самом деле, больше во всём мире нет иллюстраций, подобных советским. Они как-то схватывают самую душу произведения, которое иллюстрируют. Не чудесно ли, что рассказ, который я написал для своих собственных детишек, сможет доставить радость стольким детям в вашей стране?

В какой-то степени ничто иное не даёт мне такого удовлетворения. Но в то же время вы поймёте меня, если я скажу, что труднее всего для меня писать хорошо для детей. Сердце и ум ребёнка ускользают от вас, и владеть ими хоть на мгновение — самое трудное и самое большое счастье для писателя».

Повесть «Тони и волшебная дверь» вышла сейчас в Детгизе отдельной книгой, и теперь у неё будет много новых читателей и много новых друзей.

Книга будет продолжена

Г. Скребицкий

СЛЕД ГОРНОСТАЯ

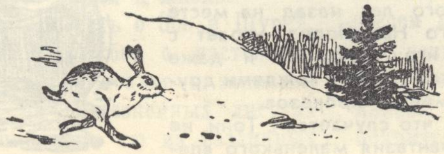
СЛЕД ХОРЬКА

Вот уже более сорока лет я брожу с ружьём или просто с записной книжкой по лесным, давно не хоженным тропам, и постепенно передо мною открывается замечательная, полная разнообразных приключений жизнь нашей родной природы.

Но мне хочется, чтобы эту жизнь наблюдал, изучал не я один, а сотни и тысячи ребят приняли участие в этом увлекательнейшем занятии. И вот я решил помочь вам в этом деле: написал книгу «С ружьём и без ружья».

Надежды, которые я возлагал на эту книгу, оправдались даже более, чем я того ожидал: Дом детской книги и я получаем огромное количество писем от ребят с дружескими отзывами о книге, а также с различными вопросами о жизни птиц, зверей.

Некоторые вопросы в письмах повторяются, так как они интересуют многих ребят. Поэтому я решил на такие «коллективные» вопросы ответить через журнал «Пионер».



Ребята спрашивают меня, как различать следы. Следы многих животных настолько похожи, что научиться их различать можно только на практике, путём долгих, внимательных наблюдений. Для примера мы здесь опишем только наиболее характерные из них.

Почти повсюду: на гумне, в парке, в лесу — можно встретить очень мелкие следочки. Снег будто прострочен ими, они появляются из-под кустов, из-под сваленных в кучу сучьев и веток. Их особенно много там, где случайно обронён клок сена или просыпано с воза зерно. Это всё набродили полевые или лесные мыши.

А вот следок покрупнее, но значительно меньше кошачьего. Судя по следу, зверёк не бежал трусцой, а прыгал скачками. Неожиданно след исчезает под снегом и вновь появляется на поверхности. Но теперь зверёк, видимо, что-то тащит в зубах и движется медленно. А рядом с его следом по снегу тянется окровавленный «потасок». Зверёк потащил добычу куда-то под кучу хвороста. Это охотился за мышами один из их лютых врагов — горностай,

а может быть, ласка. Следы ласки мельче, горностая — чуть крупнее.

По овражкам, среди кустов, на лесосеке, возле куч хвороста, а нередко и на гумне возле скирд можно заметить следы, очень похожие на следы горностая, только крупнее. Зверёк, оставивший их, был величиной немного поменьше кошки. Это бродил хорёк, тоже охотник за мышами.

Вы идёте на берег лесной речушки. И здесь тоже есть следы, похожие на следы хорька. Неожиданно они исчезают в незамёрзшей полынье и вновь появляются из воды на снег. Значит, недавно тут бегала норка. В реке она охотилась за своей излюбленной добычей — за лягушками. На зиму они в большом количестве собираются где-нибудь на дне под опавшими листьями. Лягушки зимуют часто огромной «компанией». Найдёт норка такую «компанию», надолго ей хватит добычи.

Если вы заглянете в лес или в поле, то там очень легко увидеть заячьи следы. Следок от четырёх лап зайца немного похож на ёлочку: спереди рядом два широких крупных следка — основание ёлочки, а позади один за другим два поменьше — её вершинка.

Легко распознать на снегу и беличий след: четыре следка вместе — впереди рядом два покрупнее и пошире расставлены, а позади два других — поменьше и поближе один к другому. Белка трусцой не бегает, а тоже скачет, как заяц, прыжками, поэтому и следы у неё получаются не сплошные, а на известном расстоянии — сантиметров на двадцать — тридцать один от другого.

Очень характерный след оставляет кума-лиса. Когда она бежит не торопясь, то след её тянется будто по ниточке, в одну линию, следок за следком. Ну, а уж если её пугнуть и она поскачет галопом, тут её след от собачьего и не отличишь.

След в след, будто по нитке, идёт не только лиса, но и волк. Если идут несколько волков, они шагают лапа в лапу. Увидишь волчий след и сразу не догадаешься, сколько прошло тут волков.

Юннаты спрашивают также, кто быстрее бежит: заяц, лиса или волк? Ответить на этот вопрос очень трудно. Никто никогда не устраивал соревнований в беге между этими животными. Правда, лиса ловит зайца, а волк — и зайца и лису, но это, конечно, не показатель скорости их бега. Ведь часто хищник ловит добычу, подкрадываясь к ней из-за прикрытия. Однако мы всё-таки можем судить об относительной быстроте бега зайца, лисы и волка. В открытых степях на этих животных охотятся с борзыми собаками. Борзые скачут быстро, они догоняют и ловят зверей. И вот оказывается, что легче всего борзые догоняют лису; заяц-русак бежит значительно быстрее её, но ещё быстрее зайца скачет старый, матёрый волк. Его редкая борзая может догнать, а ловят они волка обычно, устремляясь ему наперерез. Вот, следовательно, борзые и помогли нам выяснить, кто из этих животных бежит скорее.

Вот ещё один вопрос: видят ли совы и днём или только ночью? Чтобы вы могли судить об этом, я расскажу несколько случаев из охотничьих наблюдений. Один охотник сообщил мне, что он как-то днём охотился за рябчиками. Затаившись в кустах, он подманивал их на манок. Неожиданно между деревьями совершенно бесшумно мелькнуло что-то большое, серое. В следующий миг крупная сова-неясыть вылетела из-за ветвей и, усевшись на сук, стала прислушиваться и приглядываться, стараясь определить, где находится рябчик.

Другой случай рассказал мне заведующий Казанской биологической станцией В. П. Теплов: однажды весною, плывя по разливу реки Камы, он был свидетелем, как два филина белым днём хватали у берегов рыбу, которая нерестилась в мелководье.

Из этих примеров становится ясно, что по крайней мере некоторые совы отлично видят и могут охотиться не только ночью, но и днём.

Ребята спрашивают и о том, куда деваются на зиму летучие мыши. С наступлением холодов эти зверьки забиваются в пещеры, в дупла деревьев и в другие укромные места. Там они цепляются острыми коготками за разные выступы и, повиснув вниз головой, впадают в зимнюю спячку. Но иные из летучих мышей, подобно перелётным птицам, с наступлением осени улетают от нас на юг.

Отвечая, ребята, на ваши вопросы, мне хочется отметить одно очень важное обстоятельство: вопросов я получил много; они доказывают, что книга «С ружьём и без ружья» пробудила у юных читателей большой интерес к природе, к жизни её обитателей. Но, к сожалению, я пока получил очень мало писем с наблюдениями над жизнью природы, сделанными самими юннатами.

Я уверен, что юные натуралисты такие наблюдения уже ведут и в скором времени мы получим письма не только с вопросами, как и что наблюдать, но также и с наблюдениями, подкреплёнными снимками и зарисовками самих юннатов.

Обещаю вам: книга будет продолжена, и в ней, несомненно, большое место займут наблюдения, записи и зарисовки самих юных натуралистов.

След волка

В ЧАСЫ ДОСУГА

НИЖЕ ВСЕГО

Профессор Иван Васильевич Тропиков и всем известный пионер Кимушка Нордостюк, его внучатный племянник, оба знаменитые географы, сидели однажды, отдыхая после трудного подъёма, на вершине горы Эверест.

— Не кажется ли вам, уважаемый коллега,— сказал профессор,— что ныне, после того, как нам с вами удалось посетить эту точку земной поверхности, которая дальше всех отстоит от центра земли, нам не мешало бы побывать и в другой её точке — в той, которая к земному центру всего ближе?

— Хорошо бы! — согласился Кимушка.

— Так за чем же дело стало? — обрадовался профессор.— Давайте сейчас же сядем в цельнофантастический вездепроникатель моей конструкции и опустимся на дно глубочайшей океанической впадины. Это — у Филиппин. Глубина там — 10 540 метров. Очевидно, оттуда-то всего и ближе до центра земли. Согласны?

— Отнюдь! — пробасил Кимушка Нордостюк.— На вездепроникатель я согласен. На Филиппинские острова — отнюдь! Предлагаю вам, дядя Ваня, другое место...

— Какое, коллега, какое? — взволнованно заторопился Тропиков.— Скажите, не томите старика!..

— Предлагаю так... Отсчитайте от этой вершины, на которой мы сидим, 62° 01′ и именно там опускайтесь на дно. Это и будет самое низкое место земного шара... Ближе всего к центру... А впрочем, можете и не нырять: всё равно будете к нему ближе, чем на вашем филиппинском дне...

— Позвольте, позвольте, коллега!.. 62° 01′? Но в какую сторону? И потом — в какую сторону ни возьми, всё равно филиппинская впадина всех глубже... Вы что-то путаете...

— Отнюдь... А в какую сторону? Так в этом-то ведь и есть задача...

Профессор Тропиков задумался...

Я советую задуматься и вам. В самом деле, что является самой близкой к центру земли точкой земной поверхности? Что ниже всего? Ким Нордостюк утверждал, что она лежит на расстоянии в 62° 01′ от вершины горы Эверест, а вовсе не у Филиппин. Так ли это? Кто прав в этом учёном споре? И главное, почему?

Лев Успенский

ОТВЕТЫ
на задачи, помещённые в № 2

КАКАЯ БУКВА?

К — рот, к — лен, к — омар, к — ремень, к — лещи.

НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

По горизонтали:

3. Ветер. 6. Волк. 7. Река. 10. Комар. 12. Баран. 13. Лук. 14. Книга. 16. Кочан. 20. Пила. 21. Орех. 22. Горох.

По вертикали:

1. Печка. 2. Вёдра. 4. Роса. 5. Окна. 8. Сосна. 9. Сахар. 11. Жук. 15. Гриб. 17. Овёс. 18. Замок. 19. Топор.

НЕ ГЛЯДЯ НА КАРТУ

Чтобы ответить на эту задачу, достаточно вспомнить, что города Смоленск и Днепропетровск стоят на реке Днепр, причём Смоленск находится в верхнем течении Днепра, значит, и выше над уровнем моря.

Река Москва впадает в реку Оку — приток Волги, в нижнем течении которой находится Саратов. Значит, Саратов ниже Москвы над уровнем моря.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

1. Берингов пролив разделяет Берингово и Чукотское моря, Северный Ледовитый и Тихий океаны, Азию и Америку, Советский Союз и Соединённые Штаты Америки.

2. Ангару в нижнем её течении часто называют Верхней Тунгуской, таким образом, речь идёт об одной реке.

3. Скандинавский полуостров омывается Баренцовым и Норвежским морями Северного Ледовитого океана и Северным и Балтийским морями Атлантического океана.

Балканский полуостров омывается Чёрным, Мраморным, Эгейским, Ионическим и Адриатическим морями Атлантического океана.

4. Каждый из ребят по-своему прав, так как у нас три реки Белые.

В ЗООМАГАЗИНЕ

1. Ворона. 2. Галка. 3. Снегири. 4. Голубь. 5. Телескоп. 6. Аксолотль. 7. Вуалехвост. 8. Тритоны. 9. Улитки. 10. Караси. 11. Морская свинка. 12. Белая крыса. 13. Лисёнок. 14. Ящерица. 15. Черепаха. Имеются в продаже скворцы.

Редколлегия: **Ильина Н. В.** (редактор), **Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н.** (заместитель редактора), **Орлов В. И., Поддубная В. А.** (ответственный секретарь), **Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор **А. Ефимова.**

Рукописи не возвращаются.

А 00252. Подписано к печати 25/II 1955 года. Тираж 300 000 экз. Изд. № 174. Заказ № 140.
Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. л. 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

КОЛЛЕКЦИИ МАРОК

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОФОРМЛЕНИИ

СОВЕТСКОГО СОЮЗА
КИТАЙСКОЙ Народной Республики
ПОЛЬСКОЙ Народной Республики
ВЕНГЕРСКОЙ Народной Республики
РУМЫНСКОЙ Народной Республики
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ Республики
ГЕРМАНСКОЙ Демократической Республики

АЛЬБОМЫ и КЛЯССЕРЫ

для марок высылают наложенным платежом без задатка:

магазин № 63 Москниготорга — Москва, К-31, Кузнецкий мост, 20

магазин № 44 Ленкниготорга — Ленинград, 25, Невский проспект, 78

магазин «Ноты» Свердкниготорга — Свердловск, ул. Ленина, 22-а

магазин № 7 Львовского книготорга — Львов, Академическая, 3.

Филателистическая контора.

Цена 2 р. 50 к.

УЗОР ДЛЯ ТКАНИ. Саша Лукьянов. **НАБОЙКА.** Валентин Сабко.

Изостудия Дома культуры автозавода имени Сталина.

НА ЭКСКУРСИИ. Слава Исаев.

Дом пионеров Краснопресненского района Москвы.